

опустошитель
[иверсния курутьлы]

#4
мизогиния

Журнал "Опустошитель"

#4. Мизогиния

Москва, июнь 2011

160 стр.

Редакционная коллегия:

Вадим Климов

Маргарита Кривченко

Глоток ненависти второго лета опустошения. Четвертый номер: мизогиния, половая сегрегация, отравление красотой. Женская дефиниция через отрицание. Болезненный шепот Уильяма Берроуза, философическое обличение Отто Вайнингера, приглушенное кудяхтанье Бруно Шульца, рациональный декаданс Владимира Фомина.

В оформлении обложки использована работа Corpse Mal.

Номер издан при поддержке Александра Донова (<http://nokunst.com>).

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2011
<http://pustoshit.com>

журнал

Опустошитель

#4. Мизогиния

666

orhion

Павел Бабаков

Уильям Берроуз

Шарлотта Бурилли

Отто Вайнингер

Ника Дуброва

Вадим Климов

Маргарита Кривченко

Станислав Курашев

Алексей Лапшин

Руфи Руф

Владимир Фомин

Бруно Шульц

Москва

июнь 2011

Вступление

Как писал французский визионер Жан Парвулеско в композитном романе "Португальская служанка": *Явлению нового должно предшествовать необратимое исчезновение прежнего.* Развитие "Опустошителя" подчинено в том числе и этому фундаментальному закону. От майского Сумасшествия 2010-го - через октябрьскую Социопатию и мартовскую Анемию - к июньской Мизогинии 2011-го.

Четвертый номер обрушивается на женщин, слишком удобных для агрессии, чтобы обойти их вниманием. Разумеется, субъект радикального опустошения не может не прийти к мизантропии, это его последняя отрада. Как богоборец отрицает любого бога, в каком бы обличье тот не предстал перед ним, так мизантроп не может не быть мизогиним: от общего к частному.

Новорожденные малышки в возрасте, когда пол еще не играет роли, крохотные девочки в игрушечных платьях, нервные девушки-подростки, приближающиеся к половой зрелости, молодые женщины, елозящие взглядом по толпе в поисках потенциального отца их детей, замужние тетки с обреченными бессмысленными физиономиями, старые девы, корчащиеся в бессемейной агонии, старухи, озлобленные и костлявые или тошнотворно рыхлые с добродушными улыбками...

Аудитория нашего журнала растет на глазах. Но учтите, мы по-прежнему меньшинство, поэтому будем кусать вас, как и прежде!

Поэтический реликт Гавриил Державин подглядывает через плечо юного Александра Пушкина такие стихи

*Говорят, царица в ночь
Не то сына, не то дочь
Родила – и померла.
Вот такие, брат, дела.*

Державин пеняет молодому гению на бестолковость и косноязычие, граничащие с дурновкусием. Пушкин разрывает сочинение на глазах у надоедливого старика, швыряет обрывки ему в лицо и выбегает из комнаты. Чтобы через пятнадцать минут вернуться с полным текстом "Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди". Яркий образец отвращения к старости и женщинам, выраженный четырехстопным хореем с парной рифмовкой.

Другой персонаж мировой художественной литературы. Берроузовский дикий мальчик без пупка в классной комнате двадцатых годов. Он кладет яблоко на учительский стол. Я возвращаю ваше яблоко, учитель. Затем подходит к доске и стирает слово МАМА. Вместо него мальчик пишет:

Опустошитель #4. Мизогиния

микро

Руфи Руф Ля-ля, детка¹

Начать бы свою историю мне следовало с того, что в детстве я абсолютно не понимала, что такое хорошо, а что плохо. В три года я еще даже не знала такого слова "Вина", когда некто-отец бил о железную батарею, схватив за одну руку и за одну ногу. Коленные чашечки крошились о железную, ребристую поверхность, а содранная кожа позже превратится в две коричневые корки...

Голос матери за кадром (мне тридцать и я все еще живу в ее доме): "Света, надо спать по ночам, а днем заниматься делами!". Как будто у меня могут быть еще какие-то дела... Вот уж действительно ха-ха! Голос дяди Мойши: "Пора тебе уже помириться с отцом, сколько можно не разговаривать!" Очевидно, дядюшка сам не совсем понимает ситуацию. Тридцать лет нещадных побоев, ненависти, отравленной жизни, издевательств. Ни минуты покоя и радости. "Мы не ссорились, дядя". Какими словами объяснить вам, что меня ненавидят и убивают, причем абсолютно безнаказанно? "Вы же на самом деле ничего-ничего не знаете..."

Единственное, что удерживает меня от вскрытия вен, так это то, что сегодня я говорила со Стасом. Он же, Стас, выслушал меня и сказал: "Не депрессуй, сделай что-нибудь".

¹ Отрывки из романа.

Жёлто-зелёный линолеум в моей комнате нагрет солнцем. Игрушки, аккуратно сложенные мной, магнитная азбука и точный календарь. Следовательно, мне где-то около четырех. Отец, за чем-то зашедший ко мне в комнату. Лето. Не помню что произошло, но он замахивается и жёстко бьет меня по лицу. Затем больно, своей железной хваткой, (что уже само по себе служит способом причинения боли), хватает меня за руку. Выворачивает запястье, чтобы развернуть меня к себе спиной, и бьет со всей силой взрослого психа. У нервнобольных силы не меньше, чем у спортсменов и прославленных мастеров восточных единоборств. Железный кулак врезается в мою задницу, и в поясницу чуть выше. Потом мать часто будет повторять: "Тебя никто не бил, Света, может несколько раз шлепнули".

[...]

"Скотобаза", "Дрянь", "Тварь", "Мразь", "Гадина", "Я тебе сейчас язык вырву"... Слова сопровождаются попыткой открыть мне рот, щеки сдавливаются железной хваткой так, что сжатые изо всех сил челюсти разжимаются... "Маленькая сволочужка"... И меня обдавало как помоями - волной не только ненависти, а еще и инцестированной порнухи. В груди все закипало от страха и адреналина. Нужно сказать, что во все время этих экзекуций надо мной папашка сексуально возбуждался, и не могу передать, как противно мне при этом было.

Итак, вернусь в тот день, который можно назвать днем медной проволоки. Мне - пять. Что там произошло вначале, опять-таки точно не помню. Вроде бы папашка поссорился с матерью, (а ссорились они постоянно), и все мы находились в зале. Вечер, люстра, работающий телевизор. Сколько себя помню - он работал всегда, а ночью светился от дневного перегрева. Мать в кресле, некто-отец на диване. Я - на полу между книг и игрушек.

[...]

Малейшее неповиновение, возражение, любой успокоительный довод или просто счастливая улыбка вызывали в нем такое бешенство, что если бы не мама, то меня бы покалечили и убили

еще в раннем детстве. Помню, года в два, когда я начала бояться темноты и вечером не пользовалась взрослым туалетом, я сидела на горшке. В воспоминаниях - рука, которая больно, с ненавистью хватает меня между плечом и локтем... Чуть не ломая кость, вскидывает меня вместе с горшком, в котором застряла моя задница, и ударяет меня с моим пластмассовым треном о пол снова и снова... И в этот момент из меня вместе со страхом, унижением и болью начинает дрисать дерьмо. При таких усилиях со стороны оно растекается далеко за пределы горшка.

[...]

Итак, этот рассвирипел и, отшвырнув меня от телевизора, стал бить со всей силой тридцатилетнего мужика, который еще недавно посещал студию каратэ. Грудь, руки, голова, запястья - никогда мне уже не швырять мячики на далекое расстояние... Щеки, губы, нос... Подозреваю, что уже тогда носовая перегородка ломалась не первый раз, ложась то на левую сторону, то на правую. Нижняя губа лопнула посередине, из нее льется кровь... Синяки на ногах, руках, животе, спине, запекшиеся потом дочерна. Я рыдала, кричала, орала, просила не делать мне больно, но ему этого казалось мало. Он был чем-то вроде электрика, и у нас в доме всегда было полно всякого мусора: шурупов, резисторов, сломанных выключателей... Длинной, толстой проволоки. Это была не чистая медь, а скорее ее более твердый сплав. Несколько миллиметров в диаметре, с острым загнутым концом-крючком. Загиб проволоки был отломан или скорее откушен кусачками. Назначение предмета так и осталось неизвестным для меня. Эта самая медная проволока с крючком со свистом впивалась в мое тело - в плечи, голову, но больнее всего - в задницу. Она оставляла рваные царапины на теле, дырки в колготах и в новом платье. Таким красном платье, в синюю клетку, с красным бегемотиком на груди. Я изо всех сил упиралась, чтобы усидеть на полу и избежать удара крючком, который выдирает не только кожу, но и плоть из мягкого места. Чирк-чирк-чирк... Это было куда хуже, чем удары по голове кожаным ремнем с массивной пряжкой шириной в ладонь. До этого я не думала, что в жизни может быть ТАКАЯ боль. Не знала, что она существует в природе. Меня рвали за руку с пола и стегали снизу вверх этой плеткой карабаса-барабаса. Крик разрывал нашу квартиру и весь девятиэтажный дом пополам.

Печальная, никогда не улыбающаяся и не смеющаяся мать - тень в доме - нравилась мне меньше отца. Ведь это он брал меня за руку и вел гулять... [...] С одной стороны пить с папашкой горячее молоко со свежими бубликами в пекарне на Крещатике, с другой - терпеть его побои и жестокость.

Я тщательно подметала, убирала, рисовала, и думала, что этот урод будет мной гордиться. Как же. Вела с ним разговоры на темы Вселенной, бесконечности космоса... После побоев долго объясняла, что меня бить нельзя, что это несправедливо, и что он не имеет права. А он только противно улыбался. А после сатанел, приходил в бешенство и мог избить еще раз.

Тяжелый резиновый шланг от пылесоса советской модели 1981 года. Не та легкая дребедень, которая сегодня продается на рынке. В совке вещи делали на пятьдесят лет службы. Вес шланга - несколько килограммов тугой, толстой резины, гофрированной и укрепленной волокном. Чтобы его распрямить, требуются приличные усилия. Можно представить себе с какой силой он врежется в тело, если отпечатки гофра на коже - в полтора раза шире, чем на шланге. К тому же часть трубы - из алюминия, с креплением из твердой (а не как сейчас принято, из мягкой) пластмассы. Внезапный свист в воздухе и удары, которые сбивают меня с ног. По спине, пояснице, заднице, ногам. Особенно больно пояснице. Болью отозвались все органы малого таза, в том числе и неразвитые матка и яичники. Со всей дури, со всего маху - за то, что распечатала окно в своей комнате после зимы. Сколько же мне тогда было? Семь, не больше. С Бредди, как всегда, случился припадок неконтролируемой ярости.

В девять лет я стояла на кухне в переднике, пошитом на уроке труда, и мыла посуду. Дверца верхней антресоли, куда я складывала тарелки, была открыта и отведена к стене. Мой затылок

находился точно на пути следования закрывающейся дверцы. Когда он зашел на кухню, я вся съезжилась, чувствуя бушующий злобный адреналин. Я испугалась, ссутулилась как кочерга и до судорог напрягла тело. Мышцы спины и шеи затвердели моментально. Возможно, это меня спасло. Мои деревянные руки продолжают мыть посуду... И я: маленький зверек перед большим бешеным зверем, который готовится кинуться и растерзать. Он начал хлопать дверцами кухонных шкафов и придуренно верещать. О чем же на этот раз? Пропало что-то? Чего-то нет на своем месте? Кастрюли, сумки, прошлогодней газеты? Но на самом деле я понимала, что весь этот маскарад - не что иное, как "прелюдия" к побоям... Трепет и ожидание: "А может быть пронесет, если стоять спокойно?". Но не пронесло. Пару раз ударил, схватил за грудки голубого баевого халата, отвесил пощечину... Стукнул пару раз о мебель. Вроде выбежал из кухни: громить что-то в зале. Я расслабилась, но тут же напряглась, когда он снова ворвался на кухню. Я не успела понять или что-то еще сообразить, как он подскочил сзади и ударил меня дверцей кухонного шкафа по затылку. Подло, со всего маху, закрывая мою голову вместе с обеденными тарелками. Один раз, и еще раз. Затылок погасил всю силу ударов, из глаз посыпались искры. И это - не преувеличение. Я видела, как из моих глаз вылетели сверкающие, бенгальские огни и упали на циновку, как горящий кусок фитиля со свечи. "Клево! Так вот что означает: "Искры из глаз"?". От удивления я даже немного утешилась. Ну, насколько это вообще возможно.

С того дня я очень закрепостилась, особенно когда мыла посуду, или когда за спиной кто-нибудь был. Например, в транспорте или на улице. С тех пор пройдет несколько лет, а поездки в автобусе останутся мукой. Чем больше людей за спиной - тем сильнее судорога сводит шею. Женщины в метро шепчутся обо мне: "Смотри, какая нервная девушка" - я слышу это и действительно начинаю странно, безотрывно смотреть на них.

А во что я превратилась теперь? В забитое, бормочущее Нечто, живущее на двенадцати квадратных метрах своей комнаты? Куда?! Куда прорваться, если везде одно и то же! И ни одного

друга рядом? "Уйди из дому!", "Уедь в Тайгу!", "Нет, лучше в Африку!" - я слышала эти советы много раз. Эти ребята реально не знают, что они советуют. Бомжевать? Чтобы заразиться туберкулезом, гангреной, гепатитом? Сдохнуть в канаве, или на койке хосписа, с гниющими ранами на ногах? Хотите ли вы, чтобы ваши ноги отвалились, и вам даже не на что было надеть обувь? Всё еще не страшно? Тогда сходите в реабилитационный центр и посмотрите...

Какой выбор? Быть на улице, или в чужой стране, где любой алкаш может безнаказанно тебя изнасиловать и избить? Стать добычей сутенера, который продаст тебя в рабство? Неплохая смена обстановки, есть над чем подумать. Может быть все-таки махнуть в Тайгу? Там на десятки километров один жених и то девяностолетний дед! Это, кстати, ужасно популярный сюжет российских Ти-Ви: "Школьница старших классов выходит замуж за беззубого лешего! Совет вам да любовь! Рай на земле!". Что мне вообще там делать, в лесу? Преподавать русским белкам и медведям украинское право? Или гоняться за женатыми геологами с криками: "Я женщина! Женщина я!"?

Итак, мне двадцать семь лет, и я снова без работы. Я переодеваюсь в комнате сестры без света: хватает отблесков серого вечера. Дверь на защёлку случайно не заперта. И хотела же закрыть как обычно, но думала, что в эти пару секунд никто не зайдет. Ведь это же быстро - снять лифчик, вывернуть чистую футболку с изнанки и натянуть её через голову. Однако закон подлости в том и состоит, что случается самое маловероятное. Папашка зашел так быстро, что я сильно испугалась. Именно от испуга я резко (резче, чем следовало) вскрикнула: "Что такое? Выйди!". Что тут приятного - стоять топлес в одних трусах перед тем, кто избивал, унижал и издевался над тобой? Он взревел и кинулся на меня с кулаками. Ударил голую сильно несколько раз в лицо. Кадр называется: "Груша и боксёр". Он никогда не уважал во мне девочку, девушку, женщину. С каждым разом побои будут становиться всё хуже и разнузданнее.

Если раньше я могла обмочиться и зарыдать и побои прекращались, то когда мне стукнет тридцать - картина будет совсем

иной. За пятнадцать минут избиения я сильно обоссусь три раза - через равные промежутки времени. Но ни в первый, ни во второй, ни в третий раз побои не остановятся. Я буду ссать под себя, лежа в луже мочи, а меня в этот момент будут продолжать молотить кулаками в лицо.

Лодка настроений на жемчужном небе раскачивается высоко-высоко. От кормы до носа висит жемчужное ожерелье. Белые, тонкие как нити, блики на синих волнах, неотличимы от неба. Где-то высоко - в небесном океане. Там, где радуги сплелись хвостами, как полосатые змеи. Где в чёрном небе сияние белоголубых звезд превращается в музыку. А зелёный виноградный лист светится так же ярко, как сама Жизнь. Там, где детство улыбается с верхушек деревьев в херсонском дворике. Где само солнце белым палевом сходит с небес и есть только ты и море солнечного света. Яркое и радостное. Я совсем не против начать заново.

666

не верьте взрослым с мясистым носом

В городе Саратов полна жопа сартров. Хватают за рукава, за слова, за язык, оттянут, обрежут, да бросят шмат на весы. И крутят мясистый фарш - добавляют лавровый лист, ералаш, похоронный марш, твоё имя, немножко говна и рекламы, всё что в блоге писал о маме, да скрипящий на зубах камень. Сартры суетятся, как человечки - пекут этот фарш в кирпичной вонючей печке, на помойке у чёрной речки. Да почтой, по полям, по лесам, шлют кусочки по алфавиту, по адресам, с сабжем "удлинни сам" или "фирма Сезам" из города где не верят слезам. А было оно насрато, или с неба подобрано... ведь это Саратов, детка, всем похуй. Уйди по-доброму. В конце концов, мы все насыщены углеродом

и течём по ржавым водопроводам на прокорм маленьким, но гордым народам.

*«квинтэссенцией мира
произведённой Богом из «вытяжки» целого мира
как бы в гигантской алхимической лаборатории,
по Парацельсу, является человек»*

Я достаю из кармана пальто квинтэссенцию всей своей злобы:
лицо Вашингтона, с ввалившимся ртом, зелёное и гололобое.

И сокрытая в мягкости губ и рта, словно слезой вися,
из вас вытекает в ответ доброта, в которой, увы, вы вся.

В розовых фруктах не спрятать сок. Ведь мягкостью полотенца,
и резиной, оформившейся в сосок, обманывают младенца.

Жизнь наша - из злобы, и из доброты, и началась с обмана.
Эй, Вашингтонские злые рты, поздоровайтесь, это - мама.

Время - широкой и бурной рекой, по зелёным лесам, полям,
где любовь наступает побритой ногой на бумажную плоть коро-
лям.

Ты говоришь - мясо.
Я отвечаю - красное.
Ты говоришь - Яуза.
Я говорю - кляксы.

Ты говоришь - заяц.
Я отвечаю - верность.
Ты говоришь - зависть.
Я говорю - ненависть.

Сверху покрыты мехом,
но голые очень снизу мы.
Под полупрозрачным веком -
взгляды, губу облизывая.

Мы с тобой - как амёбы
в презервативе.
Как трупные черви в нёбе,
ситуативны.

Знаешь что там, за рюмками,
с запахом пряным сена?
Мы там с тобою хрюкаем,
как фрукты, вися над всеми.

Главный нарколог великой страны
пальцами ощущает дрожание струны.
Главный нарколог - не паяц и не пьяница.
Но струна - изворачивается и вьётся, тянется,

и ведёт его за угол, где толкаются люди.
И он видит себя на сыром асфальтовом блюде.

Вы когда-нибудь видели, как плачет нарколог?
Река впадает в море, в реку впадает ручей.
В сжимающемся пространстве использованных иглок
грустно играет виолончель.

Над землёй облака, как на блюде. А под ними река - это люди. И
холодный язык наших дней лижет грани цветных камней. Пау-
тинки дрожат рядом с лампой. В облаках, в силуэтах волков,
бьётся ангел. Не касайся рукой облаков и невидимых ампул. Ко-

жа куртки бывает липкой. Водой хорошо молчать. Под кафельной синей плиткой - ползком, улиткой, ладони пустой печать. И сонная мякоть ползущих по телу жал. Память нужна, чтобы не убежал. Чтобы словами опутан, закован, связан. Чтобы дышал их воздушным прозрачным газом. Чтобы тревожно ветром качало ветки. Чтобы сквозняк врывается как в ножны, в клетки. Не приклоняйся. Дверями открыты раны. Из них на ладони капает ржавым краном. Капает вечно. Вечность наполнить можно только тягучим страхом, кисельным, божьим. Именно это ждёт в темноте подъезда. Именно этим станет твоя невеста. Из зеркала лужи, из изъеденной туши, из потёков туши, из упаковки яда - именно это роняет в нас взгляды. Так надо.

Человек, тот что состоит из букв, он, не такой как который играет звуком. И не тот, что рисован водой и краской. Знающие собственный вкус - разные. Мне теперь известно, чего им стоило, тем, кто сделал моё пустое, им, было бесконечно легко, без выбора. Так, как смотрит из воды выдра. В лоскутье того, что понемногу длится, копошатся и преобразаются лица. Белый свет и истома - рвотных спазмов узницы. Ветер в крышу дома и в спинку гусеницы. Поцелуй лома и решётки забора. Ожидание скорой, что придет нескоро. Обрыв - под одеялом и за занавеской. Отношения камешка и всплесков. Лучше бы вместо меня жило то, что утром медленно вдыхает: живо. Или бы смотрело всю ночь с причала, вскользь по серой глади, и так молчало.

Здравствуй-ка. Скоро ты будешь кормом. Кругленький нолик укола в горло.

Это как воля, трава и кролик. В чём бы то ни было спрятан нолик. В нолике спрятаны стрелы и искры. Нолики в атомах, в криках, в визге.

Нолик - зрачки, поцелуй, губы. Нолики в гранях бетонного куба.

Нолику нолик - товарищ и пища. Во всём, что считаешь. Везде, где ищешь.

На нолик карабкайся за бумажкой - там надписи, надписи. И ромашки.

Нолик не пуст, он похож на орешек, в нём жалобный хруст то орлов, то решек.

В солнечном дне, том который близок, нолик - на дне проржавевших мисок.

Нолики капель, в воде и в яде. Нолики ям и душевных объятий.

Нолик, что спрятан под мехом Лизы. Нолики верха, нолики низа.

Во взглядах утопленников, котят. В срезе того, что теперь культа.

В петлях веревок, в пузырьках мыла. Во всём, что когда-либо будет/было.

В выстрелах пушек. В пустыне. В Арктике.

В букв завитушках. В глазах математиков.

Нолики капель дождя, луны. Дым пятен. Тяжёлые валуны.

Нолики круглых блестящих монет. Нолик неверия: ноликов нет.

Зимней порой под высокой горой сидит герой с ледяной икрой, с белой кожурой, еле живой. У горы, с другой стороны, сидит чёрный змей и смотрит ужасные сны и плачет во сне. За горой поле - трава пожухлая рыжая, и герой, которому больно, но выжил, хочет шуршать травой, но спящего змея он обойти не смеет. Становится тише, становится всё позднее. Змей открывает глаза, когда на небе луна и улетает в леса. Герой идёт в своё поле и жалуется валунам, и слушает их тихие голоса. Змей возвращается поутру, облетев свои двести вёрст, находит героя мёртвым и пробует съесть его труп, но тот оказывается слишком чёрств. Обойдя гору, змей находит икру героя, и понимает, что следом придут ещё двое, страдая от боли, и все уйдут в поле, и никого не спасти, будут просить: пусти, и их придётся пустить, уж лучше снова показывать вид, что если змей видит сны - то спит, а ночью как бы летит и ищет уже давно не нужную ему пищу.

не верьте взрослым с мясистым носом с чёрным волосом с озябшим голосом с взглядом синим с языком сильным не верьте

старичкам растерянным с масляными бельмами с лужицами жидкими с дрожью с ужимками с лопнувшими жилками верьте

не слушайте радио не считайте ratio не спешите в кровати лошадей не хлестайте не пейте

сигарета скорчится время кончится придёт уборщица уйдёт уборщица пыль останется

быстрая белая конница долгая чёрная конница не о чем беспокоиться всё пролистается

ничего не останется кроме слов убийцы и из скалы слов выцарапанных кроме бегущих рыцарей кроме кричащих лиц их

кроме взгляда голодного на чёрствые булки кроме шагов по дому пустому и гулкому кроме застывших во льду кроме мелькавших в бреду ничего не останется когда я уйду

Мелкая рябь на поверхности текста.

В горле - комок, а скорей - ухряб.

Мелкая рябь, знай своё место,
слова никогда не заговорят.

Это я дую на барашки волн.

Это я вижу как в ушной изгиб
улиткой вползает безумный волхв,
где в поле - стрекозы и колоски.

В пепельницу брошена сигареты культа,
так и слова мои, вряд ли полетят.

Это я на баранов лаю.

Это я смеюсь за углами.
Это я наблюдаю как те же фразы
доводят до восторга и до маразма.
Я целую льдинки в твоих глазах.
Кванты складываются в ожог.
Я чёрный, я белый, я полосатый,
что внутри? - желание распороть шов.
Снаружи - только текст и рукой касание.
Могут ли слова говорить сами?

В кисельной каше с особым шармом исчезнут следы от любой пропажи, а то, что мы называем шрамы - лишь след ненавидящего всё наше. Мир - это желе и рубцы невидимые, а мы лишь кусочки и дольки счастья, мы лишь фрагменты, осколки, части и не срастёмся, вися на нитях, похожи на тело речное, плавное, вокруг нас острые грани и камни, и шестерни тарелок и пружинки будней, и мы висим, пустые, овощами в студне.

Шрамы интересны мне как попытки бунта плиточника против плитки, против целого, зеркально-ровного, бунта больного против здорового, шрамы интересны мне как руки пловца и плывущего каменного, сквозь года, лица, как замки вырастающие из песка и бесконечно режущая нас тоска. Мне не интересны ни резцы, ни тела, а одни только шрамы, то есть те дела, что как нож картошку в углях печёную режут глубину до ослепительно чёрного.

Не имея в виду ничего человеческого, я не говорю о том, что испортил нам печень, и не говорю о несчастных, смотрящих за звёздами, и не говорю о тех, кто хочет стать больше ростом, я говорю тем, кто внутри себя прыгает, помни о маятнике, что по сердцу иглами, помни о том, что только шрамы решают, освежая игру всё окружающих шахмат.

Ника Дуброва Микрограммы

Учебник

А мне школьная учительница запрещала вырывать страницы из книг, а я все равно, когда выросла, вырвала из учебника по французскому, чтобы весь не таскать, а только отдельные страницы, которые я еще и складывала пополам, чтобы помещались в сумку. Так что на курсах все были уверены, что это цветные ксерокопии. Ни у кого в голове не укладывалось, что я могла вырвать настоящие страницы из настоящего учебника; так что гораздо более невероятная версия о цветных копиях охватила весь класс. На очередном занятии, мне надоел этот бред - восхищение цветными копиями и качеством печати - это страницы, сказала я, так легче носить. Бог мой, все проглотили языки. Никогда с таким не сталкивались, не могли переступить через открытие, не мыслили, что такое бывает. Только учительница, повидавшая Париж, клошаров, метро начала века, нашлась, что сказать, ох уж эта Ника.

Коробки

Как только я уехала из страны, отец затеял в моей комнате ремонт. Он уже давно подбирался к этому по-девичьи розовато-фиолетовому уголку и — сбылось. Помню, когда я еще жила в родительском частном доме, он как-то летом, пока я уехала на море с друзьями, поменял у меня окно. Новое было длиннее и уже, так что рабочим пришлось напихать досок и стекловаты, чтобы заполнить пустоту. Окно якобы обладало лучшей изоляцией, и должно было согреть меня зимой. Но я не высказала отцу благодарности — половина стены осталась без обоев под предлогом того, что — их все равно уже пора менять. Но обои отец менять не собирался. Он даже так и не нашел подходящего абажура для свисающей лампочки. Отец сказал, что и так задевает лампочку головой, так что было бы странно вешать абажур — это

комната мансардного типа, а не бальная зала. Отец был архитектором, построившим наш дом, и было бы нелепо противоречить ему или высказывать свое непрофессиональное мнение. Кроме того, в моем встроенном в стену одежном шкафу, он предусмотрел выход на чердак. Это был запасной выход — люк, так как чердаком мы не пользовались вообще. Тем не менее, раз в два-три года отцу надо было что-то проверить на чердаке — он выбрасывал все мои вещи из шкафа и лез по полкам, как по ступеням. Проверка занимала полдня, но была такой ответственной, что речь о вещах после нее уже не заходила. Сложи их на место, это же быстро, говорила мать.

В одну из таких проверок отец обнаружил на чердаке подозрительные дыры. Шкафом нельзя было пользоваться до тех пор, пока дыры не будут заделаны, но как именно это сделать, отец не мог решить в течение всего моего отсутствия — летних каникул. Когда я вернулась, и оказалось, что мне некуда складывать тетрадки и кофты, мне позволили сложить вещи обратно в шкаф. А как же дыры, спросила я. Отец займется ими уже следующим летом, ответила мать.

Через год отец нашел состояние моего пола удручающим. Будем красить и крыть лаком, сказал он. Работы начали с нижнего этажа, продолжили их в других комнатах, но к концу лета так и не успели добраться до моей. Деревянный пол был, по моим воспоминаниям, скорее, в хорошем состоянии.

Еще через некоторое время я уехала за границу. Тогда-то отец и решил заняться ремонтом и забить чердачные дыры. Не прошло и несколько дней с отъезда, как мать сообщила мне, что все вещи из моего шкафа аккуратно сложены в коробки лично отцом. Он сам проследил, чтобы ничего не потерялось, заверила она меня и прибавила, не все ли равно, в коробках лежат вещи или пылятся в шкафу. Правда, впоследствии мне удалось выяснить, что крупные вещи отец был вынужден сложить в пластиковые пакеты — прочные и очень удобные — так как вещей оказалось больше, чем коробок.

Отец много пьет. Один из моих друзей, тоже сильно пьющий молодой человек, виделся с отцом — это было уже год спустя после моего отъезда. Книги не нужны, подмигнул отец. Друг улыбался: если нужно, он поменяет, уже давно состоит в экологическом Клубе по обмену книгами — прочитал, передал друго-

му, и не надо переиздавать, вырубать деревья. Отец идеей проникся — как архитектор он заботился о гармонии человека и природы. Что касается меня, то, конечно, я была вынуждена оставить всю свою библиотеку — смешно было бы перевозить бумагу и картон за тысячи километров.

Нужда

Мое чтение в метро прерывается попрошайкой — это симпатичный молодой человек с длинными белыми дредами, ведущий на поводке огромного черного пса. Парень говорит хорошо поставленным голосом, так что его слышно, несмотря на скрежет колес. Он рассказывает, что некоторое время назад лишился всего, в том числе, семьи и любовницы, и теперь ему ничего не остается, кроме как прийти сюда, в метро и просить о помощи; собака следует за ним в качестве друга. Парень объясняет, что ему нужны деньги на ночь в отеле и обед в ресторане, который он согласен оплатить не наличными, а обеденными талонами пассажиров метро. Собака тоже хочет есть и тоже — горячее. Я смотрю на черного мохнатого гада с завистью: если пес сегодня и насобирает на гостиницу и ресторан, то мне, как всегда, остается рассчитывать на комнатку под крышей и ларек с пирожками. Кроме того, сочувствующие парню исчисляются сотнями, а мне — по пальцам руки.

Скотч

Ну что тут скажешь. Больше я так выражаться не могла — нужно было не глотать слова, а произносить, как на докладе перед званной комиссией. Все-таки, чтобы по буквам выговаривать, мне было слишком противно — так что дома или на работе я больше не показывалась и стала ползать по закоулкам, слоняться по бульварам, заглядываться на дома, в которых жили люди, и признаки этой жизни подавали — хлопали входной дверью, вызывали лифт, сушили одеяла на балконе, выращивали цветы на окнах. А что делать не знала; решения-то, собственно, и не было — враг уже проник. Проник и разрушил всё, что увидел и даже

не увидел — это он тоже разрушил. Такое чудовище, что затаптывает целые города, думаю, понятнее здесь не выразиться, не подобрать слов.

Эта вот несоразмерная скотина прошла, и после ее прохода, всё уничтожилось — всё, да не всё — теперь мне оставалось еще и жить. Находиться, в общем, в такой особой скучной жизни, которую я не просила, не заказывала, о которой не мечтала. Жизнь-абонемент на электричку северо-западного направления. Спасибо, конечно, что в месяц выходит совсем не дорого, сущие копейки, но на кой черт, эта электричка, в которую в 7 утра не влезешь, в 8 тоже не протиснуться, в 9 уже опоздал, так что не заходишь на этот раз добровольно, а не так как людская стена орет, что нет места, а с 10 до 12 перерыв. И абонемент этот можно разве что на рельсы положить, чтобы по нему прошелся очередной состав. Поэтому, когда у меня спрашивают, как дела, я отвечаю, что такая жизнь ни к черту. Что значит, совсем плохо, уточняют они, извиваясь пониманием. Ни к черту, повторяю я, разворачиваюсь и ухожу. Дальше иду уже одна, но не потому, что помешана на преимуществах одиночества, как думают эти придурки, а потому, что никому, как назло, со мной не по пути. Спрашивала ли я, в какую им сторону, да, разумеется, спрашивала — и даже не один раз. Иногда сомневались — ну, не знаю, ты уверена, что там безопасно, а вдруг я опоздаю к ужину — иногда отказывались — меня в эту авантюру не втянешь — а иногда шли, чтобы отбиться при первой же возможности — не ожидал, что придется настолько тяжело. Но не всё ли равно, какова причина, если дальше путь продолжаешь одна. И они стали считать, что я их не люблю — и, видимо, не ошиблись — этакую дрянь полюбить невозможно.

Если я чего и не учла, так того, что придется всю жизнь толкаться среди этой погани. Нужно было провести анализ, сделать расчет, выговаривали мне старшие. Я просчитывала, набрасывала схемы, но подрянь эта оказалась еще более внушительная, чем глаз того ослепшего чудовища, которое давило города в сказках или в были, не помню точно, где это было. Почему вы не хотите со мной общаться, как-то спросила я прямо, ты вместо "до свидания, приятного вам вечера", говоришь "пока". Но не вырывать же себе язык, в самом деле — и хорошо еще, что говорю "пока", а не убегаю молча, как мои верные друзья. Хотя наличие дружбы я бы тоже поставила под вопрос — провести 5 лет рядом с каким-то

недоумком, встречая его раз в несколько месяцев, еще не значит быть друзьями. А что же такое, по-твоему, дружба, спрашивают они у меня. Но дело тут не в дружбе, а в том, что мне дают пластиковый стаканчик и поздравляют, какое везение, теперь вы можете выпить свою жизнь залпом. Я так и делаю, пью газированную жизнь и — давлюсь, кашляю, задыхаюсь до рвоты — рвать я так и не научилась, всё держу в себе. Но если меня не рвёт, то не потому, что нет тошноты — тошнит так, что ползаю по ковру на четвереньках. Жалкое зрелище, сказали бы мои сослуживцы. Наверное, жалкое, но все же не на столько, как если бы я взяла жизнь, которую мне предложили как-то в качестве рекламной листовки нового парфюмерного магазина и выбросила, прочитав, в мусорный бак, чтобы не загрязнять тротуары, или на платформу метро, чтобы трудоустроить безработных уборщиц. Почему вы опаздываете на пять минут, если мы вам платим за присутствие, спрашивает начальник. Но ведь посетителей утром еще нет, отвечаю я. Вам платят, если даже их нет, подсказывает мой коллега. Зачем вы платите человеку за сидение на стуле, спрашиваю я. Вы можете стать в углу, если вам так работать удобнее, предлагает добродушный начальник.

Но глубже в угол мне уже попросту не забиться. Жизнь стирается ластиком, в руках талантливого художника-графика, или бездарного акварелиста — так или иначе, усыхает со скоростью выставленного летом на веранду апельсина. Я хочу сказать, что даже единственно любимому человеку я не могу помочь. Такая вот прогулка зимним вечером в новом жилом районе — магазины закрыты, автобусы больше не ходят, и воздух к ночи морозится — ни точного адреса, ни дверного кода — какое-то идиотское указание — свернуть у желтого фонаря, но уличных ламп других цветов я у этих домов не вижу. Почему ты не свернула у желтого, он ведь там один. Да, действительно, если пройти по разбухшему снегу еще три автобусных остановки, пересечь два двора, в третьем будут зеленые фонарные столбы, и только один из них — желтый. Но в моем случае даже о таком сомнительном везении речь не шла: смерть — это как революция или нашествие сказочной скотины на город — ничего нельзя сделать. Вот почему я даже не стала опускать руки — не было в этом нужды — засунула свою жизнь в карандашную точилку, и давай крутить её, что есть силы. Жизнь стачивалась, и я взрослела, становилась старше,

а жизнь иссушивалась, готовая в любой момент порваться от собственной тонкости.

Теперь мы заберем у вас всё, сказали мне. Почему это нужно забирать всё, неужели недостаточно того, что я живу в стране, в которой у меня нет ни друга, ни мужа, ни семьи, ни домашних животных, ни машины, ни паспорта, ни права голосовать. Конечно, я не пошла бы на политические выборы, будь у меня даже целая охапка паспортов, нанизанных на ниточку, как когда-то бублики, продававшиеся на базаре. Зато будь у меня паспорт, я могла бы попросить убежища — опять же, политического. А иначе притеснять меня было нельзя — с мужчинами, которые рисуют карты стран, как бог на душу положит, я никогда не была связана, так что они не были моими любовниками и, следовательно, не могли унижить меня и отказать в правах. Зато притеснили культурно — сказка, написанная мной о поганом чудовище, раздавившем целую страну, потому что ему захотелось пойти насобирать цветов на другом конце материка — не была напечатана, сказку отнесли к области географической пропаганды, в то время уже несколько лет запрещенной.

Я также не могла попросить убежища как убийца животных, которого как-то притеснили, насмехаясь над жалкими шкурками барсучат и бельчат, которые он приносил с охоты. Что ж ты, бедолага, не убил взрослого медведя или оленя, смеялись его друзья, жена и даже любовница, прибежавшая по случаю такого позора, перед которым даже тайная связь казалась детской игрой в прятки. Немудрено, что осмеянный всем лесным поселением он попросил убежища — были притеснены его взгляды на жизнь — охотник убивал только детенышей и не трогал взрослых, безнадежно выросших животных. Кроме того, он был основателем религии Хвойной Церкви — жизнь нужно было прервать в детстве, пока она еще не протравила всё существование до такой степени, что выходом была бы только смерть. Такого охотника с заманчивой широтой религиозных взглядов приютили — ему нелегко пришлось бы в авторитарной стране, на территории которой в то время располагался лес. Меня же этот указ не касался — мало ли что, у меня умирал единственно любимый человек. Оставались ещё горсти, стаи, кланы сволочи — сограждан и соседей — якобы я могла существовать среди них, найти себе там всяких любимых и дружков. Нет, повторяла я, как светофор для

слепых, речь идет о единственном человеке, то есть об одном, и я рисовала вертикальную палочку без усталости, 1, 1, 1, 1, ... 1, 1 и единицы превращались в шпалы, столбы, карандаши, теряя математическую точность...

Так что теперь я живу скотчем — паспорт в такой судьбе действительно не потребуется — разматываюсь и клеюсь, на всё что появляется и проходит мимо меня — попробуй отлепи, схватывает намертво! Такая жизнь не вызывает уважения, говорят мне. Я молчу — болезнь сразила единственного любимого человека, и не, ну что ж, не, ну ладно, я уже не могу бросить, чтобы меня оставили в покое. Теперь представляясь очередному недоноску, я не называю своего имени, а держу в руках два кусочка бумаги, накладываюсь на них — и, оп! - они уже склеены. Очень удобно, попробуйте новый скотч известной марки, произношу я не без гордости, и дурак улыбается, верит рекламе, достает кошелек.

проза

Павел Бабаков Старинная кровать

Дело было вечером, у Виктора дома. Не то чтобы он сильно мне нравился, просто я так же как и он умирал в тот вечер с тоски. Ей Богу, бывают такие дни, когда хоть на стенку лезь. Конечно, всегда можно напиться, но в тот вечер не помогала даже выпивка. Тоска смертная. И почему так происходит? Вообще непонятно. И вот мы сидели у него в комнате на полу и прихлебывали, значит, то вино, то чай. Голова моя из-за вина варила плохо, отопление не работало, со стены на меня глазело чучело медведя, из чучельной пасти которого ужасно воняло, а внизу сосед избивал другого соседа, который переспал с его, соседа, женой, и теперь хотел с ней жить. Словом, чувствовал я себя весьма скверно, а вдобавок еще и простыл: окна были широко раскрыты, чтобы выветрить вонь от чучельной пасти.

И вот мы стали придумывать, чем бы заняться, чтобы убить этот вечер. Думалось неохотно. Создавалось ощущение, что мы только раздражаем друг друга, и лучше было бы просто разойтись по домам, но мы продолжали сидеть и придумывать, чем бы таким заняться, чтобы убить этот вечер. Наконец сошлись на мнении, что нам обоим следует заглянуть под его, Виктора, старинную кровать, возвышавшуюся посреди комнаты. Кровать была громоздкая, красивая и вправду старинная, такие мне доводилось видеть лишь в музеях да старых антикварных лавках. Мы подумали, наверняка там куча всяких интересных вещей, вроде пожелтевшей макулатуры, изъеденной молью шинели, писем с фронта, старого заржавевшего кортика, виниловых пластинок, граммофона, музыкальной шкатулки, поблекших фотографий и прочего добра. Однако, пошарив под кроватью в радиусе полуметра, мы извлекли на свет лишь комья пыли да груды старого вонючего тряпья.

- Это что, все? - моему разочарованию не было предела.

- погоди, - ответил Виктор, - сейчас заберусь поглубже.

И он стал забираться глубже. Было это непросто, учитывая маленький зазор между кроватью и полом. Виктор долго извинялся и пыхтел, прежде чем его тело, покрытое испариной, исчезло наполовину. Все это время я стоял рядом, глядел на его застрявшую задницу, размышлял о том, что вечер безнадежно загублен, прихлебывал то вино, то чай, и ждал, когда же он наконец выберется из этой вониючей дыры.

А потом что-то произошло, там, внутри. Виктор принялся колотить по полу ногами и кричать, как резанный:

- Вытащи меня! Твою мать! Здесь что-то есть и оно меня кушает!

Я обхватил его ноги и стал изо всех сил тянуть, но что-то крепко его держало. Он не переставал визжать, как сумасшедший.

- Какого черта! - кричал я, - Виктор, вылезай!

Надежно упершись ногами в кровать, я стал тянуть изо всей мочи. Кружки с чаем и вином покатались по полу, залив весь ковер, глаза чучела зловеще сверкнули. Вскоре я почувствовал, что тело Виктора поддается. Через несколько минут я вытащил его из-под кровати, всего в крови и царапинах; вместе с ним из-под старинной кровати вынырнуло существо, крепко вцепившееся в его правую руку. При ближайшем рассмотрении, существо оказалось абсолютно голый женщиной, все тело которой было покрыто густыми рыжими волосами, слепые альбиносы глаза выражали неподдельный испуг, тонкие худые руки напоминали плети с длинными когтями на концах, которыми она бешено лупила по сторонам.

Мне пришлось прокусить ее руку до крови, чтобы освободить Виктора.

- Сволочь! Не трогай меня! - хрипела женщина, извиваясь на полу в припадке, - Сволочи! ВЫ ГРЯЗНЫЕ СВОЛОЧИ! Я жила здесь еще в то время, когда ты не заехал!

В следующий момент женщина поползла по полу с такой скоростью, что мы не успели среагировать. Мгновение - и она рассекла мое бедро в кровь. Я закричал и упал на пол.

- Ах ты больная сука! - Виктор наотмашь ударил ее по лицу. Женщина затихла и обмякла на полу, изредка подрагивая и метая безумные взгляды слепыми глазами.

Тогда Виктор схватил ее в охапку, вытолкал на улицу и бросил в сугроб. Вокруг ходили люди и уже скоро рядом с женщиной собралась небольшая толпа зевак, некоторые из них показывали на нее пальцем, кто-то звонил друзьям, кто-то смеялся, а один человек воткнул в снег новогоднюю хлопушку и поджег. Вскоре небо осветилось красивым цветком фейерверка и какое-то время все любовались им, задрав высоко головы. Молодой отец посадил сынишку на плечи и показал куда-то далеко в небо: "Видишь яркую звезду вон там? Запомни, это Сириус. А вот Поллукс. Когда-то давно мой отец, твой дед, также показывал мне звезды." А потом все стали медленно расходиться.

Телефонная будка

Я позвонил тебе из телефонной будки. Будка была опрокинута и лежала посреди улицы, мимо сновали туда-сюда люди, машины и коляски. Я забрался внутрь, улегся на спину и набрал твой номер, который был написан на стекле будки. Я услышал приятный голос, который показался мне сильно знакомым и рассказал тебе о своем сне, в котором было пять голых женщин и корень мандрагоры. Ты звонко смеялась и шутила, а потом сказала, что полгода назад другой мужчина уже звонил тебе из этой телефонной будки и теперь ты замужем и на пятом месяце беременности. Я опустил трубку на рычаг, закурил сигарету и долго лежал без движения, любуясь ногами пронесившихся мимо женщин. Потом достал из кармана пальто книгу и принялся за чтение, прерываясь время от времени, чтобы сделать заметки. Недалеко от меня пронесся трамвай и отрезал ногу пьяному мужчине. Вокруг собралась толпа зевак, некоторое время они сочувственно смотрели на мужчину и успокаивали его, а потом постепенно разошлись. Мужчина выпил водки, взял в руки отрезанную ногу и пополз с ней к ближайшему такси. Потом в нескольких метрах от будки на асфальт легла женщина. Она широко развела ноги, притянула к себе молодого парня и они занялись сексом, несколько раз сменив позицию. Я слышал сквозь стекло ее стоны и видел как смешно и нелепо подпрыгивают ее груди, раскачиваясь в разные стороны, словно какая-то бутафория. Они отряхнулись и

пошли дальше, держась за руки. На улице тем временем началась революция. Сотни людей с транспарантами и громкоговорителями пронесли мимо, они громко кричали, взрывали питарды и кидали зажигательные смеси. Некоторые смеси не долетали до цели, обрушивались на головы бегущих и те моментально сгорали. Я отложил книгу в сторону и некоторое время с интересом наблюдал за происходящим.

"Парламент не верит в Лох-Несское чудовище, он до сих пор боится Гая Фокса" - гласил один транспарант.

"Карл у Клары украл кораллы" - гласил второй.

"Нина, позвони мне, я скучаю. Целую в интимные места, твой Адольфик" - гласил третий.

Потом революция закончилась, улица опустела и пошел снег, бесшумно опускаясь на землю. Я вспомнил историю из газеты про одного поляка, который заключил брак с картиной, на которой была изображена симпатичная молодая женщина, развешивающая белье. Я представил картину, висящую на стене в его комнате, вот он возвращается вечером домой, принимает душ, смотрит на нее, целует, рассказывает как прошел его день и жалуется, что погода испортилась, у него вновь открылась язва и что с работы его уволили, но все это так неважно, главное они вместе, и он принес ей цветы. Потом стало темнеть, наступила ночь и я заснул. Мне приснилось, что идет дождь, ты забираешься в телефонную будку и лежишь рядом. Ты улыбаешься, от твоих мокрых волос исходит приятный запах и на тебе одето красивое летнее платье, а еще ты на пятом месяце беременности.

Русалка

Однажды мы отправились на кабана, но, не сделав и десяти миль, вынуждены были окопаться, поскольку в ось нашего снежного угодил бобер. Сделали привал, во время которого К. тут же ушел на разведку и, вернувшись через полчаса, сообщил нам, что в полумиле к северу от нашего лагеря он наткнулся на небольшой водоем, который, по его словам, просто кишит рыбой. Вооружившись крепкими бечевками, лесами разной толщины, блеснами и огромными крюками, мы тут же бросились к воде. Первая поклевка случилась у меня: судя по весу, добычи такого размера

мне не приходилось вываживать ни разу. Через десять минут общими усилиями, используя дополнительные крюки и небольшой гарпун, нам удалось извлечь на лед наполовину женщину, наполовину рыбу. Надо отметить, что женщину подобной красоты, с таким изумительным сложением и совершенной грудью я наблюдал впервые в своей жизни. С минуту она лежала, смотрела на нас широкооткрытыми, угасающими глазами и беззвучно хлопала ртом, из уголка которого струился багрянец. В следующее мгновение, видимо не в силах больше бороться с голодом, К. схватил с земли железную колотушку и одним ударом размаздал ей висок: мы почувствовали, как что-то теплое залило наши лица. Дальше работали вместе, в ход шло все: ножи, крюки, шутихи, лезвие, капроновый шнур. Уже скоро мы разделали ее как свинью, расфасовали куски по пакетам и обильно посыпали сверху солью для лучшей сохранности мяса (правильно заготовленной солониной ты можешь питаться в течение многих месяцев). Остальное тут же распределили в котелки: через час по всей округе в радиусе двух миль раздавался аромат, способный пробудить аппетит даже у мертвого. Впоследствии, это неожиданно сыграло нам на руку: с наступлением темноты к лагерю стали подступать целые стаи диких кабанов, привлеченные запахом. Оставалось только вовремя насаживать их свинцом, как индюшек. На утро, наполнив наши ядташи до краев, мы снялись с места и отправились в ближайшую деревню.

Удачливый мороженщик

Молодой человек устроился работать на Завод По Раскатке Губ. Это был его первый день, а значит и первая губа. Очень важно правильно раскатать свою первую губу, потом все пойдет как по маслу. Поэтому молодой человек сильно волновался, он даже выпил перед работой стакан водки для смелости, чего прежде никогда не делал; затем нацепил костюм и поехал на такси, поскольку утренний автобус уже ушел. Опоздав на семь минут, молодой человек прибыл на место и тут же устремился в Приемное Отделение.

Приемное Отделение представляло собой огромных размеров темную комнату, забитую представителями Комиссии, располо-

жившимися по периметру, кто на стуле, кто в кресле, кто на матрасе, один на личном автомобиле, а двое на велосипедах. Кто-то был еще слишком мал, не больше двух-трех лет, и просто лежал в обгаженных пеленках и ревел как сирена. Были и такие, кому попросту не хватило места и теперь им приходилось стоять, разминая затекшие ноги и изрыгая чудовищные проклятия. Разумеется, в адрес молодого человека. Это из-за него им приходится терпеть весь этот ужасный дискомфорт. Если бы не он, они бы сейчас лежали у себя дома, смотрели телевизор, либо вкусно ели, либо принимали ванную, либо занимались сексом сразу с несколькими очень красивыми женщинами, некоторым из которых возможно не было даже четырнадцати лет. А быть может, все происходило бы одновременно, почему бы и нет: они бы занимались сексом сразу с несколькими красивыми женщинами у себя дома в ванной, оборудованной телевизором и плитой, на которой уже томились первоклассные омары в грибной подливке. Но сейчас они стояли здесь, в Приемной Палате, бездарно прожигая время, и ненависть стремительно наполняла их души. С середины потолка Приемного Отделения свисала старая керосиновая лампа, от которой исходил тусклый мерцающий свет. Прямо под лампой находился небольшой передвижной стол, на котором шевелилась только что завезенная со склада свежая губа. Ощущая на себе десятки пожирающих сальных взглядов, молодой человек неуверенно засеменил к столу.

"Можете приступать, не тяните резину, - раздался откуда-то сверху глухой голос, - будьте уже наконец мужчиной, мы вас и так семь минут прождали." При мысли о том, что через считанные мгновения придется раскатать лежащую перед ним губу, у молодого человека затряслись поджилки. Но видимо в этот самый момент алкоголь, выпитый перед выездом, наконец начал действовать, по-другому нельзя объяснить резкие перемены, произошедшие в молодом человеке, судите сами: простояв у губы с минуту, молодой человек сумел полностью собраться с мыслями, крепко сжал кулаки, издал громкий боевой клич и рьяно принялся за дело.

Однако, несмотря на бодрый настрой, что-то не заладилось с самого начала. Молодой человек надрылся у губы уже битый час, члены Комиссии не скрывали своего раздражения, их лица стали кривиться в недоброй ухмылке, а кто-то до того обозлился

на молодого человека (скорее всего один из тех, кому не хватило сидячего места), что кинул ему в голову острый камень. По голове молодого человека заструилась кровь, силы покидали его и он уже вконец отчаялся, но в самый последний момент, когда улыбки членов Комиссии расплылись до неприличия, молодой человек вдруг неожиданно изогнулся пораболой и ловко раскатал гуду. В зале воцарилась тишина. Недовольно покачивая головами и исторгая сквозь зубы проклятия, представители комиссии все же швырнули ему с презрением Рабочую Карту Завода и полбутылки кислого вина, и сказали, что с завтрашнего дня он выходит на работу. А пока пусть проваливается домой, иначе их сейчас стошнит от одного только его вида. И действительно, не прошло и минуты, как три представителя комиссии тут же сблевали прямо себе на грудь. В это время молодой человек, вне себя от счастья, пытался целовать им руки и подола мантий. Опыяненный удачей и выпитым тут же вином, он помчался со всех ног домой, крепко сжимая в руке Рабочую Карту. Никогда он не чувствовал себя так легко, ветер развеивал его волосы и приятно бил в ноздри. Всю дорогу назад молодой человек представлял, как отныне все наладится, он купит машину, женится на Молли и они уедут далеко отсюда. На крайний случай, подумал молодой человек, рванем в Ялту к Борису.

Он бежал уже очень долго, когда перед ним вдруг возник перекресток. Молодой человек остановился, чтобы перевести дыхание, все-таки он проделал немалый путь. Дождавшись, когда загорелся зеленый свет, он стал переходить дорогу. В этот момент из-за угла на бешеной скорости выскочил безумный мороженщик на фургоне и сбил молодого человека. Через пять минут молодой человек скончался от сильного кровоизлияния в мозг, не дождавшись приезда скорой помощи. Мороженщик, не сбавляя ходу, скрылся за поворотом.

Почему же все так произошло?.. Ведь горел зеленый свет. На самом деле все просто, дело вот в чем. Буквально за семь минут до молодого человека мороженщик сам раскатал на Заводе аккумулятор такую же губу и уже мчался по пути к цели, а именно: к новой машине, красавице Молли, которую так приятно ущипнуть за ляшки, и хрустящему билету в Ялту, где его уже дожидался Борис. Но тут он нутром почувствовал присутствие соперника, оказавшегося молодым человеком, который так замечтался, что со-

всем потерял бдительность, да и вообще рассудок. Тогда мороженщик вдавил гашетку в пол и сбил молодого человека, которого аж подбросило в воздухе.

Конечно, все могло быть совсем наоборот, не опаздай молодой человек на каких-то семь-восемь роковых минут. В этом случае уже он бы раскатал первым губу и гнал бы сейчас на фургоне мороженщика, в то время как сам мороженщик довольный возвращался бы с разбитой головой с Завода По Раскатке Губ. Тут-то бы он его и сбил.

Но это все теории, переливание из пустого в порожнее, факты говорят сами за себя: молодой человек опоздал, и теперь у мороженщика есть все шансы воплотить свою мечту в реальность.

Как-то раз молодой человек так настойчиво и глубоко ковырял в носу, что одна ноздря у него сильно оттопырилась и никак не хотела принимать прежнюю нормальную форму. Тогда, чтобы добиться симметричности, молодой человек принялся расковыривать другую ноздрию, чтобы оттопырить ее по образу и подобию первой, уже оттопыренной, но ничего не получалось, сколько он не ковырял вторую ноздрию, она оставалась неизменной. Поковыряв на всякий случай еще несколько дней, молодой человек оставил эту затею и с тех пор перестал ковырять в носу в принципе.

Вскоре правда он начал расчесывать глаза, но это уже другая история.

Молодой человек родился с тремя ушами, но одно из них, росшее в районе затылка, ему удалили в четыре года из-за того, что мальчишки в детском саду часто его дразнили; более того, в связи с этим даже нередко вспыхивали драки. Поэтому мать крепко держала четырехлетнее тело сына, а отец схватил наточенный как бритва нож и ловким ударом отсек недуг. Ранку на

затылке прижгли йодовым раствором, приложили лист подорожника и вскоре она затянулась, а ухо засушили на память и убрали в фамильную шкатулку. Скоро все в детском саду начали уважать молодого человека, которого-то еще и молодым человеком нельзя было назвать, настолько он был мал, всего четыре года; мальчишки стали жать ему руки, а девочки целовать. Тем не менее, какой-то рефлекс, назовем это "эффект третьего уха", остался, и поэтому молодой человек до сих пор слышит намного тоньше и лучше других теплокровных. Время от времени он слышит шелест листвы, хотя лес находится очень далеко, а совсем недавно слышал как его мать, проживающая в другом конце города, нарезала то ли салат, то ли лук, то ли авокадо.

Молодой человек около четырех месяцев вынашивал в своем животе свинью, пока в один из вечеров у него не отошли воды. Свинья родилась здоровой и упитанной, а молодой человек, к несчастью, умер при родах. Свинью взяла к себе на проживание его дальняя тетка из глубинки, но уже через два месяца, когда свинья подросла и разжирела, тетка зарезала свинью, разделала на куски, часть кусков засолила, часть приготовила в печи, а все остальное тут же съела и через несколько часов умерла.

Как-то вечером, возвращаясь домой, я поскользнулся и разбил колено, которое тут же вдребезги разлетелось на сотни осколков из цветного стекла; в свете фонарей они переливались и сверкали, как драгоценные камни. Среди них я также обнаружил пару индийских рупий, почтовую марку с портретом Элюара, штопор, неоплаченный счет за электричество, пачку сигарет LM, еловую шишку и связку ключей.

А я-то их везде искал.

Вначале куда-то делась кошка, потом один за другим начали таинственно исчезать соседи: сперва дочь бакалейщика; за ней Кристо Кашеров и его братья; за ними местный смутьян Гутор; за Гутором преподобный Петиджан, живший на чердаке; за Петиджаном поляк Яцек и вся его семья, состоявшая из трех красавцев-сыновей, колченогой дочери и дурнушки жены.

А сегодня пропала еще и тятка.

Жизнь студента нелегка. Приходится каждый день пропадать в университете, и даже каждое утро, а иногда и вечер. Но на ночь университеты закрывают - приходят сторожа с огромными ключами и всех разгоняют, говорят: "ну-ка, проваливайте отсюда, скоро ночь.." И все нехотя расходятся, опустив головы и потупив взоры. Но случается так, что некоторые студенты не доживают до вечера и умирают от переутомления и голода еще днем. Тогда сторожа берут их трупы и скидывают в реку, а потом до утра читают их конспекты и громко смеются.

Молодой человек издавна мечтал научиться сворачивать язык в трубочку. И однажды, приятным августовским утром, присев на корточки в зарослях камыша, он сделал это. Однако то ли по молодости, то ли по неопытности, он не знал, как развернуть его обратно и в связи с этим так сильно запаниковал, что весь аж затрясся. Раздался крик кулика, затем он увидел голову серебристой чайки, паук плел паутинку валял дурака, в реке во всю резвилась рыбешка. А потом что-то произошло там внутри, язык заклинило. Молодой человек выл белугой вел себя прям как буйный, но рядом прошел пожилой рыбак в сапогах и вызвал в камыши доктора. Светили фонариком, ставили клизму, пробовали блесной, надрезать, держи ему голову! тянули-дергали, изломали в кровь, ничего не вышло. Язык не поддавался, а терпение врача вдруг лопнуло. Раздался сильный хлопок. Разорванное

терпение опустилось на камыш. Последовал моментальный удар в лицо, превосходно поставленный хук с правой, три года в тяжелом весе Нью-Йорк Лос-Анджелес Миннесота десять раундов легендарный нокаут Санчесу рев трибун артишоки и секс с Моей после поединка двадцать лет как давно это было.. Затем доктор нанес целый ряд сокрушительных ударов в живот и лицо молодого человека и от полученных травм тот скончался. Доктор тут же испарился, а рыбак убежал в носках, чтобы если что он ни при чем я просто рыбачил.

Я сидел в баре "Часовня", куда зашел на кружку пива, когда увидел в толпе Ленина. Он стоял в стороне, что-то бормотал под нос и рассеянно считал мелочь. Я отметил, как сильно он постарел и осунулся, усталый взгляд безразлично блуждал по залу, старый спортивный костюм в нескольких местах порвался, кепка съехала на бок, на груди на тонкой нитке болтался затертый комсомольский значок, кулаки были сильно сбиты, а под глазом красовался огромный фингал. Я подошел к нему и меня сразу обдало крепким запахом пота.

- Уже два года здесь, товарищи, паспорта нет, выехать из страны не могу, работаю то на швейной фабрике, то фрезеровщиком, то уборщиком, берусь за любую работу, что подвернется. У меня много детей, - Ленин тяжело вздохнул, - они вот и высылают мне иногда то деньги, то продукты какие, то одежду, храни их Господь. Два года назад в Америке был на неделю, вот это страна, а здесь что? Сплошное притворство, ошметки социализма, зарплат мизерные, спрос на рабочую силу маленький, квартплата огромная, пособия смехотворные, живу в сквоте, с сердцем плохо, слабое оно у меня, эх, - Ленин махнул рукой, - да что тут говорить... Слушай, сынок, ты мне купи пива буржуйского кружку, а? Я сильно тебе благодарен буду, вот правда.

Почему бы и нет, подумал я.

- Что пьете, Владимир Ильич? - спросил я Ленина.

- Я бы, сынок, гиннеса выпил, совсем измотался и жара на улице страшная, только с фабрики рабочих, дух бы перевести.

Я заказал ему пива. С жадностью глотая, Ленин тут же выпил всю кружку и выдохнул глубоко и с облегчением.

- Ах, черт, хорошо-то как, - Ленин отрыгнул, - а в мавзолее, видишь, не я это, а чучелко только, раньше хоть какие-то гроши мне за это платили, а теперь и того не платят, крутись как хочешь, и все тут. А хочется и детям как-то помочь, жизнь наладить, жениться, купить телевизор, музыкальный центр, стиральную машину, по Елисейским полям прогуляться, в конце-концов, всего и не перечислишь.

Я заказал ему еще две кружки. Ленин вдруг резко напился и стал орать на всю "Часовню".

- Блять! Вот не понимаю, что за эксцесс, товарищи? По сути это ж модель общества и все это мы имеем в голове, и фабрики, и машины, и женщин, и у нас все с вами как у людей, товарищи, но и не как у людей, вот собаки например, или лошадь, помните Пржевальского? Так вот, и где он сейчас, кто мне скажет? Берия, тот же самый, и вроде все не напрасно, а вот серьезно задумаешься и несмешно становится, товарищи, а хуево на душе, хуево! Как степной волк завывать хочу, залечь закрыться, в Америку на неделю, нет, навсегда улететь! А что тут? Зарплаты мизерные, пенсию не платят, вон оно что творится, такие дела, может еще бокальчик?

Я взял еще выпить и рассказал, что долго любил одну женщину, но она убежала с танцором и теперь они живут с бродячим цирком и гастрوليруют по Израилю.

- Израиль не так уж плохо, - ответил Ленин, - не переживай, сынок, - Ленин по-отечески похлопал меня по плечу, - мы еще пожарим комсомолок на воровской малине. По последнему?..

Ленин вусмерть надрался и полез за стойку бара.

- Я Ленин! - орал бармену во всю глотку Ленин, - я вождь коммунизма! Дай мне выпить, сукин ты сын!

Ленин схватил с бара бутылку рома и, смеясь как полоумный, бросился к выходу. У дверей его сбил охранник. Тихо охнув, Ленин повалился на асфальт. Кепка слетела с головы, бутылка вдребезги разбилась, залив спортивный костюм. Подбежали остальные охранники и начали избивать Ленина. Я решил, что должен помочь Ленину, но потом подумал, что тогда охранники поймут, что я с ним заодно и начнут бить меня тоже, испортят мою одежду, станут оскорблять, разобьют в кровь лицо и мне

будет потом очень грустно, стыдно, а главное, неприятно. Поэтому я решил просто понаблюдать, мне было интересно узнать, что будет дальше. Они избивали Ленина уже около двадцати минут, пока наконец он не перестал сопротивляться и не затих. Вскоре все разошлись и вернулись обратно в бар. Ленин лежал на животе в луже крови посреди улицы и не двигался. Вот и все, подумал я, и тут вдруг вспомнил, что мне ведь надо срочно зайти в банк, потом заплатить за квартиру, сделать уборку и позвонить по объявлению о работе, и я быстро зашагал в сторону дома, слегка раздосадованный на свою забывчивость. Пройдя метров двадцать, я обернулся: Ленин приподнялся на локтях. Его одежда и лицо были сильно испорчены, оторванный значок валялся в стороне, а изо рта струилась кровь. Некоторое время он стоял на четвереньках, отхаркиваясь сукровицей, потом медленно поднялся и пошатывающейся нетвердой походкой направился в ближайшую закусочную.

Маргарита Кривченко

Собаки лучше, чем грязная посуда

- Чертов идиот! – Анна сбежала по лестнице и выскочила из подъезда раньше, чем ее муж успел запереть дверь на все замки. На ходу завязывая пояс пальто, она понеслась к углу дома, где стояли мусорные контейнеры. Как раз в этот момент дворник толкал один из контейнеров к грузовику-мусоровозу, который не мог подъехать ближе из-за припаркованных легковушек. Из контейнера торчал огромный кусок рекламного плаката с улыбающейся блондинкой на зеленом фоне.

- Постойте! – закричала Анна, и дворник недоуменно обернулся. Анна подбежала к контейнеру. – Мне нужно посмотреть... Мне нужен мой пакет...

Дворник остановился и молча отошел от контейнера. Анна начала перебирать пакеты с мусором, пока не наткнулась на знакомый. Сквозь белый полиэтилен просвечивали шкурки апельсинов – муж вчера после ссоры сожрал штук пять. Анна схватила пакет и теперь была готова поведать дворнику всю историю:

- Муж, идиот, вчера выкинул свое обручальное кольцо в мусор. Представляете? Мы ругались на кухне, он стащил кольцо с пальца, швырнул в ведро и ушел в комнату. Я хотела вытащить, но тут он из комнаты заорал, что я всю жизнь сижу у него на шее, ничем не занимаюсь, только деньги трачу. А я никогда не сидела у него на шее, наоборот, я всю жизнь работаю, у меня минуты нет свободной, экономлю как могу, домашнее хозяйство разве за труд не считается?

В этот момент муж наконец настиг Анну, дернул ее за рукав и потащил к машине. Анна крепко прижимала к себе мусорный пакет. Отключив сигнализацию, муж вырвал пакет у нее из рук и сунул его в багажник.

После вчерашней ссоры муж нашел в интернете вакансию смотрителя экспозиции в Центре современного искусства, позвонил и договорился о собеседовании для Анны. И теперь он вез ее туда, молча, упершись взглядом в дорогу. Анна достала из сумочки зеркальце и привела себя в порядок. Это занятие успокоило ее. Вот и хорошо, подумала Анна, все к лучшему. Она размышляла о том, как всё устроится, если она выйдет на работу, и нашла массу плюсов. Работа с искусством, делать ничего не надо и к тому же финансовая независимость. Как это замечательно! Анна вдруг ощутила радость и волнение перед новой счастливой жизнью и спросила у мужа веселым тоном:

- Не опаздываем?

- Дороги свободные, приедем даже раньше.

Муж высадил ее у ворот Центра, а сам отъехал в поиске места для парковки. Анна вошла в помещение, спросила у охранника, как можно увидеть менеджера по персоналу, тот позвонил по телефону: «Вас просят подождать несколько минут». За стеклянной дверью Анна увидела кафе.

- Я подожду там, - она кивнула на дверь. - Скажете менеджеру, что я там?

Чистенькое кафе, маленькие полированные столики, на каждом – пепельница и живая роза. Анна расположилась у окна и огляделась. Посетителей совсем мало. Мужчина в белом пиджаке со стаканом вина читает газету, в другом конце женщина с ребенком. Мальчик вертится и балуется, женщина дергает его, громко говорит что-то строгое, тот кривит гримасу и через минуту снова начинает баловство. В конце концов он роняет чашку с

блюдцем, прибегает официантка, вежливо и холодно произносит несколько слов. После небольшого разговора, которого Анна не расслышала, но догадалась, что речь шла о разбитой посуде, женщина встала из-за стола, погрозила мальчику пальцем, показала на стоящую рядом со столом большую сумку и ушла вслед за официанткой в подсобку. Мальчик, растерянный, остался один за столиком.

Пока Анна вполоборота следила за этой сценой, к ней подошла девушка:

- Извините, вы случайно не Анна?

Анна вздрогнула от неожиданности: она не заметила, как девушка появилась у ее стола.

- Да, я Анна.

- А я Фаина, ваш дизайнер... который на удаленной работе. Вот, я принесла показать проспект, как он будет выглядеть в бумажном варианте. - Девушка под села к Анне за столик, открыла папку, вытащила рекламный проспект. Анна неуверенно взяла его в руки и стала рассматривать. Она подумала, как бы спросить у девушки, нет ли в этом какой-то ошибки, та ли она Анна, которая ей нужна, но тут в кафе вошел ее муж. Он увидел жену, рассматривающую проспект, улыбнулся, сделал ей знак рукой, мол, не буду вам мешать, и сел в стороне. Анна сказала:

- Извините, но, возможно, вы ошиблись, я не та Анна, которая вам нужна. Я пришла устраиваться на работу, жду менеджера.

Девушка-дизайнер смутилась, покраснела, резким движением выхватила у нее из рук проспект, пробормотала извинения и удалилась. Муж подсел к Анне:

- Что, уже взялась за работу?

- Просто девушка перепутала. Мне сказали подождать здесь, пока не придет менеджер.

С лица мужа слетело добродушие.

- Чувствую, это надолго. Мне надо съездить кое-куда. Вернусь минут через сорок. Если освободишься раньше, жди меня здесь.

Вдруг Анна заметила, как у столика, где сидел ребенок, мужчина в белом пиджаке лезет в оставленную сумку. Мальчик куда-то делся, сумка осталась без присмотра, и мужчина, жуликовато

озираясь, открывает молнию, роется в вещах, сует в карманы коробочки.

- Смотри! – воскликнула Анна мужу, кивая на жулика. – Это не его сумка, он ворует.

- Ты только не лезь! – раздраженно зашипел муж. – Не ввязывайся. Помни - ты пришла устраиваться на работу, и если ты сейчас ввяжешься в скандал, то никакой работы не получишь. Это тебе ясно?

Анна замолчала и отвела глаза к окну.

- Я пошел. Жди меня здесь.

Муж ушел, Анна заказала стакан минеральной воды и, ни о чем не думая, стала смотреть в окно. За соседний столик уселась полноватая женщина средних лет. Она сообщила подошедшей официантке, что ей ничего не нужно, поерзала в кресле и повернулась к Анне.

- Извините, вы случайно не менеджер по персоналу?

- Нет, - ответила Анна, – но я тоже его жду.

Женщина оживилась и пересела к Анне.

- Вы тоже устраиваться на работу? Смотрителем экспозиции?

Анна оглядела конкурентку, представила себя со стороны и подумала, что внешностью она явно выигрывает.

- Да, я устраиваюсь, – сказала она дружелюбно.

- А я вот решила уволиться со своей работы. Двенадцать лет проработала и больше не могу. Я расскажу вам почему. Ведь все равно нам с вами ждать... Я работаю на зеркальной фабрике. Мы делаем зеркала – большие, маленькие, крохотные для кукол, а то и целые зеркальные стены. Я работаю на мойке, отмываю зеркала перед упаковкой. Грязь, пятна, подтеки... Оттираю специальной тряпкой. Вот я стою перед каждым зеркалом, осматриваю поверхность, брызгаю очиститель, тру тряпкой пятна... Я смотрю только на поверхность, на грязь. Но там, в отражении, все время вижу эту женщину в синем рабочем халате. Я знаю, что это мое отражение. Но так как я смотрю на пятна, то эта женщина как бы расплывается в моем зрении. Я не смотрю на нее, не думаю о ней, мне нужно делать работу как можно быстрее и лучше. Но она... Как бы выходит из-под моего контроля. Понимаете?

Женщина посмотрела на Анну рассеянным взглядом. Анна кивнула, но ей вдруг захотелось прекратить разговор, отсесть подальше, отгородиться. Женщина продолжала:

- Так вот, эта фигура в зеркале, расплывчатая фигура дублирует мои движения и мне становится... неприятно. Тревожно. Будто бы это не я. Как будто, поскольку я не слежу за ней, она может... потерять со мной связь. Поэтому я иногда говорю с ней. Перед началом работы смотрю ей в глаза, приветствую. Давай сегодня без эксцессов, ладно, милая? А она... Ну вы понимаете, она – ведь это я, ей ничего не остается, как делать то же самое. Это просто отражение, говорю я себе, но я работаю на фабрике двенадцать лет... И привыкла считать ее... кем-то... Подругой, может быть. Сотрудницей... Ничего такого, если люди разговаривают с зеркалами. В сущности, каждый как-то общается со своим отражением, да? Корчит рожи, рассматривает прыщи, морщины... Но ведь я не могу даже отвернуться от него... И не могу посмотреть на него, потому что должна смотреть на пятна... И вот я наконец поняла, что нужно делать. Нужно уйти от нее. Уволиться с работы. Пусть она там как хочет.

- Извините, - сказала Анна. – Мне нужно в туалет.

Анна вышла в фойе и пошла по коридору. Дверь с символом, обозначающим женскую комнату, оказалась в самом конце. Но не успела она взяться за ручку, как мужчина в рабочем комбинезоне ловко проскользнул мимо нее и первым заскочил в туалет. Перед тем, как закрыть за собой дверь, он обернулся с улыбкой:

- Мужской на ремонте.

На обратном пути Анна задержалась в фойе. Ей не хотелось снова идти в кафе, она устала сидеть. Она прошлась вдоль стен, разглядывая выставленные скульптуры. Из глубины коридоров появилась дама в строгом костюме. Заметив Анну, она уверенно направилась к ней:

- Вы пришли на собеседование?

- Да, - с облегчением сказала Анна. Она осмотрела менеджера. Темно-серый костюм, едва заметный макияж, волосы гладко зачесаны назад. На левой щеке – большое родимое пятно, покрытое короткими густыми волосками, как будто на кожу наклеили кусочек темного бархата. Анне даже захотелось провести по пятну пальцем. Анна подумала, что для зрителя экспозиции ей тоже понадобится новый костюм и новая прическа

- Пойдемте, - сказала менеджер и повела ее в выставочный зал.

Они вошли в просторное помещение, посреди которого торчали пять огромных мухоморов.

- Вот, можете осмотреть выставку, - сказала менеджер. Анна обошла по очереди каждый из грибов. Оказалось, что они только на половину мухоморы, две оставшиеся четверти составляли другие грибы, названия которых Анна не знала.

- Ну, что скажете? – менеджер шла рядом с Анной. – Что вы можете сказать об этих арт-объектах?

- Это большие красивые грибы, - сказала Анна. – Полумухоморы.

- Выставка называется «Гигантские трехчастные грибы», их сотворил известный немецкий художник. Что вы чувствуете, находясь здесь, среди них?

- Знаете, я немного растеряна, - сказала Анна.

- Да, растерянность. Хорошо. А еще?

Анна чувствовала, что должна сказать что-то умное, но ничего не приходило ей в голову. Грибы были просто грибами. Однако молчание означало поражение, и она спросила:

- Интересно узнать, а что вкладывал в эти объекты художник?

Менеджер поджала губы, но все же сообщила:

- Раздвоение, растрояние, шаманство, древние культы, психотропные феномены, предвестие новой культуры... Ну ладно. Значит, грибы вас не впечатлили. А вам знакомо имя Марка Ротко?

В это время они уже выходили из одного зала и переходили в другой. Там на стенах висели прямоугольные картины, просто выкрашенные в один, два, максимум три однородных цвета. Анна поняла, что работу она не получит, и теперь в голове готовила речь для мужа, пытаясь предугадать его вопросы и восклицания. Ей теперь нужно было придумать, как обвинить все это никчемное искусство и оправдать себя.

- Я думаю, вы понимаете... - сказала менеджер Анне. – Вы не можете работать смотрителем экспозиции, если вам нечего сказать про экспозицию. Если при виде объектов искусства вы не чувствуете ничего, кроме растерянности.

- Там в кафе сидит еще одна претендентка, - вспомнила Анна. – Может быть, она что-то почувствует.

- Пригласите ее в зал с грибами, – приказала менеджер, но добавила после секундной паузы. – Если вас не затруднит.

Анна пошла назад. В фойе возле скульптур крутился мальчик. Охранник вышел из своей кабинки и хмуро смотрел на ребенка. Увидев Анну, охранник спросил:

- Это не ваш мальчик?

- Нет, - ответила Анна. – Он в кафе разбил посуду, и его маму увели в подсобку.

Охранник тут же схватил мальчика за шиворот.

- Посуду разбил, а теперь хочешь скульптуры сломать? Знаешь, сколько они стоят? Твоя мать за всю жизнь столько не заработает. Иди на улицу, там подождешь.

Охранник потащил мальчика к выходу, но Анна схватила ребенка за руку.

- Подождите! Я им займусь. Вдруг с его матерью что-нибудь случилось? Нельзя же ребенка вот так на улицу вышвырнуть!

- Забирайте. И следите за ним получше, - охранник отпустил мальчика и жестко посмотрел Анне в глаза. – Если он что натворит, вы будете отвечать.

Анна с мальчиком снова вошли в кафе. Работница зеркальной фабрики теперь сидела за столиком с мужчиной в белом пиджаке, перед ней тоже стоял стакан вина, почти не тронутый. Они оживленно беседовали и работница, очень веселая, всю строила глазки. Анна вспомнила о задании, подошла к ним и сказала ей:

- Идите, вас ждут.

- А вы?

- Меня не взяли. Может, вам повезет. Что вы почувствуете, если окажетесь в комнате среди гигантских мухоморов?

- Гигантских мухоморов? Ужас. Одиночество. Я почувствую, что попала в галлюцинацию.

- Чудесно. Думаю, вы им подойдете.

Анна взяла мальчика за руку и отправилась с ним в подсобку. На кухне несколько поваров что-то резали, мешали и поджаривали. Анна столкнулась с официанткой.

- Вы не знаете, куда делась женщина, та, что разбила посуду?

- Она на мойке. Она теперь у нас будет посуду мыть, - официантка показала пальцем на соседнее помещение. Анна с мальчиком направились туда.

Женщина в резиновом фартуке стояла у мойки и мыла тарелки.

- Мама! – закричал мальчик. – Пойдем домой!

Женщина обернулась. Увидев Анну, держащую за руку ее сына, она стала рассказывать ей:

- Вот, вроде как на работу устроилась... Сначала они велели заплатить за чашку и блюдце, но денег у меня нет, и тогда они велели отработать. Помыть немного посуды. Это я запросто, посуду я люблю мыть. Я быстро помыла и хотела уходить, но тут вышла главная, управляющая, любезная такая, сказала, что я отлично справилась и, может быть, смогу у них работать. Зарплата неплохая. А мы с Димой сейчас совсем без денег. Я согласилась, и она сказала, что тогда приступить надо немедленно. Посудомойки у них нет, посуда вот стоит грязная, мыть нужно срочно, кто-то должен это делать. Ну, я и осталась. Сейчас домою вот эту стопку и будет перерывчик. Дима, ты посиди еще немного, я скоро выйду. А как же сумка, ты сумку бросил? Ее же украдут!

- Там из вашей сумки какой-то жулик коробочки вытаскивал, - вспомнила Анна.

- А, это колготки. Ну и черт с ними. Я хотела продать, всю неделю продавала на рынке, но ничего не удалось, ни одной пары не купили. Черт с ними. Дима, иди, сынок, не мешай маме работать.

Анна снова села за свой столик, посмотрела на часы. Сорок минут прошло, муж скоро должен появиться. Мужчина в пиджаке взял свой стакан и направился к ней.

- Вы меня простите, я случайно услышал, что вы работу ищите. Я вот хотел бы предложить кое-какие варианты. Если вы не против. Не хотели бы поработать продавцом?

- Продавцом? В супермаркете?

- Нет. Скажем так, галантерея, белье... Вот, например, колготки продавать. Ну еще другие мелочи – портмоне, брелки для ключей... Знаете у станций метро есть такие небольшие торговые ряды. Там сидят женщины с цветами, зеленью... Ну а вы бы сидели с галантереей. Работа ведь не пыльная, труд не тяжелый, а прибыль поделим. Вы женщина красивая, видная, у вас все будут покупать.

- Нет, извините, мужчина, не нужно. Я у метро с бабками не буду сидеть.

- Ну да, ну да... Что ж. Тогда рассмотрим другие варианты. Вы раньше кем работали?

- Воспитательницей в детском саду.

- Прекрасно! С детьми, значит, работали? А что если нам с вами устроить катание детей на лошадках?

- Каких лошадках?

- Знаете, в парках часто встречаются девушки, которые там катаются на лошадях. Если мы арендуем у них пару лошадей и будем на них детей катать? Скажем, двести рублей за пять минут. Деньги небольшие, разумные, больше пяти минут дети не выси-
дят, им надоест. Итого, шестьдесят разделить на пять, это двена-
дцать, умножить на две лошади и на двести рублей. Получается
4800 рублей в час! Представляете? Почти пять тысяч в час, и де-
лать ничего не надо.

- Да вы что? А если ребенок свалится с лошади? А если ло-
шадь на него нечаянно копытом наступит?

- Ну придумаем что-нибудь... Будем детей привязывать... Устроим какие-нибудь курсы. Групповая терапия «Как жить, ес-
ли вашего ребенка затоптала лошадь». Тысяча рублей в час, в
группе шесть человек – это шесть тысяч, в день можно загребать
до пятидесяти тысяч. Плюс катание на лошадках еще сорок ты-
сяч. А? До ста тысяч рублей в день при восьмичасовом рабочем
графике. И делать ничего не надо. Женщина, как вы на это смот-
рите?

- Вы больной, что ли? Не нужна мне работа, что вы пристали!
Я здесь сижу, просто мужа жду. Он вот-вот придет, с минуты на
минуту.

И действительно в этот момент в кафе вошел муж. Быстро
подошел к Анне:

- Пойдем.

Анна встала, собралась надеть пальто, но муж схватил ее за
локоть.

- Пойдем быстрее, нам некогда.

Он развернулся и быстрым шагом направился к выходу. Ан-
на, громко стуча каблуками, еле поспевала за ним.

- Это не собеседование, а какая-то туфта. Знаешь, что они
меня спросили? Что я чувствую, когда вижу эти гигантские му-
хоморы!

Но муж, не слушая ее, быстро сел в машину и завел мотор.

- Куда мы так спешим? – спросила Анна.
- У нас другое собеседование. Я договорился, пока ты там торчала. Тоже смотритель, но в собачьем приюте.
- В собачьем приюте? Я не смогу.
- Сможешь. Нужно кормить собак, выгуливать, следить, чтобы они были здоровы. Если кто заболит, вызывать ветеринара. Вот и все, ничего сложного. С детьми в детском саду справлялась, значит, и с собаками справишься.

Анне представили огромный холодный сарай, в котором стоят клетки с собаками. Разные собаки – маленькие, большие, лохматые, гладкошерстные, породистые и дворняжки – сидят в клетках. Они смотрят на Анну, воют, скулят, рычат, лают... Да ничего страшного, справлюсь, думает Анна. Собаки лучше, чем грибы. Лучше, чем люди, лучше, чем грязная посуда.

Станислав Курашев

Начало воспоминаний о Чебуране

Впервые я увидел Чебурана в начале декабря, было около одиннадцати вечера, мне хотелось осмотреть несколько новостроек на той стороне реки - у себя дома, в своём районе, я уже примелькался, - и я решил оставить его на пару месяцев в покое, так как я - потомственный рабочий, сборщик меди, специализирующийся, в основном, на лифтах.

Я шёл пешком, особенно никуда не торопясь, недавно перестал падать снег, а снег - это вечная юность, не кончающееся детство, то чёрное, грязное - это уже не снег, лёд становится водой, а снег вот этой мерзкой грязью.

Мне было немного грустно (люди моей профессии, как это ни странно, вообще почему-то склонны к меланхолии пополам с алкоголизмом, уж не знаю, почему), может быть, от того, что меня, по большому счёту, никто и нигде не ждёт, и в моей пустой квартире, если я не вернусь туда сегодня, никто не будет бодрствовать всю ночь, смотреть в окно...

А может быть, от всего этого мерзопакостно-фантастически красивого декабрьского антуража, от всех этих тусклых фонарей,

от этой ватной тишины белого-белого снега, как-то сладко болело внутри, и хотелось придумывать всякие истории про какие-нибудь совершенно бессмысленные любви, безнадежные, без - надежды, ну что-нибудь типа о любви кондуктора к какой-нибудь незнакомке, которая каждое утро едет куда-то, а вечером - откуда-то, и она всегда одна и всегда молчит, и так слишком красива, а ему уже под сорок, или за - сорок, и он, чувствуя, что все его попытки - обречены, даже не пытается с ней заговорить, и я знаю, что так можно сойти с ума... Да, а в чём весь смех-то - если вдруг однажды утром она не появляется - у него всё как-то начинает мутиться в голове, и под конец дня ему уже становится так плохо, именно физически, физически плохо, что он почти умирает... Представьте - заметка в три строки: вчера в трамвае такого-то маршрута на своём рабочем месте скончался от инфаркта кондуктор такой-то...

Жалкий, старый, некрасивый дурак, умерший - от чего?

Да нет, конечно, он не умирает, после смены напивается страшно, вспоминая - о, сколько раз он касался её руки, когда она платила за билет, и это было прикосновением электричества, а тот какой-нибудь омерзительный урод, с которым эта незнакомка проводит ночи, да что он может знать про электричество...

И он живёт в каком-то сплошном тумане, и по его внешнему виду уже невозможно определить - то ли он не ел ничего со вчерашнего дня, то ли уже пьян с утра, а у него на самом деле просто беспрестанно болит сердце...

Или что-нибудь о любви какой-нибудь женщины, тоже уже далеко не молодой, сидящей за кассой в каком-нибудь платном туалете, к одному постоянному посетителю, молодому да симпатичному да вечно пьяному, который, бывает, заходит даже раза по три за вечер и даже иногда говорит ей какие-нибудь нейтральные фразы, а она, почти уже отупевшая от этого сидения, от этих запахов и вообще от всей этой бледской жизни, вдруг - уж не знаю почему (кто вообще знает почему, отчего это бывает) - чувствует к нему какую-то чуть ли не материнскую любовь вперемешку с самой открытой, животной страстью, и все её мысли - это тёплая нежность грубой порнографии...

Дорогие мои, хорошие, разумные, да что вы можете знать об этом...

Но я что-то заболтался, хотя, может, начало воспоминаний о Чебуране и должно быть именно таким, не знаю.

Да вот, шёл я и вдруг - улица в том месте была ярко освещена - увидел странные следы, одни следы были самые обычные, но рядом с ними шла цепочка следов словно бы от гусениц очень-очень маленького танка. Помню, что меня это почему-то крайне поразило, я дошёл до перекрёстка, следы поворачивали направо, мне нужно было прямо, но я тоже повернул направо и метрах в ста впереди увидел одинокую, сгорбленную, нескладную фигурку, бредущую куда-то. Я прибавил шаг и начал понемногу приближаться к ней, и вскоре увидел, что рядом с этой фигуркой действительно ехал маленький, игрушечный, радиоуправляемый танк, вдруг он неудачно попытался объехать сугроб и застрял, человек наклонился к нему, взял его на руки и с неожиданной нежностью сказал - ну что, опять застрял, малыш? Он стряхнул с танка налипший на него снег, поставил его на ровное место, и они продолжили свой путь. Я почти поравнялся с ними, когда он услышал мои шаги, он обернулся, и меня поразила какая-то ужасная затравленность в его взгляде, словно бы он ожидал, что я сейчас засмеюсь ему в лицо или ударю его, просто так, без всяких причин.

- Ух ты! - сказал я. - Это же ведь «Пантера», да? Можно посмотреть?

- Да, «Пантера», - тихо сказал он, - смотрите, пожалуйста...

Я присел на корточки и увидел, что это была отлично сделанная модель немецкого танка, кажется, 44-го года.

- У меня дед в такой же вот «Пантере» сгорел, ему ещё Железный Крест посмертно дали... - сказал я.

- Вы шутите, - слабо улыбнулся он.

- Конечно, - согласился я, - не дали ему никакого креста, не до того уже в 45-м было... Как вас зовут?

- Чебуран, - ответил он.

(Господи, прошло уже столько лет, но вот сейчас начал писать, и всё так ярко, отчётливо встаёт перед моими глазами.)

- Какое странное имя... Это прозвище, что ли?

- Да нет, не прозвище... ну почему странное... - смутился он, - ну вот такое имя... А вас?

- Да я не люблю своё имя, - сказал я, - лучше просто зовите меня - Джаном.

Чебуран помолчал немного и вдруг сказал:

- Вам не грустно, Джан, от всего вот этого? - с жестом, означавшим - от всей этой красивой, ночной тоски.

- Ну, не знаю... - ответил я. - Солнца нет, но зато - луна, зима - холодная, но это не ядерная зима...

- Вы - поэт, - тихо сказал он.

- Да нет, - криво улыбнулся я, - самый обычный пролетарий - гайки медные по лифтам тырю...

Мы замолчали и пошли дальше, и молчали довольно долго, я навсегда запомнил то моё странное ощущение, словно бы мы - последние люди во всём этом долбаном городе, и от этого нам так спокойно, потому что нам нечего больше ждать, и всё, что скажет один, - непременно поймёт другой.

- Я люблю гулять ночью, - вдруг сказал Чебуран, - ночью даже самые мерзкие улочки так красивы. Даже эти древнеримские развалины.

Мы как раз проходили мимо типичного для нашего города полуразрушенного дома с колоннами и тому подобной хреню, которая когда-то, вероятно, выглядела шикарно.

- А вы видели, Чебуран, - спросил я, - ту ротонду, что в парке за Дворцом Пионэров, ну ту, которая одна сохранилась от амфитеатра, который раньше стоял там, где сейчас пруд и где три миллиона лет назад было море? Там когда-то переодевались певцы хора, и один совсем съехавший бомж как-то рассказывал мне, что все призраки в качестве места дуэли выбирают только её...

Чебуран взглянул на меня, и в его глазах снова проступила болезненность, потом он отвёл глаза и сказал:

- Я когда-то был в ней счастлив, потом уже - нет.

Мы опять замолчали.

Я вдруг представил - у меня, наверное, какая-нибудь опухоль мозга (настолько у меня сильное, безумное воображение) или вообще весь мозг закрыт опухолью, - горящий, разрушенный, многоэтажный дом и следы маленьких гусениц на снегу, уводящие в подвальное окошко, а потом - Чебурана, сидящего в своей комнате, дверь закрыта на крючок, на столе чистая скатерть, с длинною бахромой, а на скатерти - разобранный «Ягдтигр», части которого Чебуран аккуратно протирает замшевой тряпочкой или смазывает оливковым маслом, и душа его совершенно спокойна, а злая жена стучит в дверь - иди на работу, сволочь... или

- где деньги, тварь?.. а он просто - не слышит её... за окном мутный апрель, и из старенького магнитофона - звук сильного дождя, любимая кассета из коллекции - полтора часа солнечного северо-байкальского дождя, август 1988 года, «Ода радости» с помощью небесных инструментов, а когда совсем плохо - то екатеринбургский дождь, октябрь 1996 года, «Реквием», лишённый хора и оркестра, а только дождь, в комнате, лишённой любви.

- Вот я и пришёл, - сказал Чебуран, когда мы остановились у замка высотой в пять этажей, выкрашенного в погасший серый цвет, - если хотите, Джан, можно зайти ко мне, я тут снимаю комнату на пятом этаже, у одной старухи, местной Эвридики, торговли семечками.

Я вспомнил свою квартиру, сплошь заполненную разными символами несчастья, и согласился.

Чебуран взял танк на руки, и мы взобрались по тёмной лестнице на пятый этаж.

Дверь была закрыта изнутри на цепочку.

После долгих, истерических криков Чебурана - Зинаида Алексеевна! Зинаида Алексеевна! - в коридор выползла хозяйка, свиноподобная старуха с пьяными восковыми глазами, похожая на девочку, которую заколдовал очень злой волшебник.

- Это чё за хрен с тобой? - спросила она. - Чё, туркмен, что ли?

- Не, бабушка, не туркмен.

- Пидор? - задала следующий вопрос злая старуха.

- Да нет, Зинаида Алексеевна, не пидор, - так же покорно ответил Чебуран.

- Ну ладно, заваливайте, суки мусорские, - сказала Эвридика и сняла цепочку. - Только без этих штук, слышь, туркмен, курить есть? курить дай...

Я дал ей сигарету, и она ушла в свою комнату, к телевизору, бормочущему невнятные угрозы.

Комната Чебурана оказалась небольшой кельей, в которой стены по ночам движутся внутрь, а потолок - вниз. На обоях, посреди синих роз висел выцветший календарь на 1981 год, плакат «Летайте самолётами Аэрофлота» и политическая карта планеты Меркурий.

Над кроватью Чебурана висел какой-то странный холст, закрашенный коричневой краской. Я нагнулся и прочитал название

- «Три из одиннадцати оттенков коричневого цвета, самого тусклого цвета в спектре Бетельгейзе».

Чебуран вытащил из-под кровати большую картонную коробку от сигарет «ВТ» и достал оттуда несколько ампул Tinctura Crataegi, туманно пояснив:

- Гуманитарная помощь... из дружественной галактики.

- Гуманоидной? - спросил я, закуривая.

- Конечно, - ответил Чебуран, выливая содержимое ампул в трёхлитровую банку и разбавляя холодной водой.

- Эликсир вечной молодости, - одобрительно сказал я, - кто его пьёт, тот не умирает, иными словами - живёт вечно.

Я пошарил в карманах пальто и, найдя мандариновую кожуру и яблочные огрызки, оставшиеся от позавчерашней ночи, когда я ходил на свой обычный промысел, забросил их в банку, чтобы хоть как-то заглушить омерзительный вкус эликсира.

Мы выпили с Чебураном на ридершафт и снова заполнили стаканы и снова выпили, у меня привычно заболел правый висок.

- А ведь её же бывший парень, - вполголоса запел Чебуран, - полковник-сука-мент...

За стеной вдруг чему-то засмеялась старуха, в телевизоре тоже кто-то смеялся самодовольным, жирным смехом.

Вакуумный барометр по другую сторону оконного стекла показывал ровно минус двести семьдесят градусов безумного Фаренгейта.

Эвридика из магазина "Пиво Сибири"

Магазин этот я увидел перед самым отъездом из Улан-Удэ. Он находился на Элеваторе, в самом начале улицы Цивилёва. Был уже вечер, я зашёл в него, и он поразил меня своими размерами. Для Улан-Удэ это был невероятный размах. Весь он был поделён на великое множество отделов, каждый из которых представлял пиво какого-нибудь города. Несмотря на название, там было и московское, и петербургское пиво, ну и конечно все крупные сибирские города. Я шёл, разглядывая сияющие отделы, смотрел на красивые этикетки в новосибирском отделе, на странные красноярские названия, на невероятно красивую продавщицу из рязанского отдела, и вдруг у меня как-то сжалось сердце, пре-

жде чем даже я успел увидеть, а дошёл я до серого и маленького, в сравнении с остальными, отдела, даже скорее - закутка, на котором было написано -

Екатеринбург... В нём было всего два наших сорта пива - "Княже" и "Тайный советник", всего два из всего великого

разнообразия свердловского пива, и в этом отделе сидела на стуле женщина неопределённого возраста, в очках, с шалью на плечах, и она читала газету "Вечерний Екатеринбург", года девяностого четвёртого, уже пожелтевшую, бог знает когда и кем здесь оставленную, читала она видимо её не в первый раз и не в десятый...

Ни одного покупателя в этом отделе не было, и чувствовалось, что вряд ли они вообще здесь часто бывают...

Я остановился перед прилавком, она взглянула на меня и вдруг сказала с заметным волнением, - скажите, а вы случайно не из Свердловска?

Да, - ответил я, - а как вы об этом догадались?

Она смутилась, опустила глаза, лёгкий румянец появился на её щеках, снова подняла глаза и сказала - потому что вы такой красивый...

Я тоже немного смутился, не ожидая такого ответа, и она, почувствовав возникшую неловкость, сказала - а у нас там есть горячая вода?

Я почему-то сразу понял, что "у нас" означает - в Свердловске и ответил - да нет, тоже нету..

Мы разговорились, как выяснилось, она никогда западнее Иркутска не бывала, но почему-то полюбила

Свердловск всей душой, не знаю почему, может, работа в этом отделе так на неё подействовала, не знаю, то ли

такой у неё был вид шизофрении, потому что Свердловск любить в сущности не за что...

Свердловск она знала гораздо лучше меня, и, глядя на меня влюблёнными глазами, она всё спрашивала меня - а

что "Октябрь" уже не кинотеатр, да? Да, - отвечал я. Жалко, - говорила она, - хороший был кинотеатр... А в Исети

по-прежнему находят трупы? По-прежнему. А как там у нас день города собираются отмечать (это было

незадолго до дня города)? Да как обычно, всё то же самое, - говорил я.

Ну как пиво-то наше берут? - задал наконец и я вопрос.

Она, кстати, была чистокровная бурятка и звали её - Сэсэгма, но этим вопросом я по-видимому коснулся больной темы, и она горячо сказала - ох, да что эти чурки, уроды бурятские в пиве понимают... Это ведь самое лучшее пиво на свете. Я хоть и не пью вообще алкоголь, но я уверена в этом, ведь правда, да?

Да, - сказал я - правда.

Её речь была немного бессвязна, она явно волновалась, чувствовалось, что много лет ей было не с кем поговорить.

На прилавке лежало несколько буклетов с видами Свердловска, выпуска 79 года, которые, как она

рассказала, остались ещё с её прошлой работы, когда она работала в киоске "Союзпечати", она подарила мне

один буклет, я, конечно, взял его, а потом, на улице, конечно, выбросил. На прилавке осталось ещё пять таких же

буклетов. Меня внезапно озарило, и я спросил - а тогда, вам сколько в "Союзпечать" таких буклетов поступило?

Шесть, - ответила она...

Они все смеются надо мною, говорила она, как обиженный ребёнок, имея в виду продавщиц из других отделов, где сияющие витрины и всегда много покупателей, где смех и лёгкий флирт...

Я буду дурно спать этой ночью, - вдруг тихо сказала она...

У меня снова сжалось сердце от внезапной тоски, мне захотелось обнять её, но я вдруг тихо запел старую песню

"Чайфа", глядя на неё, с самой ласковою и нежною из всех своих улыбок, - летней ночью, на крыше дома, я

увидел внизу светящийся город - этот город похож на лучший город Европы...

И она засмеялась или заплакала, и я тоже засмеялся или заплакал, не помню и мы запели вдвоём в полный голос

дальше, уже не сдерживая эту болезнь внутри, эту истерику, прятавшуюся внутри много лет - я увидел над собою

такие же звёзды, я услышал как где-то играет гитара, я услышал как кто-то тихо читает стихи, ты сказал, что

поэзия - это лишь способ сделать деньги для тех, кто не хочет работать, все были довольны тобой, кто-то хлопнул тебя по плечу...

Вадим Климов

Нелепое вторжение

Было уже больше часа ночи. Это точно: когда я выходил из метро, табло над тоннелем показывало без десяти час, а от метро до дома идти минут тридцать. Я уже подбирался к кольцевой дороге, опоясывающей город, оставалось только перейти по подземному переходу и все – мой дом в трехстах метрах от дороги.

От перехода меня отделяло метров сто, когда я заметил старуху. Спешащей черной кошкой она перебежала дорогу, двигаясь от жилых домов к лесу. За спиной старуха тащила огромный рюкзак, в руке дорожную сумку.

Старуха резко остановилась у самого леса, поставила сумку на асфальт и взяла ее другой рукой, после чего шагнула на бордюр и скрылась за деревьями.

Все это произошло за несколько секунд. Я лишь наблюдал, продолжая идти. Но старуха разожгла во мне интерес: что ей понадобилось в лесу в такое время. К тому же она переносила какие-то вещи. Возможно, у нее там дом или...

В голове закопошились объяснения, ни одно из которых меня не удовлетворяло. Да и как они могли удовлетворить: нелепые отвлеченные построения, высосанные из пальца. Нужно было идти за старухой, проследить ее перемещение.

Задумавшись, я даже сошел на проезжую часть и направился наискосок к лесу. Как раз к тому месту, которым только что воспользовалась старуха. Но я не успел далеко продвинуться.

Какого черта я вяжусь? Холодной мартовской ночью... В лесу еще полно снега, крошечная темень, голые деревья, кустарники, хлещущие ветками по лицу. Да и смогу ли я следить за старухой, если ее уже сейчас почти не видно (темное уменьшающееся пятно блуждало среди деревьев).

Я сбавил шаг, но не сменил направления. Идти или не идти? Никогда не мог решиться. Еще минуту назад я предвкушал возвращение домой, главным образом из-за еды и расслабления. А теперь приходилось все менять – сворачивать у самого дома и преследовать старуху в темном лесу.

Нет, решил я, только не сегодня, в любой другой день, кроме этого. Сейчас я дойду до дома, переоденусь, поем и, быть может,

почитаю книжку. Или сразу после еды лягу спать, потому что сил у меня почти не осталось.

Однако я двигался наискосок к лесу, всматриваясь в мелькающее между деревьев едва различимое пятно старухи. Так куда же идти?

Внезапно возникший за спиной автомобиль обдал меня вспышкой фар и гулом клаксона. От неожиданности я не отошел к тротуару, не стал менять направление. Но и автомобиль не собирался сворачивать или хотя бы сбавить скорость. Он почти настиг меня, когда я отпрыгнул в сторону леса.

Машина понеслась дальше, я же оказался в замерзшей грязи. Это была обычная лужа, хоть и очень грязная, которая ближе к ночи покрылась коркой льда. Под моим весом лед, понятное дело, сломался.

Кроссовки моментально наполнились водой, она просто влилась сверху. Когда я стал вылезать, то зацепился носком за ледяную поверхность и упал. Не в лужу, это было бы совсем нелепо, но рядом. Я не ожидал, что земля окажется такой твердой. Наверно, даже поранил руку, которой уперся при падении.

Чертова старуха! Свое негодование я перенес на нее, ничего не подозревающую.

Через секунду я поднялся, отряхнул одной рукой джинсы, вторую, раненную, аккуратно отвел в сторону. Обошел лужу, осмотрел на всякий случай дорогу - может быть, тот лихач развернулся и теперь возвращается обратно: во второй раз он меня не упустит – и двинулся к подземному переходу.

Выйдя на другой стороне, я рассмеялся. Какая нелепость: увязался за старухой, чуть не попал под машину, угодил в грязное замерзшее болото, обозлился на старуху, от которой к тому моменту даже пятна среди деревьев не осталось.

Настроение слегка улучшилось. Вдобавок я уже заходил в подъезд, то есть был в считанных секундах от тех благ, которыми грезил перед появлением старухи. Теплая квартира, ужин, удобное кресло для чтения или сразу постель и сон.

Двери лифта шумно разъехались, из-за чего я даже вздрогнул. Затем вошел в кабину, пару секунд посмотрел на панель с кнопками этажей. Тепло, еда, кресло или сразу сон... Ну уж нет!

Нет-нет-нет!

Что-то изменилось в голове, я уже не грезил этим уютным набором. Не хотелось ни есть, ни спать, да и усталости я не чувствовал, разве что совсем чуть-чуть.

Я выскочил из лифта, когда двери почти сомкнулись. Одним ловким прыжком: раз – и я уже по другую сторону тривиального домашнего мира.

Нет, все это может подождать. Не в том я возрасте, чтобы грезить мягким креслом и горячим питанием. Время от времени человек должен идти на риск, терпеть лишения. Сегодня я не вернусь домой, а отправлюсь в лес на поиски старухи.

Нужно было сразу так и поступить – еще у подземного перехода. Но я поддался легкомыслию и упустил старуху. Бог знает, куда она уже забралась, ведь столько времени прошло. Что ж, тем сложнее будет ее отыскать. Но ведь к этому я и стремлюсь – к трудностям.

В настроении приподнятом и решительном я снова оказался на улице. Порыв морозного воздуха, обдавший меня у подъездной двери, чуть умерил энтузиазм, хотя и не выветрил его целиком. Выдержав первое испытание (или второе, если считать перемену решения в лифте), я двинулся к лесу.

Старуха будто под землю провалилась, мне так и не удалось ее найти. Минут сорок я болтался среди деревьев, стараясь, правда, не углубляться в самую чащу, чтобы хоть что-то видеть. Фонаря с собой не было, поэтому я мог рассчитывать только на свет с дороги.

Бессмысленное приключение, как я понял уже после. Даже если б я и нашел старуху, что невероятно в такой темноте, чем бы это продолжилось? Ведь мы совершенно незнакомы, мне даже обратиться к ней не с чем. Скорее всего, старуха перепугалась бы до смерти – странный парень преследует ее ночью в лесу. Ситуация малоприятная и совершенно абсурдная. Дикость какая-то.

Слегка обозленный я вернулся домой. Во второй раз за ночь прошелся вдоль леса, затем по подземному переходу и, под самый занавес, триста метров до подъезда. Лифт ждал на первом этаже. Возможно, им так и не успели воспользоваться. А, может, успели, меня это совершенно не волновало.

Полтретьего ночи - я специально посмотрел на часы, зайдя в квартиру. Вернее, не специально, а по привычке. Больше часа потеряно впустую. А ведь я мог бы за это время...

- Привет, - Вера, подруга, с которой я живу, вышла в прихожую. - Почему так поздно?

- Да так... - начал я, опустил на корточки развязать шнурки, и закончил объяснение.

- Тебе звонил Павел.

- Павел? - я поднял лицо.

- Я сказала, что тебя нет, пусть перезвонит позже.

- И он перезвонил?

- Нет, - Вера мотнула головой, - больше не звонил.

Снова страшно хотелось есть. Я прошел в кухню, следом за мной подруга. Тут-то и загремел телефон. Вера беззвучно усмехнулась. Неужели Павел, удивился я. Раньше он не позволял себе поздние звонки, вообще какие-либо выходки.

- Возьмешь трубку? - спросил я, посмотрев на подругу.

- Это же тебя, - с деланным удивлением сказала она.

- Почему ты думаешь, что меня? Почему обязательно меня?

Я разозлился. Вера скривила гримасу и отвернулась к окну. Брать трубку не хотелось, но телефон все звонил, уже раз семь, не меньше. Я подошел к аппарату, чтобы отключить его, но в самый последний момент решил этого не делать. Снял трубку.

- Алло.

- Алло, - откликнулся знакомый голос секунды через три.

Я надеялся, что никто не ответит, но... Это, в самом деле, был Павел.

- Я звонил днем, - медленно стал объяснять знакомый, - но тебя не было дома.

- Что ты хотел? - спросил я.

- Что? - переспросил Павел.

- Что ты хотел?

- А - что я хотел... - уже увереннее повторил знакомый. - Я хотел... мне нужно было... - он снова растерялся и не мог подобрать слов.

Пауза растянулась секунд на двадцать, но не вызвала у меня никаких эмоций. Я просто ждал, когда он продолжит.

- Так что тебе нужно? - пришлось спросить самому, не дождавшись.

- Просто... Просто хотел поговорить с тобой.

Новая пауза.

- Ты не занят сейчас? – спросил наконец Павел.

- Нет.

- На самом деле я здесь... недалеко... рядом с твоим домом, короче, - Павел нервно усмехнулся. – Видел, как ты ходил бегать в лес.

Меня это удивило. Павел жил и работал далеко от моего дома и вряд ли мог случайно здесь оказаться. По-моему, он даже не знал, где я живу.

Я промямлил что-то невразумительное.

- Ну... - снова замялся знакомый. – Если хочешь, можем прогуляться. Ты же сказал, время у тебя есть.

- Хорошо, - согласился я. – Где ты?

- Да прямо у твоего подъезда. На лавке.

Я поднял глаза и заметил, что Вера пристально разглядывает меня.

- Через пару минут спущусь.

Кладя трубку, я уже жалел. Черт возьми, даже поесть не успел. Почему я не предложил ему подняться? Может, перезвонить? Нет, лучше все-таки спуститься и сразу пригласить сюда. Да, так будет лучше всего.

Вера, не отрываясь, смотрела на меня, видимо, ожидая объяснения.

- Это был Павел?

Я кивнул.

- Он здесь, ждет у подъезда.

- Так вы вместе приехали? Почему сразу вдвоем не поднялись?

- Нет, - сказал я, - не вместе. – Не знаю, зачем он здесь.

- И что, ты сейчас уйдешь? А потом? Куда вы пойдете? Вернетесь?

- Не знаю... Наверно, предложу Павлу зайти в гости.

Вера усмехнулась. А я уже надевал кроссовки. Не было времени на расшифровку ее смешка. Буквально через треть минуты, ведь мне даже переодеться не понадобилось, я вышел из квартиры. А еще через пару мгновений и из подъезда.

Павел, мой бывший однокурсник, ждал на лавке. Выглянув из подъезда, я сразу его увидел. Однако то, что за этим последовало - мое приближение к скамейке и наше перемещение в лес, совершенно выпало из памяти.

Когда я пытаюсь воссоздать события той ночи, получается, что сразу после выхода из подъезда я оказываюсь с приятелем в лесу. Всего несколько минут, но куда они пропали, так и осталось загадкой. На этих нескольких минутах я больше не буду останавливаться. Все равно о них больше нечего не известно.

Павел рассказывал о разнице ощущений: несколько лет назад он воспринимал мир иначе.

- Скорее всего, - объяснял однокурсник, - это из-за того, что ко мне относились по-другому. Я был студентом престижного института... Так, по крайней мере, меня воспринимали окружающие. Они, может, не говорили об этом прямо, но мое привилегированное положение всегда подразумевалось. Возлагались надежды, особенно близкими людьми. Что не могло, в конечном счете, не отразиться на мне. Я тоже стал воспринимать себя, как нечто выделяющееся из общей массы, выдающееся... возвышающееся...

Павел повернулся в мою сторону. Краем глаза я увидел его растерянное лицо. Скорее всего, он уже не раз размышлял на эту тему, проговаривал про себя различные аспекты, но сейчас, когда появился собеседник, не мог подобрать нужных слов, изложить мысли в правильной последовательности.

- Учеба, особенно поначалу, слишком интенсивна, чтобы приесться. - Продолжил однокурсник. - Постоянно знакомишься с новым материалом. И в этом потоке новизны уносишься все дальше и дальше, не успевая ни к чему привыкнуть. Вдобавок твои собственные ожидания и ожидания окружающих, я имею в виду главным образом семью... Словом, ты постоянно ждешь изменений, какого-то переворота, вторжения в твою жизнь, наполнение ее абсолютно новым содержанием. И пока учишься, даже не замечаешь, что этого не происходит. Новое, если и возникает, то в таком ничтожном объеме, что глупо вообще обращать на него внимание. Тебя просто несет дальше на волне окружающего восприятия. Ты даже не понимаешь, насколько все это не соответствует действительности, сплошные иллюзии, причем чужие. Только через несколько лет, уже после окончания инсти-

тута... когда устраиваешься на работу... Новизна испаряется. Все становится обыденным... Повторение одних и тех же действий изо дня в день почти без изменений. Твои новые знакомые... по работе и вообще... больше не связывают с тобой никаких надежд, не ждут ничего, кроме выполнения обязанностей, перечисленных заранее. Но и прежнее окружение, семья и знакомые... постепенно они отказываются воспринимать тебя по-старому. Больше никакого особенного уважения, никакого выделения. Твое престижное студенчество стирается из памяти. Про него иногда еще кто-то вспоминает, но скорее как курьез, не больше. Ты растворяешься в массе остальных людей, ничем от тебя не отличающихся.

Павел вздохнул.

- Все это угнетает. Особенно потому, что ты больше не становишься почти ни с чем новым. Той интенсивности новизны, что была раньше, никогда не будет. Ты пробуешь отыскать что-нибудь в одиночку, полагаясь на собственные силы, но ничего не получается. Несколько неудачных попыток и ты окончательно разочарован. Детское представление о том, что тебе предстоит какая-то особенная жизнь, выветривается из сознания. Ты еще прилагаешь немного усилий, но больше ни на что не рассчитываешь. Все тщетно, это известно заранее. Как в темной комнате: ничего не видишь, но продолжаешь идти. Продвижение вперед бессмысленно: ты его не замечаешь, потому что в окружающей темноте ничего не меняется. Бесполезное занятие, пустая трата сил. Но ты все равно шагаешь, потому что не представляешь ничего иного. Ты занимаешься этим по инерции.

Павел замолчал, и некоторое время мы молчали, продвигаясь в глубь леса, в самую темноту. Когда почти ничего уже нельзя было разобрать, Павел включил маленький фонарик, дающий тусклый синеватый свет. Фонарик был частью брелка, на котором крепились ключи.

- Мы совсем в лес забрались, - угрюмо сказал я.

Расклеившийся от усталости я думал о том, как бы половчее предложить приятелю вернуться обратно. Я переоценил свои силы, которых почти не осталось. Нужно было срочно идти домой, но вместо этого я формулировал обращение так, чтобы однокурсник не мог отказаться.

- Да, - согласился Павел, - в лесу сейчас хорошо.

- Но холодно, - заметил я.

Мы продвигались не спеша, и я начал замерзать. Какого черта я забираюсь не пойми куда, в то время как мои желания связаны с противоположным – возвращением домой к теплу и удобствам.

- Да подожди ты, - не выдержал я и схватил спутника за рукав.

Павел остановился и с недоумением уставился на меня. Однако вместо того, чтобы выслушать, он, как ни в чем не бывало, заговорил сам.

- Хотел бы такой фонарик, как у меня?

Я перевел взгляд на брелок, который Павел приподнял, чтобы мне было удобнее его рассмотреть.

- На батарейках? – спросил я.

Павел усмехнулся.

- Не на батарейках. Фонарик работает на энергии соударений ключей друг о друга. Это на самом деле, не совсем фонарик, это брелок. Видишь? К нему цепляются ключи. Количество ключей не имеет значения, важно только, чтобы их было не меньше двух. Ключи ударяются друг о друга, и энергия поступает в накопитель внутри брелка, а уже из накопителя в лампочку. Сейчас она светит голубым, но может еще розовым, желтым и дневным. Это зависит от материала, из которого сделаны ключи. Но я еще не успел проверить, пока устраивает голубой.

Павел протянул брелок, чтобы я и сам рассмотрел, но я отказался. Пальцы едва шевелились от мороза, я боялся выронить брелок из рук.

Я проснулся, будто вывалился из чьей-то смердящей пасти. Жуткий сон, пронзительно реалистичный, яркими вспышками проявлялся в сознании, увиденные образы все еще маячили перед глазами.

Мне снилось, что я смотрел по телевизору юмористическую передачу, где два актера изображали азиатов-гастарбайтеров. Один из них аккомпанировал на длинном музыкальном инструменте с одной или двумя струнами, оба тянули заунывную национальную песню.

Я случайно облокотился на пульт и переключил телевизор на другой канал. После чего стал щелкать по кнопкам, чтобы вернуться к старой передаче, но никак не мог ее найти.

Наконец мне попало что-то похожее. Два азиата сидели на бетонных ступеньках у закрытой металлической двери и тянули национальную песню. Выглядело не совсем так, как раньше, но я не придал этому значения.

Секунд через десять добавился закадровый голос, который рассказывал о непростой жизни иммигрантов. На азиатах была оранжевая униформа муниципальных работников, но очень уж грязная и поношенная. Судя по всему, они давно потеряли работу и стали бездомными.

Закадровый голос перечислял доходы и расходы гастарбайтеров, когда у одного из них - того, что только пел - появилась в руках ножовка. Не прекращая заунывного воя, азиат крепко ухватил ножовку обеими руками и несколькими движениями отпилил себе ногу чуть ниже колена.

Ножовка двигалась не рывками, действие выглядело почти обыденным из-за полной гармонии с музыкой, которую исполнял второй азиат. Во сне музыка имела первоочередное значение, все остальное строилось на ней.

Лицо азиата было искажено болью. Он достал стеклянную банку, зачерпнул из нее что-то светлое и стал намазывать на рану. Сцена снималась одним кадром без движений камеры, рану не показали крупным планом.

Но я все равно смог ее разглядеть – гниющая плоть, ошметки грязно-красного мяса, покрытые сероватой кровью, костей не было видно. Все это азиат покрывал светлой мазью под несмолкаемый национальный вой.

Закадровый голос пояснял происходящее. Лишившиеся работы иммигранты добровольно ампутируют себе конечности, чтобы экономить на питании. Светлая субстанция, которой азиат обмазал рану, называлась заживляющей мазью. Ее иммигранты изготавливали сами.

Гастарбайтер провел ладонью по горлышку банки, чтобы оставшаяся мазь осела внутрь, закрутил крышку и пополз по асфальтовой дороге к гаражам, среди которых скрылся.

В кадре остался только его товарищ, продолжавший дергать струны и петь. Когда он с обреченным выражением на лице, го-

товый к любым лишениям, отложил музыкальный инструмент и взял ножовку, я проснулся.

Вера лежала рядом с открытыми глазами, она не спала. Я немного приподнялся, девушка повернулась ко мне.

- Ты проснулся? – спросила она, затем накрылась одеялом. - Я не смогла почистить зубы.

- Почему? – удивился я.

- Из-за лампочки.

Я вспомнил. Вчера в ванной перегорела лампочка. Я обещал ее заменить, но не смог выкрутить. Лампочка, как это иногда называют, пригорела. Я подступался к ней несколько раз со стулом и без стула, но все тщетно – лампочка не поддавалась.

Дело, конечно, не столько в лампочке, сколько во мне. Я боялся, что она треснет у меня в руках, стоит сжать чуть сильнее. Поэтому крутил я, можно сказать, не прикладывая вообще никаких усилий, опасаясь худшего. Лампочка должна была не только расколоться и засесть в ладони сотней мелких осколков, вдобавок я непременно задел бы пальцами контакты и получил смертельный разряд током.

Я всегда опасался голого электричества и старался не ввязываться в ситуации, где оно могло выскользнуть на свободу.

- Павел ждет тебя в кухне, - сказала Вера уже с закрытыми глазами.

- Павел?

Я попытался ухватиться за смутное воспоминание о вчерашнем дне... Почему Павел и почему ждет в кухне? Но ничего не получилось, воспоминание легко выскользнуло.

- Пожалуйста, не мешай мне, - сказала подруга, – я сплю. – И повернулась на бок.

Я поднялся с кровати, оделся и вышел из комнаты. Павел, мой бывший однокурсник, и правда, ждал за кухонным столом. Неужели он так и сидел здесь, пока я спал?

- Привет, - поздоровался я.

- Привет, - повторил за мной приятель.

Меня теребило незнание. Зачем он здесь? Как вообще оказался у меня дома?

- Вечер уже, - сказал Павел, подняв глаза на кухонные часы.

- Это неправильные часы.

Однокурсник достал из кармана сотовый телефон, взглянул на экран, затем снова на часы и еще раз на экран.

- На десять минут спешат.

Тогда я и сам посмотрел на часы, они показывали без пяти восемь. Значит, сейчас девятнадцать сорок пять.

- Идем? - неуверенно спросил Павел и поднялся со стула.

- Идем, - повторил я и кивнул головой для убедительности.

Необычно было следовать за Павлом вслепую. Я имею в виду, не подозревая, ни о чем мы договорились, ни цели нашего перемещения. Тем не менее, все происходило совершенно естественно. Или наоборот неестественно. Однокурсник прекрасно ориентировался и уверенно вел нас к метро.

Казалось, вчера мы обо всем договорились, но разговор выпал у меня из памяти. А ведь достаточно было всего лишь поинтересоваться, куда мы направляемся. Но я упустил подходящий момент, и теперь стало поздно.

По дороге нам попался забавный старичок с собачкой. Хоть собака и была на поводке, хозяин нависал над ней, причем с растопыренными руками, чтобы в любой момент можно было дотронуться до боков животного.

Старик, не отрываясь, с застывшим восторгом на лице наблюдал за псом. Как будто это была их первая совместная прогулка, и хозяин едва удерживался от вопроса:

- Ну как, дружок, тебе нравится на улице?

Мы прошли мимо этой странной пары. Старичок даже не взглянул на нас, слишком он был занят своим спутником. Но он и меня заразил восторгом. Я остановился, чтобы понаблюдать за ними хотя бы еще несколько секунд.

Старичок это заметил и немного смутился. Он выпрямился и пошел дальше, обогнав собаку, которая последовала за ним, но не стала обгонять. Старичок сам к ней обернулся. Он так и шел вполоборота, переводя взгляд с пса на меня и обратно.

Когда старичок понял, что я просто наблюдаю, да еще и молча, он утратил ко мне интерес и снова сконцентрировался на собачке. Несколько метров по инерции прошел вполоборота, а потом остановился, дал псу обогнать себя и вернулся в прежнее положение – наклонился и вытянул руки вдоль туловища собаки.

Скоро пара удалилась и исчезла из поля видимости.

- Идем, - поторопил меня Павел, все это время безмолвно ждавший.

В метро я вспомнил совершенно нелепую историю, контрастирующую с теперешней ситуацией, вернее, моей ролью. Мы учились тогда в институте и возвращались после какого-то веселья с севера города. Павел хотел уже ехать домой, но я предложил продолжить. Поезд двигался по красной линии, на которой жил Павел, а я хотел пересест на серую.

И вот, на пересадочной станции я заявил спутнику, что пора выходить. Павел замялся и повторил, что не хочет продолжать. Он не отказывался категорически, скорее сообщал о предпочтении.

Я остался в вагоне, рассчитывая переубедить приятеля. Через станцию мы могли бы пересест на кольцевую линию и по ней добраться до серой. Но не после – ниже кольцевой пересадок больше не имелось.

Мне легко удалось переубедить Павла, по крайней мере, добиться его согласия пересест на серую линию. Но когда мы оказались на пересечении с кольцом, и я двинулся к выходу, Павел остался стоять. Я обернулся, приятель посмотрел на меня затравленным взглядом и едва слышно попросил:

- Давай проедем еще... хотя бы одну остановочку.

От неожиданности я не знал как себя вести. Двери закрылись, и мы поехали дальше.

- Какой абсурд, - вопил я про себя. - Просто невообразимо! детский лепет! - Я не мог поверить, что взрослый человек, почти выпускник института, способен использовать такую отговорку.

Теперь я ощущал себя в схожей ситуации, но мы поменялись ролями. Павел сопровождал меня в поездке ни смысла, ни цели которой я не знал, мог только догадываться. Мне все время хотелось отказаться от поездки, но я не знал, ни куда мы едем, ни о чем договорились вчера. Все это очень глупо.

Стоит упомянуть одну деталь, о которой я умолчал. Перед выходом из дома, я решил поменять носовой платок. Старый платок я бросил в мешок для грязного белья, но вот чистый не смог найти – в шкафу, где они обычно лежали, ни одного платка не оказалось.

Точнее, ни одного чистого. Один грязный я все-таки нашел. Им оказался платок моей подруги, Веры, я моментально опреде-

лил это по крохотным засохшим козявкам – мои засыхают совершенно по-другому.

Времени не было, Павел уже ждал в дверях, пришлось взять грязный платок Веры. Его-то я и достал, пока ехали в метро.

- А ты знаешь, чей это платок? – спросил я Павла, высморкавшись.

- Чей?

- Это платок Веры.

Бывший однокурсник кивнул, после чего достал из кармана несколько платков, один другого грязней.

- Я тоже ношу с собой чужие платки, - признался он, улыбаясь.

Приятель стал вытаскивать из общей массы платки по одному и называть владельцев.

- Но зачем ты их с собой носишь? – удивился я.

Павел снова улыбнулся, еще больше смутившись, и стал запихивать платки обратно в карман. Один при этом упал на пол. Однокурсник поднял его и, поднимаясь, сказал:

- Это, кстати, платок Алексея.

Я сразу понял, о ком речь. Интуиция в таких случаях меня редко подводит. Алексей был нашим однокурсником, входил в общую компанию. Я не виделся с ним после получения диплома, приятно было взглянуть хотя бы на его носовой платок.

- Как он к тебе попал? – спросил я.

Павел не убрал платок вместе с остальными, оставил на виду, словно иллюстрируя свой ответ. Оказывается, они, Павел и Алексей, до сих пор поддерживали отношения. Чаще всего приятели встречались на реках – ходили в походы на байдарках. После одной из таких встреч Павел и прикарманил чужой платок.

Разумеется, мой спутник обошел вниманием скользкий момент. По его словам платок совершенно случайно оказался в его вещах. Допустим. Но как тогда быть с остальными платками, он ведь пять или шесть штук из кармана доставал. Еще неизвестно, сколько платков в других карманах. А дома? Наверняка основную часть коллекции Павел хранил дома – не таскаться же со всем этим бараклом.

Приятель молчал, похоже, даже немного обиделся. Наверно, он ждал большего воодушевления, а я не выразил ни капли восхищения его коллекцией. Но я ничего не мог с собой поделать.

Мне и тогда казалось и сейчас кажется все это довольно омерзительным – носиться с чужими носовыми платками. Ладно еще вытереть нос платком своей девушки, но коллекционировать все подряд – это уже слишком.

Тем не менее, через пару минут молчания я уже считал себя неправым. Ведь Павел – невероятно скромный и застенчивый юноша, наверно, самый скромный и застенчивый из всех моих знакомых. И несмотря на это, открыл мне тайну - продемонстрировал коллекцию. А я почти насильно рассовал эти несчастные грязные платки по его карманам, наплевав на чувства приятеля.

Я украдкой взглянул на Павла. Он смотрел на свое отражение в стекле напротив. Неожиданно однокурсник повернулся и заговорил:

- Есть невероятно стеснительные люди. Допустим... такой человек едет в метро и замечает, что у него расстегнута верхняя пуговица на рубашке. С его точки зрения это никуда не годится. Он знает, как уродливо выглядит шея, не скрытая воротничком, бедолага после такой метаморфозы превращается в урод. А дело-то всего лишь в одной пуговице. Этому человеку следовало бы просто застегнуть рубашку, но он не может. Бедняга парализован стеснительностью и вниманием, с которым другие пассажиры разглядывают его. Так ему, по крайней мере, кажется. Стеснительный человек считает, что все взгляды устремлены на его оголенную шею. Люди едва удерживаются от смеха, так карикатурно она выглядит. Хотя этот человек и других пассажиров не видит. Как он не может себе позволить застегнуть верхнюю пуговицу, так же он не в состоянии посмотреть на других людей. Он занят исключительно собой, вернее, этой единственной пуговицей, расстегнувшейся в самый неподходящий момент, когда он выбрался на люди. Бедолага стоит, ни жив ни мертв, разглядывая свое отражение в стекле напротив. Он знает свой облик наизусть, но это единственное, чем он способен заниматься в вагоне. Нельзя даже закрыть глаза, потому что это вызовет скандал: мало того что пуговица расстегнута, еще и зажмурился. Сил хватает только на то, чтобы выйти из вагона на своей остановке. Изъять себя из одного ада и поместить в другой, точно такой же. Там снова незнакомые люди, пуговица, так и оставшаяся расстегнутой, духота, повсюду чужое внимание, взгляды, ослепительный свет и смерть от удушья.

Павел дернулся к двери.

- Выходим, - крикнул он, обернувшись.

И я вслед за ним выскочил на платформу.

Павел привез меня к институту. Мы молча поднялись на улицу. Молча прошли к главному зданию. И вскоре оказались внутри.

Что было после?.. Здесь я теряюсь, перехожу на другой ма-
нер: бормотание, шепот... Слишком все это...

Слишком уж события принимают невразумительный... ирре-
альный характер. Они лишены какого-либо смысла, даже его по-
добия. Ни капли достоверности. Это уже не действительность, а
скорее сновидение или галлюцинация. Что-то в этом роде.

Фантазмагория... Я сразу предупреждаю, последует не пове-
ствование, а черт знает что, но рассказывать намерен точно так,
как запомнил. В полном соответствии с ходом событий.

Все-таки я продолжу.

Мы долго бродили по пустым коридорам. Почти в крошеч-
ной темени: нигде не горело света, ни единой лампочки. Продви-
гались по памяти... на ощупь... А ведь уже сколько лет прошло с
нашего окончания.

Пока Павел не достал брелок с фонариком. Тот же слабый
синеватый свет, я его сразу узнал. С фонариком стало намного
проще.

Мы проникли в лекционную аудиторию. Обычно их закры-
вают после занятий, но эта осталась открытой, нам повезло. По-
ставили друг на друга несколько парт. Хотели уже уходить, но в
дверях я остановился и вернулся к партам. Собирался залезть на
самый верх, но ничего не вышло. Только расшатал конструкцию.
Парты с грохотом попадали вниз, чудом не задев меня.

В самом деле... я несколько не пострадал. Какое-то опьяне-
ние, безрассудство охватило нас. Я запрыгнул на столешницу в
нижнем ряду и поскакал наверх, перепрыгивая через пустоты.
Мое приключение продлилось недолго из-за нелепой ошибки. Я
упал, вонзившись пахом в деревянный угол.

Нестерпимая боль. Показалось, еще немного и я потеряю
сознание. Но этого не произошло. Послышалось хихиканье одно-
курсника. Он так и остался в самом низу, ждал меня у дверей, и
смеялся, подсвечивая свою физиономию. Негромко, но я слышал.

Павел все хихикал, когда я поднялся на ноги и спустился к нему. На лбу выступил пот, но в темноте его не было видно. Никто на мое блестящее лицо не обратил внимания.

Мы покинули аудиторию и еще долго шлялись по коридорам. Ни одной души не осталось, никто не мог нас остановить.

Ощущение свободы переполняло меня, захотелось даже разбить кафедраальный стенд. Что я тут же и сделал. Поднял над головой небольшой стол и швырнул. Павел снова расхохотался. Посыпались стекла, было много шума. И все равно никто не явился, ни один человек не заинтересовался нашим присутствием.

Тогда мы выломали дверцы шкафов, они запирались на ключ. Внутри аккуратно стояли книги. Мы стали вываливать их прямо на пол. В полной темноте (мой спутник время от времени тушил фонарик, давая отдохнуть батарейке) топтали их ботинками. Нам это страшно нравилось. Павел хохотал так, что едва удерживался на ногах. И я тоже громко смеялся.

Затем однокурсник снова зажег фонарик и осветил под ноги. Мы решили посмотреть, что осталось от книг. Часть оказалась очень ценной. По крайней мере, нам так показалось. Но все они, точнее, большая часть, были совершенно уничтожены. Покопавшись, нам все же удалось выудить несколько почти целых томов.

Спасенные книги мы убрали ко мне в рюкзак и карманы Павла.

- Сейчас-то нас и поймают, - сказал однокурсник.

Потому что мы были набиты ценными книгами. О том, что повсюду разбиты стенды, сломаны парты, мы даже не задумывались.

Решили заканчивать и пробираться к выходу. Послonyaвшись по темному этажу (у фонарика все-таки села батарейка), наткнулись на лестницу. Лестничный пролет... единственный освещенный в многоэтажном здании.

От такой удачи нас снова обуяло веселье, нас почти трясло. Хватаясь друг за друга, мы стремглав понеслись вниз. На каждом этаже открывали пожарные шкафчики, доставали огнетушители и все вокруг заливали пеной.

Один огнетушитель оказался неработающим, мы скинули его вниз. Он пролетел несколько этажей между перилами, ударился о ступеньки и залился пеной.

Кто-нибудь мог услышать шум, поэтому мы убрались с лестницы. Зашли на этаж. Здесь было посветлее, чем наверху, но все равно темно. Повсюду возвышались каменные глыбы, экспонаты, вероятно, чем-то интересные науке.

Но не нам. Пару массивных глыб мы свалили с тумб, на которых они стояли. Ни шума, ни осколков не было, поэтому нам показалось это мало забавным, и мы не стали продолжать.

Вернулись на лестницу и спустились на первый этаж. В холле я спохватился, что охранник может осмотреть мой рюкзак. Представил, что он уже знает о бесчинствах, устроенных наверху, и поэтому проверяет у всех рюкзаки – ищет ворованные раритеты.

Я вытащил книги и, проходя мимо охраны, нес их в руках. Это сработало, как мне тогда показалось, потому что охранник даже не посмотрел в нашу сторону. Никто не помешал нам выйти на улицу.

- Так и не поймали, - ликовал Павел.

- Не поймали, - согласился я.

Затем мы направились в сторону метро. Откуда-то издалека послышались вопли. Кто-то кричал. Все кричал, кричал, никак не мог успокоиться. Что-то неразборчивое. Алкогольный... Или как-то иначе. Голономный... Он кричал и кричал без остановок.

- Алкогольный... Голономный... Алкогольный... Голономный... Алкогольный... Голономный... Алкогольный... Голономный... Голономный...

К нам приближалась женщина. Мне она была не знакома, однако я сразу догадался, что женщина повлияет на дальнейшие события. Что-то выдавало в ней причастность к нашей компании. Черты лица, выражение, походка... нечто неуловимое.

Я не ошибся: женщина оказалась мамой Павла. Она шла нам навстречу, потому что Павел заранее договорился встретиться с ней у метро, мама должна была ждать его после института.

Мы поздоровались. Поздоровались... - это очень условно. Приятель даже не представил меня, а женщина лишь кивнула, мельком взглянув в мою сторону. После этого мы все вместе отправились к метро.

В вагоне я стал свидетелем неприятного инцидента. Молодой человек у дверей, по виду студент, несколько минут копался в

бумажнике. А когда двери открылись, и он готов был уже шагнуть на платформу, из бумажника выскочила пластиковая карточка. Она упала сначала на пол, потом отскочила в щель между вагоном и платформой. Студент замер, упершись взглядом в пол. Но быстро сообразил, что другие пассажиры не позволят ему так стоять, придется выйти.

Было интересно, как поступит молодой человек, что он примет. Вопреки моим ожиданиям, он не стал задерживаться на платформе, а спешно прошел в глубь станции к эскалаторам. Через несколько секунд студент скрылся за мраморной стеной и больше не показывался.

На следующей станции вышли и мы: Павел, его мама и я.

Прогулка домой заняла массу времени - минут сорок, не меньше. Сначала по парку, потом через гаражи, по огромному пустырю, заваленному мусором. В какой-то момент мы оказались среди одноэтажных сельских построек, кривых сараев, повалившихся заборов, чего-то очень ветхого, заброшенного.

Наконец мы попали в обычный микрорайон на окраине города. Проходя мимо церкви, Павел отвернулся в сторону, неестественно скрючился. Так, что я не сразу понял, чем он занимался.

Обогнав приятеля, я увидел - он крестился. Павел водил рукой с собранными щепоткой пальцами ото лба к животу, а потом от одного плеча к другому и шептал, но я не разобрал ни слова.

После ритуала он затравленно улыбнулся мне и произнес что-то очень невнятно. Я не успел переспросить, потому что нас окликнула мама Павла. Она хотела, чтобы мы подошли с ней к ларьку.

Было, наверно, уже за полночь. Витрина одинокого ларька освещала прямоугольный кусочек асфальта. Этого кусочка как раз хватило, чтобы мы уместились на нем вдвоем.

Мама Павла заинтересовалась бананами, здесь их продавали по двадцать рублей. В окошке громоздились связки спелых бананов.

Женщина наклонилась и спросила, действительно ли они по двадцать рублей. Сразу после ее реплики из глубины ларька вылезла рука и задвинула окошко. Наверно, они закрылись, подумал я.

Но дело было в другом. На окошке висел ценник "Бананы 30 рублей" заметный, только когда оно закрыто. Но стоило открыть окошко...

Ценник "Бананы 20 рублей", расположенный под окошком, относился к другим бананам, лежащим внизу витрины, почти у самой земли. Это были совсем другие фрукты – переспелые, разбухшие, почти черные от гнилья. Вот их-то и продавали по двадцать рублей.

- Будьте добры, небольшую связку бананов, трех-четыре достаточно, - попросила мама Павла.

- Каких: по двадцать или тридцать? – уточнили в ларьке.

- По тридцать, пожалуйста.

Руки закопошились, принялись передвигать связки бананов, потом взвешивать, подсчитывать на калькуляторе. В конце концов, из окошка выскочили четыре банана, которые мама Павла едва поймала. Она разделила их на две пары и отдала нам, каждому по два.

Мы как раз съели по банану и приступили ко второму, когда заметили идущую навстречу нам группу людей. Компания подошла ближе, и мы увидели, что это три молодых человека, младшему из которых было лет десять, а старший – наш ровесник, с ними девушка лет восемнадцати и мужчина.

- Кто это? – спросила мама Павла, она была слегка подслеповата и успела снять очки.

Ее сын, тоже плохо видящий, но в очках, взялся за душку, расположив линзы оптимальным образом, и через секунду ответил:

- Это наши.

Я не сразу понял, что он имел виду. Только после некоторого уточнения.

- Наши и с ними Алексей.

Действительно, хоть я и видел лучше Павла, но не обратил внимания, что среди приближавшихся был и Алексей, наш одноклассник.

Мама Павла с облегчением вздохнула.

- Я попросила встретить нас, а то уже слишком поздно, - сказала она. – Вот они нас и встречают.

Все, кроме отца Павла, ели бананы. Прямо как мы, но с небольшой разницей. У двух братьев и сестры Павла были бананы

по тридцать рублей, а у Алексея по двадцать: кожа полностью черная, мякоть настолько размякла, что молодой человек, дабы она не отвалилась, придерживал ее второй рукой.

У Павла нас покормили. Едва попав в квартиру, вся семья отправилась на кухню. Поужинать пригласили и меня с Алексеем. Разложили тарелки, еду, вилки, хлеб. Приступили.

Что-то мешало мне сосредоточиться на еде, постоянно отвлекало. Поэтому я закончил позже всех, когда за столом уже никого не было, и мама Павла, единственная оставшаяся со мной на кухне, мыла посуду, терзая нелепыми родительскими вопросами.

Ее интересовало, все ли у нас получается: у меня, Алексея и, разумеется, ее сына. Я, как мог, поддерживал этот бессмысленный разговор в ущерб собственным размышлениям и еде.

В конце концов, не выдержав однообразных вялых ответов, женщина выхватила у меня тарелку, смахнула остатки еды в мусор и сунула под струю воды.

- Ну вот и все, - сказала она, улыбаясь и убирая тарелку в шкафчик. - Спокойной ночи.

Мама Павла направилась к выходу.

- Спокойной ночи, - бросил я вслед, вылезая из-за стола. - И слишком поздно, когда она уже зашла в спальню: - Спасибо за ужин.

Сначала решил вымыть руки, во время еды я вымазал их чем-то липким. А сразу после этого отправился в комнату Павла.

Приятель сидел в кресле. Напротив него, прямо на полу, расположился Алексей, который читал по тетради.

- ...или кардинальным числом множества M мы называем то общее понятие, что получается при помощи нашей активной мыслительной способности из M , когда мы абстрагируемся от качества его различных элементов m и от порядка их задания...

Я вспомнил, что, вытерев руки, оставил полотенце на раковине, и решил повесить его на крючок. Когда я вернулся, Алексей продолжал:

- ...так как из каждого отдельного элемента m , когда мы отвлекаемся от качества, получается некая "единица", то само кардинальное число оказывается множеством, образованным исключительно из единиц, которое существует как интеллектуальный образ или как проекция заданного множества M в наш разум.

Я не испытывал никакого желания вслушиваться в абстрактную белиберду. Хотелось выспаться, более того, это было необходимо, ведь на следующий день мы сдавали государственный экзамен, последний перед дипломом.

Мои однокурсники, наверно, решили освоить перед сном конспект по теории множеств, науке, которую мы изучали давным-давно, чуть ли не на первом курсе. Она осталась в памяти древним ископаемым, абсолютно бесполезным, но невероятно ценным в музейном отношении.

В комнате стояло два кресла-кровати. Одно уже разложенное с застеленной постелью, на него я и лег. Второе, еще не разложенное, занимал Павел.

Я неоднократно ночевал здесь и знал, что в независимости от количества гостей, кресел всегда только два. Этим и объяснялась моя прозорливость. Хозяин комнаты тоже не случайно занял кресло. А вот Алексею придется ночевать прямо на полу.

В памяти всплыл гнилой банан, который он ел на улице. Губы сами собой растянулись в улыбке. Все же было немного жаль приятеля: неликвидный банан по двадцать рублей, теперь еще ночь, которую предстоит провести на полу. Но помочь ему я был не в силах – медленно, но неотвратимо я проваливался в сон.

Тяжелый нервный предэкзаменационный сон.

Кажется, ночью я поднимался в туалет. Невразумительное расплывающееся воспоминание... Стоило выйти из туалета, как в коридоре появилась мама Павла. Сонная, в одной ночной рубашке, не открывая глаз, она пробиралась на ощупь.

Возвращаясь в комнату, я почему-то задержался и на долю секунды дольше не скрывался за углом, поэтому увидел, как женщина зашла в темный туалет (не стала включать свет) и, не дождавшись закрытия двери, приподняла подол ночной рубашки, оголив бедра, лобок и верх живота.

Я оказался перед выбором: остаться или вернуться в комнату, чтобы выспаться перед важным экзаменом. Но на этом воспоминание обрывается, скорее всего, я выбрал второе.

Сквозь сон я слышал, как Алексей формулировал теорему Кантора о том, что никакое множество не равномощно множеству всех своих подмножеств. После он воспроизводил доказательство, в котором не смог до конца разобраться.

- Пусть у нас есть взаимно однозначное соответствие между X и множеством $P(X)$ всех подмножеств множества X , - говорил Алексей. – Рассмотрим те элементы X , которые не принадлежат соответствующему им подмножеству. Пусть Z – образованное ими множество. Но множество Z не соответствует никакому элементу множества X . Пусть это не так и Z соответствует некоему z из X . Тогда...

Временами я проваливался в сон чуть глубже и терял нить повествования, затем снова слышал голоса однокурсников.

- Но если нет таких элементов, - распалился Алексей, - которые не принадлежат соответствующему им подмножеству? Так хитро задано соответствие, что каждый элемент отображается в некое подмножество X , которое его содержит.

- Такого не может быть, - пытался успокоить его Павел.

- Но почему?..

Оба замолчали или я перестал их слышать. Вклинился фрагмент сна, происходящий в другом месте, с другими людьми.

- ...пустому множеству не соответствует ни один элемент X , содержащийся в нем, - заключил Павел.

Алексей начал что-то бормотать в ответ, но уже через несколько реплик вынужден был согласиться. Действительно, все дело в пустом множестве.

В семь часов нас разбудил папа Павла. Алексей спал на полу, а кресло-кровать нашего приятеля пустовало. Мы спросили, где же он. Оказалось, Павел пошел с мамой в парикмахерскую, ему давно следовало подстричься, но все не хватало времени, пока не дотянули до последнего, когда пришлось стричься перед самым экзаменом.

В кухне нас ждал омлет и какао с печеньем. Мы ели вместе с братьями и сестрой Павла. Станный это был завтрак – в полной тишине, никто не проронил ни слова. Чувствовалось напряжение перед экзаменом. Думаю, родственники нашего приятеля нервничали даже больше нас.

- Ну что ж, ни пуха, ни пера вам, ребята, - пожелал нам папа Павла, убирая посуду. – Следите за временем, пора выходить. Проводить вас до остановки?

Мы замаялись, не знали, что ответить. Не хотелось навязываться, и без того с нами много возились. Но тут Алексей что-то

вспомнил. Когда мужчина отвернулся к раковине, он шепотом, мне на ухо, спросил, есть ли у меня деньги на дорогу.

- Нет, - шепнул я. – Вчера за меня платила мама Павла.

- И у меня нет.

Мы никак не уходили из кухни, поэтому папа Павла спросил, не нужно ли нам что-нибудь еще.

- Да, - сказал я, но после этого замолчал, не зная, как продолжить.

Мужчина секунд пять вопросительно смотрел, потом перевел взгляд на Алексея.

- У нас нет денег, - признался приятель. – Не знаем, как доберемся до института.

Деньги мы получили, даже больше необходимого. Папа Павла сказал, чтобы мы перекусили после экзамена. Поблагодарив его, попрощавшись со всеми, мы стали уходить.

- Ни пуха, ни пера, - кричали нам вдогонку брата Павла.

- Главное, не волнуйтесь.

- Держитесь уверенно, и все будет в порядке.

- Помните, что это не последняя попытка.

Наконец подъехал лифт и увез нас вниз.

У автобусной остановки Алексей купил мороженое, которое потом ел в автобусе. Когда мы уже подъезжали к метро, мороженое совсем растаяло и капало ему на брюки.

- Потом вытру, - сказал приятель. – Доем и вытру.

С мороженым он расправился, стоило автобусу остановиться, секунда в секунду. Запихал скомканную обертку за сиденье, а на улице принялся рыскать по карманам, но безуспешно.

- Платка нигде нет, - констатировал Алексей. – Может, свой дашь?

- Я знаю, где твой платок, - сказал я, ухмыляясь.

- Где?

- У Павла.

- У Павла? – удивился Алексей.

- Да, у Павла. Он их собирает. У него уже целая коллекция. Я вчера ее рассматривал.

- Ну, так дашь свой платок-то? Смотри, уже почти впиталось все, потом не отстираешь.

- А у меня нет, - сказал я.

- Носового платка с собой не носишь?

- Ношу, но это не мой. – Я достал платок Веры. – Мой сейчас в стирке.

Однокурсник взял платок, но не сразу пустил в ход, решил сначала рассмотреть.

- Что-то уж очень грязный, - неуверенно заявил он. – Это что, сопли?

- Козьявки, - пояснил я. – Они давно засохли.

Алексей раз три провел платком по штанине, размазав липкую жидкость. К тому моменту она почти вся впиталась, но чуть-чуть все-таки оставалось.

- Ладно, спасибо, - сказал Алексей, возвращая платок.

- Пожалуйста, - сказал я, засовывая влажный платок в карман.

В метро мы зашли один за другим - по одному жетону. Неплохо сэкономили. Жалко, с нами не было Павла, так бы сэкономили еще больше, пройдя втроем.

Ехали недолго. Поднялись на улицу. Алексей хотел купить еще мороженого, сказал, что почти половина старого растаяла и впиталась в штаны, но время поджимало, нужно было спешить в институт.

У главного здания на пригорке мы увидели спящего бездомного. Пригорок был огорожен от дороги невысоким заборчиком. Облокотившись на этот заборчик, стояли люди и кричали, как будто звали кого-то.

Подойдя ближе, мы смогли разобраться. На пригорке вертелся щенок. Привязанный к бездомному, он не мог отойти дальше, чем на метр. Но остановившиеся прохожие, похоже, этого не видели, и звали щенка, который скулил, натягивал поводок, но не приближался к ограде.

Прохожие жаждали покормить щенка и демонстрировали еду. Самую разную: от булочек с изюмом до копченого карбоната. Скорее всего, делились собственными завтраками, захваченными на работу.

С другого конца к пригорку приближалась старуха. Причем старуха, показавшаяся мне знакомой. Знакомство вертелось в памяти, но я никак не мог его выудить, ухватиться. Наконец мне это удалось.

Это была та самая старуха, будто из другой жизни, которую я увидел, возвращаясь домой ночью. Она перебежала мне дорогу и

ринулась в лес. Я даже отправился искать ее. А после мы уже вместе с Павлом искали старуху с помощью фонарика, который потом перегорел.

Старуха подошла к бездомному, она принесла ту самую дорожную сумку и рюкзак, с которыми я увидел ее впервые. Поставила сумку на землю, рядом рюкзак. Сама осталась стоять.

- Какая сволочь, - выругался Алексей, - сам дрыхнет, а собачка из-за него даже поесть не может.

Приятель поднял с земли небольшой камень и швырнул в спящего. Камень попал в рюкзак, старуха сразу начала кричать.

- Да что ты нам сделаешь? – крикнул в ответ Алексей.

Он моментально забыл о своих мотивах и теперь веселился, осознавая неуязвимость перед неуклюжей старухой. Меня удивило, что Алексей нас обоих включил в противостояние с ней.

Тем временем проснулся спящий. И кто же это оказался? Тот самый старичок, за которым я наблюдал вчера на подходе к метро. Это, в самом деле, был он. А щенок... Я только теперь разглядел, что рядом крутился не щенок, а взрослая небольшого размера собака, та же самая, что я видел тогда со старичком.

Однокурсник переругивался с бездомными, подстрекая их к действиям. Но те не двигались с места, предпочитая угрозы. Алексей опустил голову, скользнул взглядом по земле в поисках еще одного камня. Ну все, хватит, решил я и дернул его за плечо.

- Ты что забыл - у нас экзамен с минуты на минуту?

Однокурсник моментально опомнился.

- Сколько времени? – спросил он.

- Не знаю, я без часов.

Алексей поинтересовался у прохожего. Без десяти девять. Еще успеваем, но придется поторопиться. Не моргнув глазом, мы бросили щенка, бездомных и доброхотов у ограды. Всю эту бессмысленно-притягательную возню с кормежкой собаки. К черту все это. Нас ждал экзамен.

Экзамен! Важнейший в жизни!

В холле на первом этаже мы встретились с Павлом. Его неудачно подстригли, поэтому приятель немного смущался.

Тыча в него пальцем, Алексей хохотал. Павел, в свою очередь, заметил пятна мороженого на его брюках, которые к тому моменту подсохли и заметно выделялись. Так что Алексею при-

шлось попридержаться насмешки, но полностью он от них не отказался.

- На каком этаже экзамен? – спросил я.

- Не знаю, - сказал Павел. - Нужно к расписанию подниматься.

В лифте я встретился со своим научным руководителем.

- Как ваше настроение? – поинтересовался он.

- Прекрасно, - сказал я.

- Это хорошо. Думаю, проблем у нас сегодня не возникнет.

Неприятно укололо это его "у нас". Даже не тем, что я давно не ребенок, про которого мама может сказать, "у нас высыпал диатез", хотя и этим тоже. Я насторожился главным образом из-за того, что вообще встретил научного руководителя. Он редко приходил в главное здание, так как работал в другом корпусе.

Но сегодня он все-таки оказался здесь – в лифте вместе со мной и еще несколькими студентами.

- Вы довели все до конца? – поинтересовался руководитель. – Как я и говорил? Аккуратно? Все сошлось? Поправили в первой главе нестыковки, а?

Я посмотрел на приятелей. При преподавателе они держались как обычно, в рамках пристойности. Я не заметил в них ни-чуть-ничуть замешательства.

Но сам-то я был совершенно обескуражен. Ведь я готовился к сдаче государственного экзамена, а не диплома, который, как мне казалось, должны были сдавать только через месяц. Тем не менее, раз руководитель здесь, в лифте, значит сегодня сдача диплома.

Но это невозможно! Это трагедия! Катастрофа! Это вообще не пойми что такое!

- Покажите ваш диплом, - попросил руководитель.

Наверно, он догадался, что не все в порядке, по слишком долгому моему молчанию, игнорированию его реплик. Я поставил на пол рюкзак, расстегнул молнию. Сверху лежали толстые книги, которые мы вчера украли. А под ними, слава богу, я не забыл, скрученная распечатка дипломной работы. Я перевел дух.

Лифт остановился, двери разъехались в стороны. Руководитель, не успев открыть распечатку, вернул ее обратно.

- Ладно, - сказал он, - мне сейчас еще в одно место нужно за-
скочить. Встретимся на защите. Надеюсь, все у вас там нормаль-
но, - кивнул на распечатку. - Ни пуха, ни пера.

И через пару мгновений скрылся за углом. Я остался с при-
ятелями.

- А у вас дипломные работы с собой? – спросил я.

- Разумеется, - сказал Алексей, вода наслюнявленной ладо-
нью по штанине, он безуспешно пытался избавиться от пятен.

Павел ограничился кивком. Его, как и меня, кое-что отвлека-
ло от защиты, а именно неудачная стрижка. Юноша вслепую за-
чесывал волосы на разный манер, нисколько не облагораживая
внешнего вида.

Мы подошли к аудитории, в которой должно было все слу-
читься. Однокурсники стояли кучками по три-четыре человека.
Переговаривались, кто-то время от времени нервно посмеивал-
ся. Несколько преподавателей курили в коридоре, даже не выйдя
на лестничную площадку.

Из аудитории показался толстый бородатый профессор.

- Начинаем, - объявил он.

В просторной аудитории стояла всего одна парта – у доски.
Вдоль трех стен тянулись низкие лавки, как в школьном спортза-
ле. Студенты садились на лавки, причем плотно прижимаясь друг
к другу, чтобы все поместились.

Я наугад открыл дипломную работу и обнаружил внутри
невразумительные тетрадные листочки с черновыми записями.
Неужели я оставил работу дома и по ошибке взял черновики? Да
и была ли вообще работа?

Я не помнил. Вроде, мне удалось почти все довести до кон-
ца... Но успел ли я перенести расчеты в саму работу или они так
и остались в черновиках? Нелепость! Я не мог сказать, что имен-
но успел сделать, а к чему только собирался приступить. Воспо-
минания утратили стройность, стали мутными, а потом и вовсе
раскрошились.

Толстый бородатый профессор почти прокричал мою фами-
лию. Меня решили экзаменовать первым. Я ощущал себя как в
бредовом сне и мысли приходили соответствующие. Я просто
выскочил за дверь, воспользовавшись тем, что сидел на самом
краю скамейки.

Как будто я еще не пришел. Пусть пока другие рассказывают о научных достижениях, а я пока разберусь со своими листочками.

В коридоре я запрыгнул на подоконник и открыл распечатку. Но не успел прочитать ни слова, как подошел научный руководитель.

- Что-то не так? – спросил он. – Почему вы не там? – кивнул в сторону двери.

- Да я... - начал я, но не мог найти подходящих слов для вранья.

- Ладно, давайте сюда работу. Быстренько ее сейчас посмотрим.

Руководитель выхватил распечатку и раскрыл в середине. Там оказалась рекламная страница из глянцевого журнала.

- Что такое?..

Он пролистал вперед – дальше тоже были рекламные страницы.

- Черт вас дери! - выругался мужчина, продолжая листать. – Здесь же одна реклама. Вы что же...

Из аудитории показался толстый профессор, выкрикивая мою фамилию. Он выкрикнул ее раза четыре, прежде чем заметил нас у окна.

- Это вы? – спросил профессор.

- Да, - ответил за меня руководитель.

- Так почему он здесь, а не там? - И уже мне: - Немедленно заходите. Вы свою очередь пропустили, но тянуть нет смысла. Все равно придется сдавать.

Я спрыгнул с подоконника и двинулся за профессором, а следом за мной научный руководитель.

Студенты, тесно прижавшись, сидели на лавках со своими дипломными работами. Преподаватели, грузные бородатые старики, топтались в центре аудитории. Некоторые, кто помоложе, сидели на полу, но основная часть стояла. Место у доски пустовало. Наверно, так никого и не вызвали, решили дожидаться меня.

Профессор снова выкрикнул мою фамилию и движением руки пригласил занять место у доски.

- Пожалуйста. К вашим услугам стол, доска, мел. И начинайте, мы и так уже долго ждем. Пора, в самом деле.

После чего он присоединился к другим преподавателям и скрылся в общей массе. Научный руководитель тоже встал с преподавателями, но немного в стороне, и подавал мне ободряющие знаки.

- Не бойтесь, - прочитал я по губам, это уже переходило все пределы.

Я поставил рюкзак на пол, распечатку положил на стол. Пролистал ее довольно быстро: нельзя было дать понять, что у меня нет дипломной работы. Окинул взглядом грузных стариков, едва не спутавшихся бородами.

Ладно, черт с ним. Пусть помучаются, выводя меня на чистую воду. Да и неизвестно еще, смогут ли вывести. Такие прощелыги, наверно, с трудом помнят самые азы. В моих построениях им, скорее всего, вообще не разобраться, слишком одряхлели умом.

В распечатке все же нашлось страничек пять с математическими формулами, остальная часть была склеена из журнальной рекламы.

Пора! В моем положении никакой исход нельзя было расценить как неудачу. Поэтому я был абсолютно свободен. Эта мысль слегка ободрила меня.

Подошел преподаватель, которого я никогда до этого не видел, и сказал, чтоб я хорошо отдохнул, потому что половина сдававших получили двойки. Затем меня и еще нескольких студентов отвели в комнату с кроватями. Здесь мы должны были немного поспать, а потом вернуться в аудиторию и продолжить защиту.

Когда погасили свет, кто-то зашел. В темноте его не было видно. Человек остановился между кроватями и начал говорить.

- Ни один из вас не заслуживает звания специалиста. Вы бездари и неучи. У вас нет ни знаний, ни воли их получить. Вы не смогли закончить свои школярские исследования и изложить их в дипломных работах. Если даже удалось что-то записать, вы в этом ничего не понимаете. Стоит комиссии задать пару уточняющих вопросов, и это станет очевидно. Никаких шансов. Однако вы могли бы симитировать работу, попытаться несмотря ни на что защитить свои жалкие дипломные халтуры. Приложить к этому хоть какие-то усилия, сбереженные во время учебы. Но вместо этого вы улеглись здесь, чтобы немного поспать. Опомни-

тесь, слабоумные! Вы же пять лет спали и никак не проснетесь, даже на защите дипломов. Вникните в свои халтуры, свяжите хоть пару слов перед комиссией, покажите, что вы чего-то стоите. Не валяйтесь вы здесь как парализованные инвалиды. Поднимайтесь. Все вами пропущено вхолостую, безыскусно. Так хоть в последний момент соберитесь с духом, сделайте усилие. Ничего не проиграно, пока не проиграно вообще все. Давайте, ребята. Одевайтесь и возвращайтесь в аудиторию.

Что-то задело меня в словах невидимого человека. Я поднялся с кровати, оделся и пошел в аудиторию. Оказавшись у доски перед толпой профессоров, я долго протирал глаза, успевшие слипнуться в темной комнате. Потом положил на стол дипломную распечатку и открыл на черновых листочках.

Я нарисовал на доске маленького человечка. Схематично: окружность, от нее вниз вертикальный отрезок, раздваивающийся в конце, и пара отрезков чуть выше раздвоения.

- Рассмотрим человечество, - начал я. - Выберем наугад одного человека. Этот человек знаком с кем-то еще. - Я нарисовал рядом с первым второго человечка и поставил между ними стрелку. - Второй, в свою очередь, знаком с третьим. - Еще один человечек и стрелка между вторым и третьим. - И так далее. - Нарисовал третью стрелку и поставил многоточие.

Профессора таращились на доску, вяло следя за моими манипуляциями.

- В своей работе я рассматриваю человечество не как конечное множество людей, а как бесконечное. Бесконечное, но счетное, то есть подобное натуральному ряду: 0, 1, 2, 3 и так далее.

- Что значит подобное? - уточнили из зала.

- Значит имеется взаимно-однозначное соответствие между человечеством и натуральным рядом. Каждому человеку можно поставить в соответствие натуральное число и наоборот. Так вот, составляя последовательности знакомств - первый человек знает второго, тот третьего, третий четвертого и так далее - я наткнулся на следующий замечательный факт. Оказывается, все эти последовательности рано или поздно обрываются, они конечны. Но, так как человечество бесконечно, хотя и счетно, мы можем разбить его на счетное число таких последовательностей, то есть компаний условно знакомых друг с другом людей. Внутри одной последовательности люди могут быть знакомы друг с другом или

не знакомы (но знакомы через других людей, промежуточных членов последовательности). А люди из разных последовательностей никогда не знакомы друг с другом. Получается, человечество распадается на автономные компании людей, не подозревающих о существовании друг друга.

- Но это же бред, - выкрикнули из аудитории.

- Полный бред.

- Бред сивой кобылы.

- Какая-то нелепая упрощенная бредятина, извините.

Из толпы выделился знакомый уже бородатый толстяк. Он поднял руку, призывая коллег к порядку.

- Давайте успокоимся, - сказал он. — Обойдемся без экспрессии, достаточно уточняющего вопроса, единственного вопроса. Кто готов его задать?

Из преподавательского месива вздернулась рука.

- Пожалуйста, - пригласил толстяк и скрылся в толпе.

- Меня многое смущает в вашей... работе. Почти все смущает, но я ограничусь единственным вопросом, как попросил коллегаведущий. Вопрос касается построения последовательности знакомых. Что мешает человеку быть знакомым не только со следующим за ним в последовательности, но и с другим человеком, в том числе, из другой последовательности.

Я закрыл глаза и положил ладони на лицо. Я подозревал, что защита не пройдет гладко, так оно и случилось. И все равно я... Что-то сопротивлялось во мне самой ситуации публичного выступления. Какое-то внутреннее несоответствие, принципиальная неспособленность.

- Вам понятен вопрос?

- Да, - сказал я. — Все знакомые всех людей последовательности рано или поздно попадают в тот же ряд. Это экспериментальный факт. Я долго возился, пытаюсь вывести его теоретически, но, в конце концов, сдался и использовал экспериментальное доказательство.

- Все это присутствует в вашей работе? Подсчеты, статистические данные?

Я кивнул.

- Нельзя ли взглянуть?

Мою дипломную распечатку медленно передавали из рук в руки. Каждый открывал в произвольном месте, листал пару се-

кунд, удовлетворенно кивал и пускал дальше. Наконец распечатка оказалась у задавшего вопрос старика с рыжей бородой. Вопреки моим опасениям, он точно так же открыл работу в произвольном месте, быстро пролистал, кивнул и сунул кому-то еще.

Из общей массы выделился профессор, который спросил:

- Так какой вывод вы делаете из полученного разбиения? Как его использовать? Какой от него прок вообще? Хотя бы нам, ученым? Что вы на это скажете?

- Человечество распадается на бесконечное число автономных компаний. Люди, принадлежащие разным компаниям, ничего друг о друге не знают. Они общаются исключительно внутри своего конечного ряда знакомых. То есть существует, на самом деле, не одно человечество, а бесчисленное число человечеств, никак друг на друга не влияющих. Их существование настолько не соотносимо, что запросто можно считать их находящимися в разных пространствах. Например, на разных планетах.

Поднялся гвалт. Профессора стали выкрикивать обвинения, угрозы в мой адрес. Кто-то истошно вопил, что никогда такой чепухи не слышал.

- Это не чепуха, - не соглашался его сосед, - это гораздо хуже. Это преступление против науки. Против всех ученых.

Распечатку моей работы, все еще блуждающую по толпе, разодрали в клочья. Сначала на отдельные страницы, а уже их в клочья. Теперь они кружились над разгневанной толпой профессоров, этой бессмысленной комиссии по приему новых членов в свои ряды.

- Бредятина! Это не диплом, а сплошная ахинея!

- Таких нужно сразу убивать, чтобы не позорили науку.

- Да как он вообще мог попасть на защиту, этот невежда, бездарь, говнюк, педераст.

- Он, наверно, даже писать не умеет. Одних человечков на доске рисовал.

Не только профессора впали в буйство, даже студенты поднялись со скамеек и стали швыряться не пойми откуда взявшимися куклами. Они пролетали над головами орущих стариков и ударялись о доску, иногда попадали в меня.

Сначала это были обычные детские куклы, потом пошли крупнее. Куклы все увеличались, пока не достигли человеческих размеров. Это были уже не куклы, а манекены. Серые, из плотно-

го полупрозрачного пластика. Не сказать, что очень тяжелые, но и не невесомые.

Вокруг меня громоздились кучи серых манекенов в аккуратных черных костюмах и белых рубашках. Они все летели и летели. Я уклонялся, закрывался обеими руками.

Когда выдалась свободная секунда, я заметил, что вместо профессоров вокруг громоздятся манекены. Причем они организовываются в шеренги и двигаются ко мне. Еще немного и навальются, окружив со всех сторон.

Не дожидаясь, я прыгнул первым. Отбивался как мог: отдирали им головы, руки, ноги. Разрывал пиджаки, галстуки, откусывал и проглатывал пуговицы с рубашек. Я сражался как кот, свалившийся в бассейн с мышами. Манекены заполнили все пространство, норовили незаметно подобраться ко мне, чтобы ударить исподтишка, пырнуть линейкой, укусить.

Но я был настороже, старался слишком близко не подпускать их к себе. Рвал и уничтожал всех, кто оказывался в поле досягаемости. И преуспел в этом.

Я валялся на полу совершенно обессиленный. Вокруг громоздились манекены, частично мной поломанные. Я не мог поверить, чем занимался несколько минут назад.

Все это было наваждением. Сначала я принимал манекены за профессоров, потом за манекенов, управляемых профессорами. В конце концов оказалось, что это были просто манекены. Никто ими не управлял. Я – единственный, кто приводил в движение это скопище пластика, считая, что отражаю атаки недоброжелателей.

Отдышавшись, я нашел свой рюкзак, накинул на плечи и вышел из аудитории.

Прочь! Прочь отсюда! Из аудитории! института! студенческого городка!

В метро по дороге домой я заглянул в рюкзак. Помимо ворованных книг внутри лежала дипломная работа. И, что совсем невероятно, заключение дипломной комиссии.

Работу оценили на "Хорошо". Далее следовало небольшое заключение, составленное из одних клише, с описанием вклада в научное знание. Сообщалось, что научный руководитель рекомендовал поставить за работу оценку "Хорошо".

опустошитель | мертвый текст

Последнее предложение состояло всего из одного слова: Не-
долюбивал. В конце даже не было точки. Наверно, заключение
так и не успели дописать.

МЕРТВЫЙ ТЕКСТ

Бруно Шульц
Комета²

1

Окончанье зимы проходило в тот год под знаком особенно благоприятной астрономической конъюнктуры. В пограничья утр на снегу румяно расцветала цветная ворожба календаря. От пылающей пунцовости праздников и воскресений ложился ответ на полнедели, и дни те холодно сгорали ненатуральным соломенным огнем, а потерянные сердца на мгновение принимались биться сильнее, ошеломляясь возвещающей этой красностью, которая, будучи всего лишь довременным сигналом, цветной похвалой численника, мазками яркой киновари на обложке недели, ничего не возвещала. Уже с Трех Королей мы без конца раскладывали пасьянсы, просиживая из ночи в ночь за белым парадом стола, сияющего серебром и подсвечниками. Закопная тьма, вся глазуванная и светоносная, обильная без устали прораставшими миндалями и сладостями, только и делала, что светлела. Месяц, неистощимый трансформист, целиком поглощенный своими поздними лунными делишками, по очереди совершал все более и более ясневшие и сиявшие фазы, ложась любыми раскладами преферанса и дублируясь во всех колерах. Уже днем стоял он в сторонке, уже наготове, латунный и несветлый — меланхолический валет со светящейся трефой, — и ждал своего часа. Между тем целые небеса барашков влеклись тихим и белым долгим странствованием по одинокому его профилю, едва застилаемому их переливчатой перламутровой рыбьей чешуей, в которой к вечеру загустевало многоцветное поднебесье. Потом дни лигались уже пустыми. Ветер гулко носился над кровлями, до дна выдувал остывшие трубы, возводил над городом призрачные

² Перевод с польского Асара Эппеля. Перепечатано из журнала "Иностранная литература" #12, 1998.

этажи и построечные леса, обрушивая затем в грохоте балок и стропил гулкие эти воздушные постройки. Где-то в предместье вдруг занимался пожар. Трубочисты обегали город по крышам и галерейкам под медно-зеленым и раздерганным небом. Перебираясь со ската на скат на уровне гребней и флюгеров, они снова дели в воздушной этой перспективе, что вихорь вдруг отваливает крышки кровель над спальнями девиц и тут же снова захлопывает огромную взбудораженную книгу города — ошеломительное чтение на дни и ночи. Потом ветры утомились и унялись. Приказчики развесили в магазинном окне весенние материи, и от мягких оттенков шерсти сразу смягчилось состояние воздуха, подцветившись лавандой и распустившись бледной резедой. Снег изволнился в младенческое руно, съезжился, насухо впитался в воздух, выпитый кобальтовыми дуновениями, взятый назад обширным вогнутым небом, бессолнечным и без облаков. В каких-то домах зацвели олеандры, пооткрывались окна, и в тупом забытии голубого дня беспечный воробьиный гомон заполнил комнаты. Над чистыми площадями с оглушительным писком ни с того ни с сего происходили мгновенные стычки зябликов, снегирей и синичек и, сметенные порывом воздуха, тут же разлетались кто куда, дабы стереться и свестись на нет в пустой голубизне. В глазу от них ненадолго оставались цветные точки — пригоршня конфетти, брошенная наугад в ясный простор, — растаивавшие на донце зрачка в безучастной лазури.

Прежде всегдашнего наступил весенний сезон. Адвокатские служащие в подкрученных усах и высоких крахмальных воротничках были сама элегантность и щегольство. В дни, точно половодьем омытые летавшими в гулких городских высях ветрами, они, повстречав знакомых дам, уже издали приподнимали цветные котелки и с отдуваемыми полами, опершись спинами о вихорь, отводили, дабы не гневить обожаемый предмет, глаза, полные самопожертвования и учтивости. Дамы, обхлопанные платьями, на мгновение теряли почву под ногами, испуганно вскрикивали, но, обретя устойчивость и усмехнувшись, на поклон отвечали. За полдень, случалось, ветер унимался. Аделя чистила на крыльце большие медные кастрюли, металлически похрустывавшие под ее прикосновениями. Небо стояло над гонтовыми кровлями недвижно, задохнувшееся, разветвленное голубыми дорогами. Упившись целодневным ветром, с путаницей в голове от

оглушительного воробьиного чириканья, приказчики, посланные из лавки по делу, долго простаивали возле кухонной двери вблизи Адели, облокотясь о балюстраду крылечка. Взмахи ветра доносили заблудившийся рефрен шарманки. Тихих слов, едва произносимых приказчиками как бы нехотя и с невинным выражением лица, но на самом деле рассчитанных на пагубу Аделе, было не разобрать. Задетая за живое, вся негодование, та бурно реагировала, отводя душу, поносила негодников, и лицо ее, серое и мутное от весенних грез, радостно и гневно пунцовело. Они же с низменным удовольствием, оттого что удалось вывести девушку из себя, лицемерно и бесчестно потуплялись.

Миновали дни и заполдни. Каждодневные события беспорядочно плыли над озираемым с высоты нашего крылечка городом, над лабиринтами крыш и домов в мутном посвечивании тусклых недель. Лудильщики исхаживали их, возглашая лудильные свои услуги. Иногда Шлёмино чиханье обозначало вдалеке забавной метиной неблизкую и разбегающуюся городскую невинтицу. На отдаленной площади дурочка Тлуя, доведенная до иступления назойливыми мальцами, пускалась в неистовую сарабанду, высоко задирая, к удовольствию толпы, юбку. Ветер сглаживал и ровнял эти вспышки, размывая в гул однозвучный и тусклый, дабы затем монотонно разволочь его в млечном и дымном дне над безбрежеством крыш. Аделя, опершись о перильца, склонялась над долетавшим невинным этим гомоном, выуживая из него все, какие поразборчивей, акценты, складывала с усмешкой затерянные слоги, ухитряясь в сочетаниях их прочесть хоть какой смысл огромной и серой вздувающейся и опадающей половодьем монотонности дня.

Эпохе задавали тон механика и электричество. Множество открытий сыпалось в мир из-под крыльев человеческого гения. В домах появились сигарные машинки с электрическим огнем. Довольно было щелчка, и от фонтана искр вспыхивал фитиль, напитанный бензином. Это вселяло неслыханные надежды. Накрученная ключиком музыкальная шкатулка — с виду китайская пагода — играла миниатюрное рондо, вертясь точно карусель. Колокольчики дилидонили на поворотах, створки дверей отворялись навывлет, обнаруживая вращающийся шарманочный стержень, табакерочный триолет. Многие обзаводились электрическими звонками. Жизнь проходила под знаком гальванизма. Сим-

волом времени становился обрезок изолированного провода. Молодые франты, демонстрируя в салонах эффект Гальвани, ловили пламенные взгляды. Электрический кондуктор открывал путь к женскому сердцу. Герои дня при всеобщем одобрении собравшихся слали поверх удачного опыта воздушные поцелуи.

Недолго было ждать, и город заполнился велосипедами разной величины и вида. Философический взгляд на мир обязывал. Всякий согласный с идеей прогресса делал выводы и взбирался на велосипед. Первыми, понятно, были адвокатские клерки в подкрученных усах и цветных котелках — всегдашний авангард новых идей, надежда и цвет нашей молодежи. Раздвигая публику, играя проволоочными спицами, они въезжали на огромных бициклах и трициклах в говорливую толпу и, возложив руки на громадный руль, маневрировали с высокого сиденья исполинским колесным ободом, вклинивавшимся в гуляющий люд линией извилистой и прихотливой. Некоторые бывали даже охвачены апостольской одержимостью и, поднявшись, словно в стремени, на сверкающих педалях, с высот обращались к публике, прорицая человечеству счастливую эру — спасение через бицикл... После чего, раскланиваясь по сторонам, ехали дальше под всеобщие аплодисменты.

Увы, в триумфальных этих, великолепных выездах было что-то ущербно компрометирующее, некий неприятный болезненный диссонанс, каковым в минуты триумфа ездоки самоискажались, пародируя самих себя же. По-паучьи подвешенные в изощренном велосипедном устройстве, они и сами ощущали это, раскорячиваясь на педалях большими скачущими лягушками и производя утиные перевалки в соседстве привольно катящего обода. На шаг от того, чтобы сделаться посмешищем, они безоглядно этот шаг совершали, припав к рулю, удваивая быстроту езды, — отменно тренированная кувырколегия зигзагов и выкрутасов.

Да и что тут удивительного? Человек попушением непростительной живости ума вторгался в область невиданных поблажек, достигающихся слишком дешево, ниже расходов, чуть ли не задарма, и это несоответствие между вложением и отдачей, этот явный обман природы, эта переплата за гениальный фокус уравнивались самопародией. Потому-то жалкие победители и мученики собст-

венной гениальности катили сквозь внезапные взрывы смеха — столь велик был неожиданный комизм чудес техники.

Когда брат мой впервые принес из школы электромагнит, а все мы, внутренне потрясаясь, приобщались прикосновениями к вибрирующей и замкнутой в электрическую цепь жизни, отец украдкой ухмылялся. В голове его зрела далеко идущая мысль, и он — то замыкал цепь давно сложившихся подозрений. Почему отец усмехался, почему глаза его, слезясь, обращались внутрь орбит в напускном комическом благоговении? Кто мог на это ответить? Неужто он угадывал за поразительными проявлениями тайной силы дешевый трюк, ординарную уловку, очевидную махинацию? Вполне возможно. Во всяком случае, обращение отца к лабораторным исследованиям берет начало именно с того дня.

Лаборатория его была проста: несколько катушек с навернутой проволокой, банки с кислотой, цинк, уголь и свинец — вот и вся мастерская преудивительного этого эзотерика. “Материя, — говорил он, смущенно пряча глаза и сдержанно прыская, — материя, милостивые господа...” — но не договаривал, давая понять, что напал на след грубого подвоха и что всех нас, сидящих вокруг, обвели вокруг пальца. Глядя в пол, отец тихо потешался над вековечным фетишем. “Панта реи!” — восклицал он и показывал движением рук вечный круговорот субстанции. Ему давно не терпелось мобилизовать обретающиеся в ней сокрытые силы, обратить текучестью твердокаменность, указать пути всепроникновению, трансфузии, тотальной циркуляции, единственно приличествующей ее натуре. “Principium individuationis furda”, — изрекал отец, выказывая безграничное презрение сему основополагающему человеческому принципу. Говорил он это на ходу, прошмыгивая вдоль проволоки, прикрывая глаза и касаясь легкими прикосновениями разных участков цепи, дабы уловить малейшую разницу потенциалов. Царапнув проводок, отец принимал к нему, вслушивался и тотчас оказывался в десяти шагах, чтобы повторить то же самое в другом месте. Казалось, у него десять рук и двадцать чувств. Рассеянное его внимание трудилось в сотне мест сразу. Ни один дюйм пространства не был свободен от подозрений. Он склонялся, укалывая в какой-нибудь точке провод, внезапным кошачьим прыжком отскакивал в нужное место и, смущенный, промахивался. “Позвольте, — внезапно говорил он наблюдавшему за этими манипуляциями ошарашенному

зрителю, — позвольте, но мне как раз интересен объем пространства, который вы, сударь, занимаете своей особой. Не соблаговолите ли несколько подвинуться?” — и торопливо производил мгновенные измерения, верткий и ловкий, точно канарейка, четко дергающаяся на рывочках своих целеустремленных нервов.

Металлы, погруженные в растворы кислот, соленые и позеленевшие в болезненных этих ваннах, во тьме становились проводниками. Пробужденные от мертвенной оцепенелости, они однозвучно пели, металлически ныли, внутримолекулярно светились в непрестанных поздних и траурных сумерках тех дней. Незримые заряды скапливались у полюсов и, утекая в коловращающуюся тьму, покидали их. Едва уловимый зуд, слепые мельтешащие токи обегали пространство, поляризовавшееся в концентрические силовые линии, спирали и кружения магнитного поля. То и дело спросонок сигналили аппараты, запоздало, задним числом в паузах глухой летаргии повествуя о себе безответными отдельными слогами — тире, точка. Отец с горькой усмешкой обретался среди блуждающих этих токов, потрясенный их заикающей артикуляцией, раз навсегда замкнутой и безысходной долей, монотонно вызывающей усекаемыми полуслогами из неосвобожденных глубин.

В ходе наблюдений отец добился поразительных результатов. К примеру, он довел, что электрический звонок, действующий по принципу молоточка Нефа, на самом деле заурядная мистификация. Тут не человек вмешивается в тайны природы, но природа вовлекает человека в свои манипуляции, достигая через его эксперименты собственных целей и имея в виду непонятно что. За обедом отец ногтем большого пальца касался черенка торчавшей из супа ложки, и тотчас в лампе начинало трещать на манер Нефова звонка. Остальное привычное нам устройство было излишне, оно было ни при чем — звонок Нефа являлся точкой схождения определенных импульсов субстанции, пролагающих себе дорогу через человеческую сметливость. Натура так хотела и так поступила — человек же оказывался зыбкой стрелкой, челноком ткацкого стана, снующим взад-вперед сообразно ее воле. Иначе говоря, всего только деталью, всего лишь компонентом Нефова молоточка.

Кто-то произнес слово “месмеризм”, и отец словцо это подхватил. Круг его умозаключений замкнулся, обретя недостающее

звено. По новой теории человек понимался всего лишь как промежуточная станция, временный узел месмерических токов, привольно блуждающих в лоне вечной материи. Открытия, какими он чванился, оказывались ловушками, капканами неведомого, куда завлекает нас натура. Опыты отца носили теперь характер магии и притворства, приобрели характер пародистического жонглирования. Не хочется вспоминать разные эксперименты с голубями, каковых в процессе манипулирования палочкой он разманипулировывал на двух, на трех, на десятках, чтобы затем не сразу, с усилием снова в палочку вманипулировать, после чего приподнять шляпу, дабы птицы, плеща крыльями, дружка дружкой выпорхнули, возвращаясь к действительности в прежнем количестве и заполнив стол волнующейся подвижной воркующей кучкой. Иногда отец очередной эксперимент обрывал и замирал в нерешительности с закрытыми глазами, чтобы спустя мгновение убежать мелкими шажками в коридор и сунуть голову в печной отдушник. Там вверх и вниз ходили теплые токи, было глухо от сажи и, словно в самой сути небытия, темно и благостно. Отец закрывал глаза и какое-то время пребывал в теплом черном несуществовании. Мы же, понимая, что это к делу не относится и в рамки происходящего не укладывается, внутренне закрывали глаза на сей позамаргинальный факт, присущий вовсе иному порядку вещей.

В отцовом репертуаре появились фокусы совсем удручающие, чтоб не сказать повергающие в меланхолию. У стульев в нашей столовой были высокие спинки с красивой, выполненной в реалистической манере резьбой — гирлянды цветов и листьев. И что? Довольно было отцу щелкнуть пальцами, как резьба вдруг обретала забавный вид, некий новый неотчетливый смысл, принималась рябить в глазах и со значением подмигивать, причем все почему-то выглядело стыдным, почти нестерпимым, покуда подмигивание не принимало совершенно явной направленности, неизбежной неотвратимости и то один, то другой из присутствующих не начинал ахать. “Тетя Вандуся, вылитая тетя Вандуся!” Дамы, те даже визжали, ибо это была тетя Вандуся как живая, нет, это она сама уже была с визитом, уже сидела и никому не давала сказать ни слова, ведя свой нескончаемый дискурс. Отцовы чудеса сами собой сводились на нет, ибо получался никакой не призрак, но доподлинная тетя Вандуся, во всей своей обыден-

ности и каждодневности и мысли не допускавшая о каком-то чуде.

Прежде чем перейти к дальнейшим обстоятельствам той памятной зимы, следует хотя бы вкратце коснуться события, в семейной нашей хронике стыдливо замалчиваемого. Что стало с дядей Эдвардом? Он ведь заявился к нам с визитом, ничего не предполагая, брызжа здоровьем и предприимчивостью, а жену с маленькой дочкой, в нетерпенье ожидающих его возвращения, оставил в провинции. Приехал в превосходнейшем расположении духа, дабы вдали от своих домашних несколько развлечься и развеяться. И что же? Эксперименты отца его потрясли. После первых отцовских штучек он не раздумывая встал, снял пальто и полностью предал себя в отцовы руки. Безоговорочно! Слово это он сопроводил сильным рукопожатием и глядя в глаза. Отец все понял. Он принял к сведению, что у дяди нет расхожих предубеждений касательно “*principium individuationis*”. Оказалось, и правда нет. Вообще никаких. Дядя был без предрассудков и либерален. Единственное, чего он желал, — послужить науке.

Сперва отец, готовясь к основному эксперименту, предоставил ему некоторую свободу. Дядя Эдвард воспользовался ею для ознакомления с городом. Он купил значительных размеров велосипед и, объезжая на огромном его колесе базарную площадь, заглядывал с высоты козел в окошки вторых этажей. При следовании мимо нашего дома дядя элегантно приподнимал шляпу перед стоявшими в окне дамами. У него были спирально закрученные усы и борода клинышком. Вскоре, однако, он пришел к выводу, что велосипед не может приобщить его к сокровеннейшим тайнам механики, что гениальный этот аппарат не в состоянии бесперебойно повергать в метафизический трепет, и тогда начались эксперименты, при которых отсутствие у дяди предубеждений касательно “*principium individuationis*” оказалось как нельзя кстати. Дядя Эдвард готов был ради блага науки позволить себе физически до голого принципа молоточка Нефа. Он без колебаний согласился на постепенную редукцию своих качеств с целью высвобождения глубинной сути, отвечающей, как он уже давно подозревал, вышеозначенному принципу.

Запершись в кабинете, отец приступил к поэтапному разбору запутанного дядиногo естества, к мучительному психоанализу,

расписанному на череду дней и ночей. Стол в кабинете стал заполняться разъятыми комплексами дядиной личности. Вначале тот, сильно сдуревший, еще присутствовал на наших трапезах, пытался участвовать в беседах, еще разок прокатился на велосипеде. Потом отказался и от этого, сознавая свою далеко зашедшую разукомплектованность. За ним теперь замечалось определенное смущение, характерное для стадии, в какой он оказался. Он даже начал избегать людей. Меж тем отец был все ближе к цели своих манипуляций. Удалив одно за другим все несущественное, он свел дядю до необходимого минимума и поместил высоко в стенную нишу лестничной клетки, расположив его компоненты по принципу цепи Лекланша. Стена в том месте была в плесени — гриб распростирал по ней свои беловатые разводы. Отец без зазрения совести целиком использовал капитал дядино энтузиазма, протянув его лейтмотив по коридору и левому крылу дома. Вооружась лесенкой и перемещаясь в потемках вдоль коридорной стены, он вколачивал в нее маленькие гвоздики на всем протяжении нынешней дядиной жизни. Дымные желтоватые заплесневелые были почти темны, и отец пользовался зажженной свечкой, какой пядь за пядью освещал обветшалую штукатурку. Поговаривали, что в последний момент дядя Эдвард, до тех пор стоически владевший собой, обнаружил некоторое нетерпение. Говорили даже, что имел место внезапный, хотя и запоздалый эксцесс, который едва не перечеркнул почти завершенный труд. Но проводка была уже готова, и дядя Эдвард, как был всю жизнь образцовым мужем, отцом и человеком дела, так в последней своей роли в конце концов подчинился высшей необходимости.

Функционировал дядя отменно. Не было случая, чтобы он отказал в послушании. Вызволившись из запутанных своих обстоятельств, в коих столько раз, бывало, увязал и погрязал, он заполучил наконец чистоту однородного и неукоснительного принципа, которому обязан был впредь безраздельно соответствовать. Ценой своего с трудом обуздываемого многообразия он обрел простое проблематичное бессмертие. Был ли он счастлив? Чего уж тут спрашивать. Такой вопрос имеет смысл, когда говорят о существах, в коих заключено богатство альтернатив и возможностей, благодаря чему актуальная действительность может противопоставить себя возможностям половинчато реальным

и в них отразиться. Дядя же Эдвард альтернатив не знал, противопоставление “счастливый — несчастливый” для него, идентичного без остатка самому себе, не существовало. Невозможно было не проникнуться определенным уважением, видя его столь дотошно, столь безупречно функционирующим. Даже тетя Тереса, его жена, когда она какое-то время спустя приехала вслед за мужем, не могла удержаться, чтобы нет-нет и не нажать пуговку, дабы услышать громкий и требовательный голос, в котором узнавала знакомый дядин тембр, когда он в прежнюю бытность выходил из себя. Что же касается дочки Эди — карьера родителя, можно сказать, привела ее в восхищение. Потом, правда, она определенным образом отыгралась на мне, мстя за действия моего отца, но это уже другая история.

2

Миновались дни, становились длинней за полночь. Их некуда было девать. Избыток времени, еще сырого, еще напрасного и неприменимого, продлевал вечера пустыми сумерками. Аделя после раннего мытья посуды и уборки в кухне беспомощно стояла на галерейке, неосмысленно глядя в бледно багровевшую вечернюю даль. Прекрасные ее глаза, иной раз такие выразительные, тарачились в тупой задумчивости — выпуклые, большие и блестящие. Кожа Адели, к концу зимы мутная и серая от кухонного чада, оживлялась под влиянием весенней гравитации месяца, растущего от четверти к четверти, набиралась молочных рефлексов, опаловых оттенков, эмалевого лоска. Теперь Аделя торжествовала над приказчиками, терявшими под ее темными взглядами апломб, сбивавшимися с роли пресыщенных завсегдатаев кабаков и дупанариев и в потрясении от новой ее красоты искавшими иных путей сближения, готовыми на уступки, на признание позитивных фактов в пользу нового уклада отношений.

Эксперименты отца вопреки всем ожиданиям не привели к перевороту в нашем бытовании. Прививка месмеризма к телу новейшей физики не оказалась плодотворна. И не потому, что в отцовых открытиях не было зерен истины, а потому, что истиной не обуславливается успех идеи. Наш метафизический голод ограничен и быстро удовлетворяем. Отец как раз был на пороге очередных поразительных открытий, когда в нас, в ряды его сторон-

ников и адептов, стали закрадываться безразличие и безучастность. Все чаще давало себя знать нетерпение, доходившее до открытых протестов. Наша натура бунтовала против развоплощения основополагающих законов, с нас было довольно чудес, мы не чаяли вернуться к доброй старой и солидной прозе вечных устоев. Он это понял. Понял, что зашел слишком далеко, и полет своей мысли поумерил. Круг адептов с подкрученными усами и элегантных почитательниц день ото дня таял. Отец, желая выйти из всего этого с честью, вознамерился было прочесть последнюю, заключительную лекцию, как вдруг всеобщее внимание отвлеклось новым событием, причем в совершенно неожиданном направлении.

В некий день брат мой, воротившись из школы, сообщил неправдоподобную, но тем не менее достоверную новость о скором конце света. Мы велели ему повторить, полагая, что ослышались. Но нет. Именно так звучало это невероятное, это с любой точки зрения непостижимое известие. Да, такому, какой есть, неокончательному и незавершенному, в произвольной точке времени и пространства, не добежавшему ни до какой меты, как если бы на полуфразе, без точки и восклицательного знака, без подведения итогов, без суда и гнева Божьего — словно бы в теснейшем комплоте, лояльно, по обоюдному согласию и признанным обеими сторонами принципам, — миру предстояло недвусмысленно и неотвратимо получить по башке. Нет, это не был эсхатологический, от века провозвестованный пророками трагедийный финал и последний акт божественной комедии. Это был бицикловоцирковой, гоппля—престижиджигаторский, безупречнофокуспокусный и поучительно—экспериментальный конец света при согласном одобрении всех сил прогресса. И не нашлось почти никого, кто бы сразу в это не поверил. Ужаснувшихся и протестующих мгновенно зашикали. Как могли они не видеть, что налицо неслыханный шанс, конец света совершенно в духе времени, самый прогрессивный и вольнодумный, можно даже сказать лестный и делающий честь Высшему Разуму? Это убежденно и со страстью изображалось *ad oculos* на вырванных из блокнота страничках, неоспоримо демонстрировалось, наголову разбивались малoverы и оппоненты. Иллюстрированные журналы печатали во всю страницу гравюры, предвосхищавшие катастрофу в эффектных инсценизациях, где можно было видеть много-

людные города, охваченные ночной паникой под озаряемым световыми сигналами и феноменами небом. Уже ощущалось и прямое воздействие далекого болида, параболическая верхушка которого, недвусмысленно нацеленная на земной шар, стояла на небе в неподвижном полете, приближаясь с быстротой стольких—то и стольких миль в секунду. Словно в цирковом фарсе, взлетали шляпы и котелки, волосы вставали дыбом, сами собой раскрывались зонты, а лысины заголялись из—под улетающих париков под небом черным и огромным, одновременно мерцавшим тревожным сигналом всех звезд.

Чем—то праздничным повеяло в нашу жизнь, какими—то энтузиазмом и пылкостью, какой—то значительностью и торжественностью обновились наши движения и грудь наполнилась космическим вздохом. По ночам земной шар кипел праздничной суматохой, солидарным экстазом тысяч, а сами ночи настали черные и огромные. Несчетными роями сгушались вокруг Земли звездные туманности. В непроглядных планетарных бесконечностях рои эти стояли разнovidно расположенные, от бездны к бездне осыпаясь метеорной пылью. У затерянных в беспредельных пространствах нас чуть ли не ушел из—под ног земной шар, и, дезориентированные, спутав направления, мы, наподобие антиподов, висели головами вниз над опрокинутым зенитом, скитаясь в звездных скопищах, водя послушавленным пальцем через целые световые года от звезды к звезде. Таково влеклись мы по небосводу долгой беспорядочной цепью, рассредоточенные по всем направлениям нескончаемых ступеней ночи, — эмигранты с покинутого земного шара, обшаривающие неисчислимые мириады звезд. Отворились последние рогатки, и бициклисты въехали в черные звездные пределы, подняв на дыбы велосипеды и совершая неподвижный лет в планетарной пустоте, открывавшейся все новыми созвездиями. Так и летели они тупиковым путем, торя дороги и тракты бессонной космографии, а по сути оставаясь в планетарной летаргии, черные как сажа, как если бы сунули голову в печную отдушину — окончательный предел и цель всех этих полетов в никуда.

После короткого бестолково полупроспанного дня, словно огромное шумливое отечество, отворялась ночь. Народ, буквально друг на друге, вываливал на улицы, высыпал на площади,

словно вышибли днища бочонков с черной икрой, расплзающейся языками лоснящейся охотничьей дробы, плывущей реками под ночью, черной как смола и гомонящей звездами. Лестницы проламывались под тяжестью тысяч, во всех окнах виднелись отчаявшиеся фигурки: люди — беспокойные спичечки — в лунатическом наваждении шагали за подоконник и составляли, точно муравьи, живые цепочки, подвижные скопления и колонны — один на плечах у другого, — перетекающие из окон на платформы площадей, ясные от полыхания смоляных бочек.

Прошу не ставить мне в упрек, если, описывая тогдашние картины, неисчислимые эти скопища и сумятицу, я впадаю в преувеличение, невольно беря за образец известного рода старые офорты из великой книги потрясений и катастроф рода человеческого. Все восходит к одному прообразу, и мегаломаническое преувеличение мое, небывалый пафос этих мизансцен указывают, что на сей раз мы вышибли дно вековой бочки воспоминаний, некоей прабочки мифа, и вторглись в дочеловеческую ночь, исполненную невразумительных стихий, kloчущего анамнеза, и не в состоянии уже удержать захлестывающего нас половодья. О, эти рыбные мельтешащие ночи, зарыбленные звездами и поблескивающие чешуей, о, эти косяки рыбьих голов, неумоимо глотающие мелкими глотками, голодными глоточками все вздувшиеся невыпитые ручьи черных тех и проливных ночей! В какие неотвратимые вентери, в какие прискорбные неводы влеклись очумелые эти, тысячекратно умножившиеся племена?

О, небеса этих дней, все в световых сигналах и метеорах, расчерченные выкладками астрономов, тысячекратно скальпированные, пронумерованные, помеченные водяными знаками алгебры. С лицами, голубоватыми от светоносных ночей, мы скитались по небесам, пульсирующим взрывами далеких солнц, в сидерических озарениях — сонмы человеков, шествующие широким большаком по отмелям Млечного Пути, раскинувшегося на целое небо, — людская река, над которой царили бициклисты на своих паучообразных аппаратах. О, звездная арена ночи, вся без остатка исстрихованная эволюциями, спиралями, арканами и петлями эластических этих проследований, о, циклоиды и эпициклоиды, вдохновенно выполняемые по небесным диагоналям, теряющие проволочные спицы, равнодушно уроняющие светоносные обручи, достигающие уже оголенными, уже только на

чистой велосипедной идее сияющего финиша! Именно этими днями датируется новое созвездие, тринадцатая констелляция — навсегда включенный в зодиакальную череду, сверкающий с тех пор на небосводе наших ночей Бициклист.

В эти распахнутые настежь полночи жилища стояли пустые, освещаясь огнем ни с того ни с сего начинавших коптеть ламп. Оконные занавески, выброшенные в заоконную тьму, волновались, и анфилады комнат пронизывал вездесущий непрерывный сквозняк, насквозь прошивавший их немолчным резким сигналом. Это надсаживался дядя Эдвард. Да! Он наконец потерял терпение, расторг все узы, поправ категорический императив, вышел за рамки собственной высокой морали и сигналил. Пытаясь перекрыть внезапный пароксизм, дядю с помощью длинной палки торопливо затыкали кухонными тряпками. Но даже заткнутый, он неистовствовал и немолчно ошалело трещал. Ему уже было все едино, хотя со стрекотаньем этим уходила из него жизнь, и у всех на виду он истекал кровью безо всякой надежды и в губительном ожесточении.

Порой кто-нибудь заглядывал под лампы, горящие высоким пламенем, в пустые комнаты, пронизываемые настойчивым сигналом, на цыпочках производил пару шагов за порог и в нерешительности останавливался, словно бы ища что-то. Зеркала без слова забирали пришельца в свои прозрачные глубины, немо распределяя меж собой. Истошная надсада дяди Эдварда заполняла ясные и пустые помещения, и одинокий дезертир звезд, испытывая угрызения совести, словно бы он явился для злого дела, потихоньку пятился вон из жилья к дверям, оглушенный сигналом, под призором чутких зеркал, пропускавших его сквозь сияющую свою шпалеру, меж тем как в глубинах их в разные стороны на цыпочках разбегалась уйма всполошенных двойников с пальцами, прижатыми к губам.

Снова над нами отворилось небо со всеми своими беспредельностями, усеянными звездным крошевом. Из ночи в ночь на нем уже с раннего вечера появлялся фатальный болид, косо повисший у вершины собственной параболы, недвижно нацеленный на Землю, бессмысленно и безрезультатно проглатывающий столько-то и столько миль в секунду. Все взгляды были обращены к нему, а он, металлически посвечивающий, облый формой, несколько посветлее в выпуклом ядре, отрабатывал с математи-

ческой точностью каждодневный урок. И никак не верилось, что крохотный этот червячок, невинно посвечивающий меж несчетных звездных роев, есть огненный перст Валтасара, предрекающий на скрижали небес гибель нашему глобусу. Увы, любой ребенок знал наизусть роковую формулу, взятую в знак многократного интеграла, из которой после проставления пределов выводилась неминуемая наша погибель. Что нас могло еще спасти?

Покуда праздный люд рассеивался в непомерной ночи, дабы заплутаться меж небесных отблесков и феноменов, отец втихомолку остался дома. Он один знал тайный выход из западни — тыльные кулисы космологии — и украдкой улыбался. Пока заткнутый тряпками дядя Эдвард отчаянно надсаживался, отец потихоньку сунул голову в печной отдушник. Там было глухо и темно. Веяло теплым воздухом, сажей, уединением и прибежищем. Отец устроился поудобней и в блаженстве закрыл глаза. В этот черный скафандр дома, выдвинутый над крышей в звездную ночь, падал слабый лучик звезды и, преломляясь, точно в линзах подозрительного прибора, прорастал светом в фокусе, зачинался зародышем в темной реторте печной трубы. Отец осторожно крутил маховичок микрометра, и в поле зрения подозрительного аппарата потихоньку въехало фатальное творение, ясное как месяц, придвинутое линзой на расстояние ладони, рельефное и светящееся известковым рельефом в безмолвном мраке планетарной пустоты. Было оно словно бы золотушное, изрытое оспой — заплутававший близнец, родной брат луны, возвращающийся на отчужденную землю после тысячелетних скитаний. Отец перемещал его перед вытянутым своим оком, словно круг швейцарского сыра, дырявый, бледно-желтый, ярко освещенный, покрытый белой, как парша, коростой. С вертушкой микрометра под пальцем, с глазом, ярко подсвеченным окулярным отсветом, отец хладнокровно разглядывал известковую сферу, наблюдая на поверхности путаный рисунок болезни, снедавшей ее изнутри, извилистые ходы короэда, проточившего изъеденную сыроподобную кору. Но вдруг он вздрогнул, обнаружив собственную ошибку. Нет, это не был швейцарский сыр, это был, скорей, человеческий мозг, анатомический его препарат, в надлежащем своем затейливом устройстве. Отец отчетливо различал границы долей, извилины серого вещества. Вглядевшись, он разобрал даже неотчетливые буквы надписей, бегущие в разных направлениях по сложным

картам полушарий. Мозг, вероятно обработанный хлороформом, глубоко спал и во сне безмятежно улыбался. Постигая эту улыбку, отец распознал сквозь замысловатый рисунок поверхности суть явления и усмехнулся своим мыслям. Чего только не явит нам верная наша печная труба, темная как ночь! Сквозь извилины серого вещества, сквозь мелкую грануляцию желвачков отец различил отчетливо просматриваемые контуры эмбриона в характерно перевернутой позиции, с кулачками у лица, вверх тормашками сновидящего сладкие сны в светлой воде амниона. В этом положении отец его и оставил и, облегченно поднявшись, затворил отдушник.

Вот, пожалуй, и все. Как? А что стало с концом света? Как было с эффектным этим финалом после столь великолепно развивавшейся интродукции? Потопимся и усмехнемся. Вкралась ли в расчеты погрешность, случилась ли ошибка в сложении или типографская пометка при переписывании цифр? Ничего подобного! Расчеты были точны, никаких ошибок в столбики цифр не закралось. Но тогда что же? А вот что. Болид мчался без устали, летел, словно призовой конь, во весь дух, чтобы вовремя поспеть к финишу. Мода сезона бежала тоже. Какое-то время он мчался во главе эпохи, сообщая эпохе свой образ и прозвание. Потом оба добрых скакуна сравнялись и в бешеном галопе пошли вровень, а сердца наши стучали солидарно с ними. Тут, однако, мода тихонько выдвинулась и неудержимый болид на целую ноздрю обошла. Этот вершок и решил судьбу кометы. Она уже была обречена, раз навсегда обставлена. Наши сердца поспевают теперь вслед за модой, оставляя позади блистательный болид. Мы безучастно взирали, как он бледнел, уменьшался и, покорно приняв судьбу, слегка скособоченный, встал в конце концов на горизонте, тщетно беря последний поворот на кривой своей орбите, далекий и голубой, впредь и навеки неопасный. Он безропотно сошел с круга, сила актуальности выдохлась, и никому больше не было дела до обойденного на дистанции, каковой, предоставленный самому себе, тихо и при полнейшем всеобщем безразличии угасал.

Понурившись, возвращались мы к повседневным делам, обогашенные еще одним разочарованием. Космические планы спешно сворачивались, жизнь входила в привычную колею. Навер-

стывая упущенное, мы днем и ночью беспробудно спали и, лежа вповалку в темных уже квартирах, сморенные сном, возносились на собственном дыхании тупиковой дорогой беззвездных грез. Плывая же так, мы колыхались — писклявые утробы, волынки и дудки, — продираясь сквозь бездорожья замкнувшихся и беззвездных теперь ночей. Дядя Эдвард навеки умолк. В воздухе еще угадывались отголоски его призывного отчаяния, но самого дяди больше не было. Жизнь ушла из него вместе с дребезжащим пароксизмом, контур разомкнулся, а сам он беспрепятственно восходил все выше и выше по ступеням бессмертия. В темной квартире только отец не смыкая глаз тихонько бродил по комнатам, полным мелодического спанья. Иногда он отворял печной отдушник и, усмехаясь, заглядывал в черный провал, где в стеклянной ампуле сияющим сном спал навечно улыбавшийся Гомункул, облитый, словно неон, полнолунием света, уже предрешенный, перечеркнутый, подшитый к делу — уже архивная единица в необъятной регистратуре небес.

Шарлотта Бурилли Пикассо и наши дети³

Галерейщик Констанцио сидел у себя в галерее вместе с помощником и думал, как поправить дела. Галерея пустовала. Развешанные по стенам картины давно уже не привлекали взгляд самого Констанцио, а жители их маленького городка, верно, и вовсе забыли о существовании этого заведения. В самом деле, говорил галерейщик помощнику, подумай, кого могут привлечь эти незначительные, плоские картины местных бездельников, все эти портреты, пейзажи и натюрморты, коим цена пять центов за пачку в базарный день? И того много, потому что это никому не нужно. Наше искусство оторвано от людей, вот поэтому и люди отрываются от искусства. Как это ни печально. А мы, посредники, ничего не можем сделать, потому что настоящее искусство

³ Перевод с французского Кэтти Бебер.

слишком уж возросло в цене, а вот эта бездарная, с позволения сказать, живопись всем надоела.

- Ну так давайте сменим экспозицию, - осторожно посоветовал помощник.

- Зачем? Шило на мыло? «Скамейку у сосны» на «Сосну у скамейки»?

- Может, авангарда поискать? Абстракционизм, пятна, разводы...

- Авангарда... Ты хоть понимаешь, что означает слово «авангард»? Авангард – это тот, кто идет впереди, находится на переднем крае. А у нас что? Весь авангард умер сто лет назад. Был в начале 20-го века, а теперь нет его. Пикассо, Матисс, супрематисты, фовисты...

- Вот бы нам Пикассо в галерею... - мечтательно произнес помощник. – Тут же набежали бы, налетели бы толпами, и билеты можно по любой цене загнать.

- Это да. Тут ты прав, дружок, но только всё фантазии. Где денег-то взять на Пикассо?

Галерейщик поднял голову, печально оглядел стены выставочного зала. Яркое солнце отражалось от висевших на лесках пыльных стеклянных прямоугольников, и картин разглядеть нельзя было, только мерцали разноцветные отсветы красок. Галерейщик подумал, как бы он сорвал со стен всю эту дребедень и развесил бы здесь великую живопись Пабло Пикассо. Голубой период – вот здесь, а розовый – вон там, подальше. И тут Констанцию в голову пришла идея. Не то, чтобы блестящая, такая лишь смутная мысль. Может, ничего и не получится, но ведь и риска никакого. Констанцию повернул голову к помощнику, решая, рассказать ему сразу или попозже. Нет, потом, сначала сам обмозгую, а когда до дела дойдет, подключу и его к исполнению. А пока что...

- А собери-ка мне, дружок, всё о картинах Пикассо. В каких коллекциях находятся, какова цена, контакты владельцев. Особенно о тех, что помельче, не сильно известные, и не в главных музеях мира, а попроще. Может, в Восточной Европе что завалялось. Просто интересно, - добавил Констанцию уже почти равнодушным тоном, - во сколько может обойтись нам выставка Пикассо.

Дав задание помощнику, сам Константио тоже взялся за дело. В тот же вечер он отправился в гости к местной художнице и учительнице рисования. Казалось, Алисия несказанно обрадовалась его приходу. Она то и дело поправляла свои серые, пышно взбитые волосы, теребила цепочку на худой шее, и оживленно щебетала. Алисия проводила его в гостиную, пододвинула к дивану маленький столик и сказала, что через минуточку сделает кофе, настоящий турецкий кофе. Художница убежала на кухню, а Константио в нетерпеливом ожидании осматривал захлавленную комнату. Алисия называла себя коллекционером, но скорее это была обычная страсть к покупкам, когда женщина не в силах вынести того факта, что какая-нибудь мало-мальски привлекательная вещь находится на полке магазина, а не в ее владении. Статуэтки, вазочки, веера, колокольчики, соломенные панно, грубо раскрашенные маски забивали полки и стены, не оставляя пустого места. Константио осматривал весь этот хлам, прикидывая, сколько все это могло бы стоить и сколько денег художница выбрасывает на ветер. Алисия вернулась с подносом, разлила кофе по крохотным чашечкам.

- Я как раз закончила новую картину, - сказала она и указала в угол комнаты. Там на мольберте стояла большая картина, закрытая тряпкой. - Хочешь посмотреть?

- Да, конечно. Потом. Я к тебе по делу.

Алисия кивнула. Она подошла к раскрытому окну, замахала рукой, крикнула кому-то: «Иди сюда!»

- Сейчас придет девочка, тогда посмотрим картину. Ну, а пока рассказывай, что у тебя за дело.

- А скажи-ка мне, дружок Алисия, есть ли среди твоих учеников дети богатых родителей?

- Есть, и не один, - гордо сказала художница. - Учить детей рисовать теперь модно, а я, как ты знаешь, - лучший художник в городе.

- Мне нужно посмотреть картины детей самых богатых. Сколько у них денег? Есть ли миллионеры?

- Чувствуется, плохи у тебя дела, да, Константио? - Алисия сочувственно наклонилась к нему, и запах восточных духов волной окатил галерейщика. - Но если ты хочешь устроить выставку детей богатых, то вряд ли выгадаешь. Может, и отслюняют тебе пару сотен в виде благотворительности, а лучше сказать - подая-

ния, но больше ты у них не выцыганишь. Миллионеры свое дело знают, умеют деньги считать.

Констанцио нахмурился.

- Ладно, это не твоя забота, дружок. Моя идея не так проста, как ты думаешь.

В это время в комнату робко заглянула черноволосая кучерявая девочка лет десяти. Ее худое тело кривила какая-то болезненная нескладность.

- Заходи, Грета, заходи! – оживилась Алисия. – Нужно показать мою картину господину Констанцио. Ну, ты знаешь, что нужно делать.

Алисия вскочила с дивана, потащила девочку к картине, поставила ее рядом с мольбертом, снова уселась на диван, взяла чашку с кофе, откинулась на спинку, кивнула девочке:

- Давай!

Грета сорвала с картины тряпку и тонким голосом крикнула:

- А вот и наша Гризельда в высоком чешском колпаке и накладном жилете!

Три четверти картины было грубо закрашено темно-серым, почти черным цветом. Лишь в верхнем левом углу яркие, резкие мазки образовывали какую-то форму, в котором наметанный глаз галерейщика различил женскую фигуру. Алисия некоторое время восхищенно созерцала свое творение, а потом, не выдержав, повернулась к Констанцио:

- Ну что?

- Ну... Что тут скажешь... - пробормотал галерейщик. – Не слишком ли много черного фона?

- Как же ты не понимаешь? – вскипела Алисия и защебетала заученным текстом. – Здесь же масса аллюзий... Черный квадрат! Темный пласт бессознательного! Черный должен давить на зрителя, тревожить своей непостижимостью! На этом месте картины могло бы быть все, что угодно, и зритель в своей фантазии дорисовывает образ самостоятельно. Да что я тебе рассказываю – ты же искусствовед. В общем, - Алисия слегка успокоилась, - эта картина приснилась мне во сне. Именно в таком виде. А наши сны, знаешь ли, обладают глубоким символическим смыслом.

Алисия выдохлась. Галерейщик вертел в руках пустую чашку и смотрел, задумавшись, на картину.

- Не горячись, дружок. Нормальная картина, хорошая, Гризельда очень даже хороша... Все-таки черный слишком уж давит. Скучноват этот черный. Но в целом очень даже неплохо. Молодец! Выставим твою Гризельду в галерее, приноси. Налей-ка мне еще кофе.

- Можно я пойду? - Девочка, оказывается, все еще стояла возле картины, дожидаясь, когда ее отпустят. Алисия снова ожилилась, стала совать ей конфеты и пряники. Когда Грету выпроводили, Констанцио снова завел разговор о детях. Нужно посмотреть картины детей. Нужно узнать побольше об их родителях. Насколько богаты, насколько щедры, любят ли искусство. Оказывается, Алисия знала все.

- Ну что ж, пойдем в студию, покажу тебе детское творчество. Творчество, конечно, слабовато, мастерства никакого, им еще учиться и учиться... В общем, сам увидишь.

От дома художницы до студии, где она проводила занятия, было минут двадцать пешком. Солнце клонилось к горизонту, но все еще палило, летняя духота застоялась на улицах. Но в студии рисования было свежо и прохладно. В помещении было чисто и просторно, однако этот простор не выглядел запустением, как в галерее Констанцио, здесь ощущалась жизнь. Алисия указала рукой на стены, увешанные рисунками.

- Вот здесь лучшее, есть еще в папках. Строго не суди, все-таки дети есть дети.

Заложив руки за спину, галерейщик прошелся вдоль стен. На одной из них висел один и тот же натюрморт – синяя ваза и два яблока, - нарисованный, видимо, по заданию учительницы. От этих кривых, неуверенных мазков акварелью на Констанцио повеяло неимоверной скукой, но он постарался взять себя в руки.

- Ну в общем, понятно, да. Дети есть дети. Лучше расскажи, Алисия, кто здесь из богатой семьи.

Алисия, тыкая пальцем в каждую из картин, рассказывала о родителях. Вот у этого отец – владелец обувного магазина, у папы этого мальчика – антикварная лавка, очень роскошная (Алисия закатила глаза), а вот близнецы, их родители получили наследство в Америке, живут на проценты со своих миллионов.

- А это что? Вот это мне подошло бы, – Констанцио вдруг заметил неплохую картину. В общем, это был тот же натюрморт, но по свободе форм и красок чем-то даже напоминал Пикассо.

Ваза выглядела угловатой женской фигурой, у ног которой светились большие красно-желтые шары, обозначающие яблоки.

- А, это наша девица Ленорман, - почему-то смутилась Алисия. – Тебе вряд ли подойдет, не из богатых.

- Ленорман... Это фамилия?

- Нет, ее зовут Грета Шульц, она из еврейской семьи. Ты ее видел, ту девочку, что открывала сегодня мою картину. Отец служит продавцом, а мать домохозяйка, у них пятеро детей. Так что денег у них много не водится. А девицей Ленорман я ее прозвала, она калека, ноги разной длины. И любит предсказывать, все хвалится, будто судьбу видит. Ну несет всякую муру детскую... Кто за кого замуж выйдет...

Тут Алисия прервалась на полуслове, закашлялась и пошла красными пятнами. Но Констанцию не обратил на это внимания и бормотал как бы сам себе.

- Все-таки возьму ее на заметку. Может, они с виду бедные, а в банке - кругленький счет. Сама говоришь – евреи. Вытащить нелегко, конечно, но ведь и девочка талантлива, да еще калека, ради дочери, глядишь, что-нибудь отстегнут. Повтори ее имя, я запишу.

- Грета Шульц, - Алисия вдруг не вытерпела. – Да скажи же наконец, что у тебя за затея? Зачем тебе деньги, что ты хочешь сделать? – Констанцию не повернул головы, и Алисия заговорила другим тоном. – Ну, если дело выгодное, без риска, то, может, и я тебе наскребу пару тысяч...

- Нет, дружок Алисия, я пока ничего тебе не скажу. Потому что ничего еще не ясно. Все может сорваться в любой момент. Я, конечно, возьму тебя на заметку, ты мне вполне можешь пригодиться. Но пока подожди, пока что я должен все сам узнать и проверить.

Констанцию записал все сведения о богатых родителях в свой блокнот и распрощался с художницей. Время было совсем не позднее, сумерки только-только ложились на город. Пожалуй, можно и навестить кого-нибудь из списка, подумал галерейщик и выбрал адрес антиквара. Судя по адресу, антиквар жил на самой окраине. Констанцию сел в трамвай, выбрал удобное местечко у окна и стал обдумывать предстоящий разговор.

Вместе с ним в вагон вошла старушка с сумками. Она с трудом уселась неподалеку, кряхтя, медленно стала пристраивать у

ног свой багаж. Вдруг из одной ее сумки выкатился мандарин. Большой, оранжевый, сочный шарик покатился вперед по проходу, головы пассажиров повернулись ему вслед, но никто не поднялся с места. Мандарин остановился у ног мальчика в школьной форме, с ранцем за спиной, и мальчику пришлось поднять его. Он взял его, немного отодвинув руку от тела, обернулся и оглядел вагон в поисках хозяина фрукта. Тем временем старушка покончила с сумками, увидела мальчика со своим мандарином, заулыбалась и замахала рукой. Констанцию слышал, как она пыталась кричать, мол, возьми себе, мальчик, на здоровье, но трамвай громыхал по рельсам и ее старческий голос никак не мог долететь до мальчика. Тот увидел старушку, встал и направился к ней. Старушка еще больше замахала рукой, я дарю тебе, мальчик, этот мандаринчик, возьми, скушай на здоровье, но когда мальчик наконец понял, что она лопочет, то рассердился и швырнул мандарин ей на колени.

- Спасибо! Не надо! Большое спасибо! Но мне не надо!

В его голосе послышались тонкие, истерические нотки, он повернулся и побежал на свое место. Однако место оказалось уже занято, какой-то толстяк, пыхтя, устраивался на сиденье.

Галерейщик доехал наконец до конечной, до самой окраины, где яблоневые сады сливались с лесом, окаймлявшим эту часть города. Небольшая улица привела его к воротам коттеджа из красного кирпича. Горничная открыла дверь, проводила в кабинет и оставила одного. К удивлению Констанцию, в кабинете антиквара не было ни одной старинной вещи. Напротив, кабинет излучал глянец современного дизайна, состоящего из светлой кожи, стекла, цветного пластика и веселых абстрактных картин на стенах.

Антиквар вошел через пару минут и тоном занятого человека спросил, чем обязан визиту.

- В общем, дело касается Бобби... - начал галерейщик, устроившись в кресле.

- У вас жалоба на моего сына? Сейчас я его позову.

Констанцию поспешно перебил:

- Никаких жалоб, скорее наоборот. Я сегодня был в художественной студии и видел его рисунки. Я смотрел рисунки детей, в том числе и Бобби, и мне пришла в голову идея. Вы, я вижу, любите современную живопись, - Констанцию кивнул на картины и

посмотрел на антиквара, ожидая ответа, но антиктвар молчал. – Разумеется, это слишком широкое понятие – современная живопись, – но некоторые мастера, согласитесь, приводят нас в трепет. Взять, например, Пикассо. Величайший художник, гений, настолько выдающийся, что его имя стало уже нарицательным. Так вот, как-то раз Пикассо посетил выставку детских рисунков и был потрясен. Он сказал, что в их возрасте сам он рисовал как Рафаэль, но всю свою жизнь он учился рисовать так, как рисуют дети.

Констанцио замолчал и прокашлялся. Как хорошо, что ему вспомнилась эта фраза. То ли он когда-то прочел ее, то ли сам только что придумал, но прозвучала она убедительно. Напряжение на лице антиквара немного ослабло.

- Хотите чего-нибудь выпить? Холодного пива, например. Сегодня жарко. – Антиквар позвал горничную и велел принести пива. – Ну так что за идея? При чем здесь Бобби?

Пиво – это хороший знак, отличный знак, подумал Констанцио. За пивом можно договориться. Главное, не рубить с плеча.

- А в самом деле, позовите Бобби. Не будем его обсуждать за его спиной.

Констанцио подождал, пока антиктвар распорядится, отхлебнул пива из высокого стакана и продолжил.

- Культурная жизнь в нашем городе, как вы знаете, проходит очень вяло. Никаких значительных событий. Вот я и подумал, что стоило бы немного оживить горожан, приобщить, так сказать. Идея, собственно, в том, чтобы провести выставку великого художника вместе с выставкой детских работ.

Галерейщик правильно рассчитал время. Только он произнес последнюю фразу, как в комнату вошел сын антиквара, пухлый мальчик с нахальным и вместе с тем испуганным выражением на бледном лице.

- Бобби, хотел бы ты, чтобы твои картины были выставлены в нашей галерее рядом с работами великого Пабло Пикассо? – спросил его Констанцио.

- Хотел бы! – громко сказал мальчик.

- А что, вы полагаете, Бобби хорошо рисует? – спросил антиктвар. – Я видел его рисунки, по-моему, обычная детская мазня, ничего особенного.

- Папа, что ты говоришь! Я очень хорошо рисую! Я буду великим художником, поэтому меня надо выставлять в галерее, рядом с Пикассо.

- Замолчи, тебя не спрашивают, - рявкнул на него антиквар. – Да и в чем, собственно, проблема? Хотите выставлять Бобби в галерее – пожалуйста. Если вы разрешения у меня пришли спросить, то вот вам мое разрешение, выставляйте, хоть с Пикассо, хоть без Пикассо – я не возражаю.

- Проблем, конечно, нет, тут вы правы, но в этом деле есть еще и коммерческая сторона. Чтобы привести к нам в городок хотя бы одну картину Пикассо, потребуются определенные вложения, а моя галерея не слишком богата. Пикассо – очень модный художник, его выставки в Европе окупаются с лихвой, но начальные инвестиции...

- Так я и знал, - вздохнул антиквар. - Бобби, можешь идти.

- А меня выставят в галерее?

- Тебя выставят за дверь, сию минуту.

- Но папа... - заныл мальчик, на глазах его блеснули слезинки. Антиквар со свирепым лицом приподнялся с дивана, и Бобби выбежал из кабинета. За дверью послышался его рев и причитания женщин.

- Рассказывайте, - повернулся антиквар к Констанцию. – Сколько требуется вложений, какова предполагаемая прибыль, какой процент, какие гарантии... Выкладывайте цифры.

- Цифрами я пока не располагаю, но они появятся в ближайшее время. Мы пока на стадии исследований... Я пришел лишь узнать ваше общее мнение об этом деле.

- Пощупать почву, вы хотите сказать. – Антиквар выпрямился на диване и положил руки на столик, всем своим видом демонстрируя завершение разговора. – Мое общее мнение вот какое. К чему вы собираетесь приобщать наших горожан – это не моя работа. С точки зрения культуры ваша выставка меня совершенно не интересует. А вот коммерческая сторона вопроса – это другое дело. Я допускаю, что инвестиции могут принести прибыль. Так что, уважаемый господин Констанцио, - антиквар встал, и галерейщику ничего не оставалось, как встать вслед за ним, – когда закончите ваши... исследования, приносите расчеты, цифры. Посмотрим.

На последних словах антиквар протянул Констанцию руку.

Когда галерейщик добрался до дома, было около десяти вечера. Жена, казалось, поджидала его в прихожей, и когда он вошел, тут же забормотала громким шепотом:

- Где ты был? Уже десять часов... Тут к тебе человек пришел, сказал, по срочному делу, а тебя все нет и нет. Я ему и чаю принесла, и газету... Он сидит в гостиной, уже часа два, а тебя все нет. От тебя пивом несет, ты что, пил? Мог бы позвонить, сказать, что задержишься, чтобы мы не волновались. Человек такой странный, у него с собой рулон, в газету завернутый. Может быть, картина, но на художника он вовсе не похож. А тебя все нет и нет. Я под дверью слушаю, как он там, он сначала газетой шуршал, а потом затих, может, уснул... Столько ждать-то, кто ж вытерпит. А ты пиво распиваешь. Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? Нет, это не художник, я думаю, пройдоха какой-то, одет плоховато, без выкрутасов, а глаза бегают... Может, краденое решил тебе сплавить? Да, думаю, это бандит какой-то, картину украл, а тебе продать хочет... Ты осторожнее. Вот ты гуляешь, пиво пьешь, а я тут одна с бандитом...

Жена шмыгнула носом. Констанцию тронул ее за плечо, успокаивая, сказал, что бояться нечего, сейчас он во всем разберется, и быстрым шагом прошел в гостиную. Посетитель и в самом деле уснул, развалившись в кресле. В потертом костюмчике, со сбившимся на бок галстуком, прилизанными волосами, незнакомец и впрямь походил на жулика. Рядом с креслом валялся газетный сверток. Вероятно, там свернутая в трубку картина, которую гость попытается всучить ему. Констанцию потряс посетителя за плечо.

- Чем могу служить? – сухо спросил галерейщик.

- О, добрый вечер! – гость потянулся, протер глаза и мизинцем вытащил из уголков глаз кусочки засохшего гноя. - Господин Констанцию? Говорят, вы интересуетесь картинами Пикассо?

- Я интересуюсь картинами, и Пикассо в том числе, - ответил Констанцию, подумав, как же быстро разнеслись слухи. Не успел он шагу ступить, как все уже разнюхали.

Гость развернул сверток. Там действительно оказалась картина.

- Вот, взгляните. Отличный Пикассо. Не самый популярный период, но все же прекрасная картина.

Констанцио взял в руки небольшое полотно и понес его к подрамнику, чтобы разглядеть получше. Он установил картину, отошел, засунув руки в карманы. В самом деле, картина была прекрасная. Сквозь геометрический узор бледно-коричневых тонов проглядывало женское лицо, а в центре полотна четкой линией был обозначен силуэт гитары.

- Очень неплохая подделка, - сказал галерейщик. – Я так понимаю, вы намерены мне ее продать?

- Нет, сеньор, у меня более широкий взгляд на вещи. Я понимаю, что мне за эту картину и ломаный грош из вас не вытащить. Вот вы сказали «подделка». А если бы эту картину, вот это самое полотно вам прислали из знаменитого музея, вы бы усомнились в том, что это кисть Пикассо?

- Мое мнение здесь ни при чем, голубчик. К оригиналам прилагается сертификат подлинности, и тут уж сомнений быть не может.

- Ха-ха-ха! Сертификат подделать еще проще, чем полотно! Но оставим в стороне всю эту юриспруденцию. Вот вы, галерейщик, знаток, предположим, вам предложили оценить подлинность этой картины. Невзирая на лица, документы. Вот перед вами полотно и ничего больше. Взгляните на него. Как по-вашему, это Пикассо или нет?

- По-моему, нет. Дружок, это бессмысленный спор. Выкладывайте, в чем ваше дело. Я сегодня устал.

- Я тоже. – Гость взял со столика чашку и одним глотком допил остатки чая. – Может быть, чаю попьем?

Констанцио не хотелось идти на поводу и затягивать беседу, но горячего чаю он и вправду выпил бы с удовольствием, поэтому он позвал жену (та оказалась под дверью) и попросил принести чай.

- Вы кривите душой, господин Констанцио, ну что ж, такая у вас работа, это понятно. Но вы же знаете, что Пикассо был необычайно плодовит. Он написал двадцать тысяч картин, сотни из них находятся неизвестно где, то есть, как говорят, местонахождение не установлено, и сотни подделок постоянно покупаются и продаются. И эти ваши сертификаты подлинности, в сущности, полных гарантий не дают. Вам ли не знать все эти конфузы и скандалы. Взять того же старика, электрика, Де Гиннека. Какой-то электрик установил сигнализацию в доме Пабло, а тот взял да

и подарил ему за это двести семьдесят одну картину. И все они подлинники, как подтвердила экспертиза. Вы можете в это поверить? Где здесь подвох? На беднягу Де Гиннека подали в суд за воровство, дескать, Пикассо посвятил жизнь искусству и не мог вот так разбазаривать свое добро, но почему эта история выплыла только сейчас? Почему же Пабло, если он трясся над своими картинами, не обнаружил пропажу раньше? Попробуйте-ка украсть у художника двести семьдесят одну картину, да так, чтобы он не заметил. Господин Констанцио, не чувствуете ли вы здесь тайну, мистический промысел, так сказать? И ведь это лишь один из многих секретов, коими полна история живописи.

- Месье, к чему вы клоните? Говорите уже, что вы хотите? Если вы не хотите продавать мне эту картину, то в чем тогда ваше дело ко мне?

- До меня дошли слухи, что вы собираетесь выставить в своей галерее работы Пикассо. Это правда? - Посетитель, казалось, решил перейти на сухой деловой тон.

- Возможно. Пока что это всего лишь идея, и обретет ли она воплощение - на сегодняшний день сказать трудно.

- Дело упирается в финансы, как я понимаю. Чтобы заполучить для выставки хотя бы одну из картин, хотя бы из позднего, наименее ценного, периода, вам придется найти довольно большую сумму. И даже если вы ее найдете, то выставка будет довольно жалкой. Ведь так, господин Констанцио? Одна малоинтересная работа мастера в самом выгодном месте, а остальные стены увешаны детской мазней. Это же черт знает что, а не выставка. Курам на смех.

«Ого, он и про детей знает,» - подумал галерейщик. - «Черт знает что, в самом деле.»

- Вам-то что? В третий раз вас спрашиваю, какое ваше дело?

- Так все просто. Вот картина Пикассо, у вас на подрамнике. Если мы сможем договориться, то я вам еще с полдюжины найду. И вы сможете их выставить вместе с подлинником или вместо подлинника, как вам будет угодно. У вас на выставке будет целый зал Пикассо, добротного, ценного Пикассо, а в остальных залах пусть будут детские рисунки, если уж вам так хочется. И обойдется вам это несказанно дешевле.

- То есть вы меня в аферу хотите втянуть? Выдать подделки за подлинники? - рассердился Констанцио.

Гость ухмыльнулся.

- Никаких афер, господин галерейщик, все будет чисто. Как вы знаете, подделка лишь тогда считается подделкой, если ее выдают за работу мастера и пытаются продать по той огромной цене, по которой продаются подлинные картины художника. Ну а мы с вами ничего продавать не собираемся. Более того, копии картин делать не воспрещается. В школах искусств студентов даже заставляют копировать великие картины в качестве упражнения. Так что подумайте над моим предложением, господин Констанцио. Вместе мы могли бы устроить грандиозную выставку. И денег я с вас авансом брать не буду, сговоримся на процентах с дохода.

- Ладно, ладно, дружок. С этого и надо было начинать. А то развели тут лекцию, мистический промысел какой-то придумали. Я, знаете ли, только сегодня о выставке подумал, можно сказать, несколько часов назад. Поэтому пока что я лишь почву прощупываю. Так что оставьте мне свой телефончик, я вам перезвоню, когда дело прояснится.

- Нет-нет, господин Констанцио, я лучше еще раз к вам зайду. Скажем, дня через три. Думаю, за три дня вы успеете обо всем подумать. А пока верните мне мою картину, я ухожу. Спасибо за чай.

Констанцио повернулся к картине и вновь подумал, что она хороша. Ему захотелось оставить ее у себя, под залог, а может быть, и купить ее за небольшую цену, но он все же снял картину с подрамника и протянул незнакомцу.

- До свидания, месье. И все-таки хотелось бы задать вам один вопрос: откуда вы узнали о выставке?

- Ну, зашел я сегодня в гости к Алисии кофе попить. Кофе она прекрасный варит. Алисия мне говорит, что вот только что был здесь сеньор Констанцио, интересовался детскими рисунками, спрашивал о доходах родителей. Ну я и подумал, что затевается какое-то мероприятие. От Алисии направился напрямик к вашему помощнику. Тот, бедный, весь обложился каталогами, ищет картины Пикассо. Вы, говорит, велели найти подешевле для выставки. А дальше уже осталось только два и два сложить. Все понятно.

- Два и два сложить... Вот оно как. Ну что ж, до встречи, месье. Через три дня заходите, буду рад.

На следующее утро помощник пришел в галерею с толстой папкой собранных данных. Вместе с Констанцио они углубились в обсуждение, однако им мешало новое обстоятельство: в галерею вдруг стали заходить посетители. Не так чтобы много, по паре человек за час, но они сильно отвлекали от дела. Посетители - в основном, студенты, пенсионеры и домохозяйки – слонялись из зала в зал, задумчиво глядя на картины, а потом уходили. Некоторые оставляли записи в книге отзывов. «Мне понравилось, но все-таки экспозиция оставляет желать лучшего». «Скучновато. А вот выставку кого-нибудь из великих я бы обязательно посетил». И в таком духе.

После обеда в галерею вдруг ввалилась орава детей во главе с Алисией – Алисия устроила экскурсию для своих учеников. Художница попыталась провести их по залам, но дети, крича, толкаясь, обступили галерейщика.

- Господин Констанцио, Бобби сказал, что вы хотите вывесить его картины на выставке Пикассо. Это правда?

- А почему Бобби? Он же плохо рисует. Я рисую в сто раз лучше, возьмите лучше мои картины.

- Когда вы выберете всех участников? Сколько их будет?

Дети галдели, перебивая друг друга, галерейщику пришлось на них прикрикнуть. Он объяснил им в самых общих и туманных фразах, что про выставку Пикассо пока ничего неизвестно. Неизвестно, состоится она или нет. Алисия стояла тут же, и пока дети донимали Констанцио вопросами, не вмешивалась. Но когда Констанцио удалось успокоить галдящую ораву, Алисия заявила:

- Господин Констанцио, я уже объяснила детям, что талант художника нельзя определить вот так сразу. Посмотрел одну картину и сразу понял, что художник талантлив. Нет, так не бывает. Взять того же величайшего Пабло Пикассо. Если показать человеку какую-либо из его поздних картин, всего лишь одну, то этот зритель не увидит в ней ничего красивого, гениального. Напротив, скорее всего он скажет, что картина ужасна, и ее автор вообще не умеет рисовать. Чтобы понять художника, нужно увидеть много его картин, и, разумеется, не репродукций, а оригиналов, нужно почувствовать его стиль, атмосферу созданного им мира, снова и снова пересматривая произведения из разных периодов его творчества. Только тогда можно по-настоящему оценить талант живописца.

- И что? Что ты этим хочешь сказать, Алисия? – спросил галерейщик.

- Я хочу сказать, что ты не можешь сразу выбрать самые талантливые работы моих детей, тебе нужно время. И даже если кому-то кажется, что ты выбрал плохие картины, далеко не самые лучшие картины, то их мнение ничего не стоит. Твой опытный глаз видит гораздо глубже, чем глаз простого человека, особенно ребенка. Согласен со мной?

- И да и нет... Скорее да, чем нет... Но, дружок, сейчас совсем не время для подобных разговоров. Я чертовски занят. Если вы закончили свою экскурсию...

Алисия кивнула и велела детям выходить из галереи.

После ухода Алисии у галерейщика занял зуб. Он выпил обезболивающее и попытался продолжить работу, но зуб все продолжал болеть. Констанцио с помощником изучали список картин Пикассо, выбрасывая из него те картины, которые им были явно недоступны. Список стремительно уменьшался. В самый разгар работы в галерею вошел молодой человек в полосатом свитере и ярким румянцем на щеках. Он представился корреспондентом вечерней городской газеты.

- Господин Констанцио, город полон слухов о предстоящей выставке в вашей галерее. Не могли бы вы сказать пару слов об этом волнующем событии?

- Бог мой, месье, ну вы-то куда лезете? – Галерейщик был раздражен больше из-за своего зуба, чем из-за вопроса журналиста. Однако и этот хлыщ тоже был ему довольно противен. Но если пресса сунула свой нос в это дело, то, конечно, унять ее уже невозможно. Поэтому галерейщик усилием воли взял себя в руки. – Хорошо, открывайте блокнот, я буду диктовать вам заметку. Готовы? «Ходят слухи (именно так, это можете подчеркнуть), ходят слухи, что в художественной галерее нашего города в скором времени состоится выставка самого гениального живописца двадцатого века Пабло Пикассо. Наш корреспондент обратился к владельцу галереи с тем, чтобы узнать все из первых рук, но господин Констанцио был не склонен к доверительной беседе. Он сказал, что проведение такой выставки в настоящий момент остается под большим сомнением, но если она все же состоится, то на ней будут представлены несколько работ послевоенного периода живописи Пикассо. И хотя этот период не дает представления о

всем великолепию гения Пикассо, но тем не менее демонстрирует размах и широту творчества великого художника.»

Журналист строчил в своем блокноте. На последней фразе он поднял голову и спросил:

- Может, лучше наоборот? ...не дает представления о всем размахе и широте, но демонстрирует великолепие?

- Да, так даже лучше, - согласился Констанцио и продолжил. – «Одновременно с показом работ Пикассо в галерее будут выставлены детские работы из художественной студии мадемуазель Алисии. «Какое отношение имеют рисунки детей к гениальным полотнам мастера?» - задали мы вопрос галерейщику. В ответ он процитировал слова самого Пикассо о том, что хотя в детском возрасте Пабло рисовал как настоящий мастер, но всю свою жизнь он пытался научиться рисовать как ребенок».

Журналист снова оторвался от своего блокнота.

- Он что, в самом деле такое сказал? Это точная цитата?

- Нет, цитата не точная, но что-то в этом роде он действительно говорил. По крайней мере я читал что-то подобное. Но в общем, эту цитату можете проверить, или же обыграть так, чтобы не было придилок, это ведь ваша работа. Ну вот, заметка готова. Да, и нужен хороший финал. В финале напишите вот что: «Все культурные люди нашего города надеются, что слух о выставке станет былью, и мы сможем приобщиться к сокровищнице мирового искусства. И хотя господин Констанцио не дал нам твердых заверений на этот счет, мы с нетерпением ждем развития событий.» Да... И вот еще что... Вставьте туда, в эту вашу статью, такой абзац. Как бы это получше сформулировать... «Ради успеха этого выдающегося мероприятия господин Констанцио готов рассмотреть предложения о размещении рекламы и другие вопросы коммерческого сотрудничества. Он призывает всех горожан внести свою лепту в процветание культуры и искусства в нашем прекрасном городе.»... Нет, это не пойдет. Месяе, вычеркните последнее предложение про всех горожан. Не надо мне всех горожан. Прочтите-ка теперь все вместе.

Корреспондент зачитал статью, и Констанцио удовлетворенно кивнул.

- Прекрасно. Так и напечатайте.

Во время беседы с журналистом Констанцио отвлекся от зубной боли, но как только журналист ушел, зуб заболел так, что

галерейщик едва не стонал. Он бросил все дела и помчался в клинику к дантисту.

Ворвавшись в приемную клиники, он наткнулся на пожилую медсестру, которая схватила его за руку.

- Куда вы так несетесь? Сначала нужно записаться, заполнить карточку. Потом в очередь.

В приемной сидели два старичка, очень похожие друг на друга. Они смотрели на него с неодобрительной усмешкой.

- У меня острая боль, - сказал Констанцию медсестре. - Я не могу ждать. Может ли доктор принять меня без очереди?

- А причем здесь доктор? Ему-то все равно, кого принимать. Вы вот у них спросите, - кивнула медсестра на старичков.

- Господа, - обратился к ним Констанцию, - прошу вас, пропустите меня без очереди. Пусть мне хотя бы укол сделают – боль ужасная.

Старички снова заулыбались.

- Ну что, пропустим? – спросил один другого.

- Ни в коем случае, - сказал второй. - Существуют правила, одни для всех. Очередь значит очередь. Сейчас плохо только ему, но если во имя мнимого и нелепого человеколюбия мы станем нарушать правила, то плохо будет всем. Сам ведь виноват – запустил свои зубы до такого состояния.

Из-за двери доносилось лязганье металлических инструментов, жужжание аппаратуры, стоны пациента. Внезапно стон перешел в отчаянный вопль. Старички умолкли и напряженно прислушались.

- Я бы все-таки его пропустил, - сказал первый.

- Если бы ты был впереди меня и пропустил бы его, то я не стал бы возражать. Но ведь ты за мной. Так что если ты его пропустишь, а я нет, то получится, что он прорвется между нами.

Первый старичок снова замер, прислушиваясь. Потом произнес со вздохом:

- Ладно, не пудри мозги. Расскажи лучше анекдот.

- Анекдот... Значит, едет один парень по какому-то делу, опаздывает на встречу, и как назло все парковочные места заняты....

Они начали рассказывать друг другу анекдоты. Галерейщик удивился – старички выдавали анекдоты без увлечения, сухо и серьезно. Ни один из них даже не улыбнулся. На Констанцию они

вообще не глядели, словно его реакция на этот юмор их вовсе не интересовала. Только лишь сестра-регистраторша, сидя совсем рядом за своей конторкой и прислушиваясь к рассказам старичков, время от времени прыскала глухим смешком и глядела на Констанцию. Когда наконец из кабинета доктора вышел пациент, измученный и красный, старички одновременно кивнули галерейщику – ладно уж, идите.

Констанцию вошел в кабинет и немедленно потребовал обезболивающий укол. Молоденькая процедурная медсестра протирала плевательницу, полную крови и каких-то ошметков. Доктор раскладывал в плоской эмалированной миске новые металлические щупы, щипчики, зеркала.

- Сделаем вам укол, не волнуйтесь, - сказал он, приглашая Констанцию в кресло. – Без анестезии не работаем.

- А почему тогда предыдущий пациент так орал?

- Ну во-первых, не так уж он и орал. Вы еще не слышали настоящего ора. А во-вторых, вопил он просто со страху. Больно ему не было ни капли.

- Вам-то откуда знать, было ему больно или нет?

- Уж кому знать, как не мне. Я двадцать с лишним лет дантистом работаю.

Медсестра закончила с плевательницей и, обмахнув ладонью халат, будто чтобы стряхнуть с него пятнышки крови, взяла карточку галерейщика. Взглянув на нее, она бросилась к доктору и зашептала ему на ухо.

- Ах, так вы тот самый господин Констанцию, галерейщик? – с широкой улыбкой спросил доктор, вставляя новое сверло в бормашину. - Откройте-ка рот. Посмотрим... Да, полость рта запущена. Вот дупло. Вот кариес. И вот здесь скоро будет. Что ж вы так, господин галерейщик? На Пикассо замахиваетесь, а зубы гнилые.

- О боже, а вы-то откуда знаете про Пикассо?

- Знаю-знаю. И еще знаю, что для этого вам деньги нужны. Замахнулись высоко, а карман пустой. Откройте рот и не закрывайте. Сейчас сделаю укольчик, не дергайтесь. А деньги у наших жителей есть, денег много, только вот многие виду не показывают. Живут в бедности, виду не подают, что богаты, а доходы копят. Откладывают сбережения. Вот хотя бы госпожа Алисия, учительница рисования. Казалось бы, откуда у нее возьмется

деньги? На уроках особо не разживешься, картины ее даром никому не нужны. А живет она на широкую ногу, в магазинах товар скупает чуть ли не мешками. Откуда у нее доходы?

Казалось, дантист ждет ответа, но Констанцио сидел с распахнутым что есть силы ртом и не мог даже мычать, а докторковырялся у него в зубе металлическим крючком.

- Так вот, я вам скажу откуда. Она устраивает тайные спиритические сеансы для дам. И привлекает для этого соседскую девчонку, Шульц, калеку. Мадмуазель Алисия говорит, что девочка вроде экстрасенса, может видеть будущее. В общем, чем они на этих сеансах занимаются, я точно не знаю, но дамы наши туда ходят толпами, особенно те, что побогаче. Так что советую вам, уважаемый господин Констанцио, обратить внимание на художницу. Думаю, у нее есть кое-какой капитал. Пошире рот откройте, еще, еще, еще шире.

От дантиста Констанцио напрямик направился к Алисии, но чем ближе он подходил к ее дому, тем больше им овладевало непонятное смущение. Он вспомнил, как вчера Алисия предлагала ему «наскрести пару тысяч на выгодное дело». Если дантист не врет, то Констанцио смог бы выудить у нее сумму и побольше, в этом он был почти полностью уверен. Однако брать Алисию в компаньоны, связываться с ней финансовой сделкой ему очень не хотелось. В конце концов галерейщик, не сбавляя шаг, прошел мимо дома художницы и позвонил в двери к Шульцам.

Дверь ему открыл сам Шульц, невысокий, плотный еврей. После того, как галерейщик представился, он радостно взмахнул руками.

- Ах, господин Констанцио! Как хорошо, что вы зашли. Я о вас целый день думаю. Проходите, проходите. Мы как раз ужинаем. Прошу вас, присоединяйтесь к столу.

Шульц провел Констанцио на кухню, где за большим столом сидела семья: жена и четверо детей. Откуда-то из глубины дома доносился плач младенца. Галерейщик увидел Грету. Она, скосочившись, неуклюже примостилась на стуле, правое плечо ее странно торчало вверх. Шульц придвинул еще один стул: «Прощу!»

Констанцио вдруг почувствовал сильный голод и пробормотал: «С удовольствием!», но когда перед ним поставили тарелку с печеночным пирогом, он вдруг вспомнил, что есть ему нельзя.

- Простите, господин Шульц, я совсем забыл. Я только что от зубного, мне два часа есть нельзя.

- Очень жаль, - любезно проговорил Шульц. – Тогда, может быть, рюмочку? Коньяку или настойки? Это только на пользу.

Хозяин подал знак жене, та вытащила из шкафчика графин и рюмки и налила галерейщику. Настойка пахла травами и в самом деле, как говорится, хорошо пошла. Констанцио впервые за прошедшие сутки расслабился и пришел в хорошее настроение.

После ужина они с Шульцем остались на кухне вдвоем.

- Ну что ж, господин Констанцио, я думаю, вы пришли поговорить о выставке Пикассо, не так ли?

- Совершенно верно. Я уже не удивляюсь, что весь город знает об этом деле.

- Мне об этом рассказал Донич, художник. Вы с ним встречались вчера вечером.

- Какой Донич? Это тот пройдоха... тот человек, что пытался всучить мне подделку Пикассо?

- Именно он. Конечно, нам с вами понятно, что это - подделка, но согласитесь, очень хорошая подделка. И насколько мне известно, он не пытался вам ее продать, а просто предлагал выставить в галерее. В этом нет ничего противозаконного. Здесь есть много легальных вариантов. Подумайте, господин Констанцио. Например, такой вариант. Выставить пару подлинных картин и штук шесть копий. Отлично выполненных копий. Можно даже написать где-нибудь, что это копии, выполнены художником Доничем. Думаю, никто не обратит на это внимания. Скажите, уважаемый сеньор, зачем вам эта выставка? С какой целью вы решили привезти в наш городок великого Пикассо? Не отвечайте, я и сам отлично знаю. Во-первых, чтобы приобщить местных жителей к прекрасному, устроить в городе событие, может быть, даже праздник живописи. А во-вторых, немного поправить финансовые дела галереи. Ведь так? И наш вариант с копиями прекрасно соответствует обоим целям, как первой, так и второй.

- Послушайте, господин Шульц, вы все время твердите «мы», «нам»... Вы что же, решили участвовать в этом деле? Нет, я, конечно, очень рад вашему сотрудничеству. Но в каком качестве?

- В качестве спонсора. Если вы согласитесь взять Донича, то я намерен спонсировать все расходы по привлечению на выставку двух подлинных картин. Налить вам еще настойки?

- Да, спасибо. Отличная вещь эта ваша настойка, волшебный аромат. Однако... Извините мою бестактность, но вы имеете представление, сколько это может стоить? Мне говорили, что вы работаете продавцом...

- В антикварной лавке. Не сомневайтесь, я знаю, о чем говорю.

- В антикварной лавке?! А ведь я вчера беседовал с антикваром, владельцем... Как раз предложил ему спонсировать...

- Вот же чёрт... - Шульц нахмурился и стал тереть лоб кончиками пальцев. – Это надо отменить. Позвоните ему. Деликатно сообщите, что уже не нужно...

- Да он пока не дал согласия. Постойте, господин Шульц. По моему, вы чересчур торопитесь. Толкаете телегу перед лошадью, так сказать. Ведь я пока не решил...

- Ну так решайте скорее. Да или нет?

Крепкая настойка на голодный желудок опьянила галерейщика, он разомлел в жарко натопленной кухне. Теперь ему казалось, что предложение Шульца очень заманчиво. Более того, возможно, это самый простой и удобный способ провести выставку. Он задал последний вопрос:

- Господин Шульц, позвольте спросить, а какую выгоду для себя вы видите в этом деле? Процент с прибыли?

- Это само собой. Не процент, а половину, я думаю. Но это не главное. Ведь если все пройдет хорошо, то наше совместное предприятие можно расширить. Вы, я и Дониц, а? У меня деньги и связи, у Доница талант, а у вас общественный статус. Идеальная компания. Но о будущем мы еще успеем поговорить. А сейчас, времени не тратя даром, мы займемся...

- Антикваром! – подхватил Констанцию и громко расхохотался.

Быстро разделавшись с антикваром (он говорил в трубку серьезным тоном, а сам подмигивал и улыбался Шульцу), Констанцию вспомнил о детях.

- А что же мы будем делать с детьми? Их бы тоже следовало отменить, но я уже дал заметку в газету.

Услышав о газете, Шульц опять переменялся в лице. Он потребовал, чтобы Констанцию пересказал заметку как можно точнее.

- Тогда вот что... - сказал Шульц в раздумье. – Детей придется оставить. Может, оно и к лучшему. А что если дети тоже нарисуют копии картин Пикассо?... Нет, это плохая идея. Это чересчур. Как вы говорите, звучит эта цитата про то, что он хотел рисовать как ребенок?

- Я не помню дословно. Смысл в том, что он в детстве уже мог рисовать как маститый художник, но всю жизнь старался научиться рисовать как ребенок.

- Ага. Ну тогда пусть они рисуют как Пикассо – а ля Пикассо. Показать им репродукции, объяснить, в чем смысл такого искусства, дать натуру, несколько натур. Пусть там будет и натюрморт, и портрет, и что-нибудь еще. И мы выберем – вы, господин галерейщик, выберете – несколько работ... Да что там несколько, возьмем по одной от каждого ребенка, чтобы не было завистливых скандалов.

- Отлично, господин Шульц, это хорошая идея. Кстати хочу сказать, что видел картину вашей дочери, Греты. Талантливая девочка. И напоминает технику Пикассо, без преувеличений вам говорю.

- Ну давайте выпьем за успех. – Шульц снова разлил настойку по рюмкам, в графине уже оставалось всего ничего. – Ваше здоровье!

- А с Гретой я не знаю, что и делать, - продолжил он. - Она же, вы видели, калека несчастная. И с детства мы ее жалели, баловали. Особенно жена. А теперь Грета совсем от рук отбилась. С утра до ночи пропадает у Алисии, приходит к полуночи. А как-то раз мне показалось, что она пришла пьяная. Ребенку десять лет всего! И слова ей поперек не скажи, сразу в истерику.

В эту минуту Грета появилась на кухне.

- Хочу воды попить. – Она налила стакан и медленно пила, уставившись на мужчин большими черными глазами.

- Господин Констанцио, - сказала она. – Мадемуазель Алисия просила вас зайти. Я ей сказала, что вы у нас. Так она просила передать, что ждет вас у себя, когда вы с папой дела закончите.

Констанцио вышел от Шульца в прекрасном расположении духа. В целом, все сложилось как нельзя лучше. И главное, как быстро он провернул это дело. Еще вчера лишь смутная идея витала в его голове, а сегодня уже все на мази. Слегка пошатываясь от настойки, припевая веселый мотивчик, он подошел к дому

Алисии и позвонил в дверь. Художница тут же появилась на пороге в странном наряде из каких-то тонких черных накидок. Она затащила его в прихожую и затараторила вполголоса.

- Хорошо, что ты пришел. Я хочу тебе кое-что показать. Думаю, тебе будет интересно. Нет, это не картины, это совсем другое. Знаешь ли, мы с нашими дамами проводим магический сеанс. Смотрим в будущее, материализуем духов из прошлого. Это все очень-очень реально. Проходи, я тебя представляю.

Ну что ж, подумал Констанцию, после такой работы можно посмотреть на духов. Домой идти ему совсем не хотелось, и если возник повод позабавиться...

- Алисия, дружок, пойдем, покажешь мне своих духов. Я сегодня готов ко всяким фокусам и аттракционам. Про детей мы потом поговорим, а сейчас давай духов. Вы их уже вызвали? А выпить у тебя найдется?

- Да, мы пьем шампанское. Но прошу тебя, до конца сеанса не больше одного бокала. Когда все закончится, можешь пить, сколько захочешь, если... будет желание.

Алисия провела его по коридору. Возле самой дальней комнаты она взяла со столика один из бокалов с шампанским, протянула его Констанцию и открыла дверь. В комнате было темно. Посредине стоял стол, накрытый белой скатертью, на нем в два ряда горело около дюжины тонких свечей, но света они почти не давали. За столом сидели женщины, насколько галерейщик мог разобрать в полутьме, большей частью пожилые и старые, хотя кое-где виднелись свежие молодые лица. Констанцию усадили за стол, сидящая рядом упитанная старуха улыбнулась ему золотыми зубами. В дальнем конце стола со свечкой в руках появилась Грета в просторной белой рубаше.

- А вот и наша Гризельда! – сказал Констанцию старухе и громко хихикнул.

Старуха посмотрела на него с легкой досадой и приложила палец ко рту.

Грета босиком залезла на стол, сложила руки со свечкой у груди и стала нараспев читать какую-то молитву на латыни. В конце каждого куплета женщины повторяли за ней последнюю фразу и хором выдыхали: Амэн. Соседка Констанцию шепнула ему: «Нужно произносить «Амэн» вместе со всеми.» На что Констанцию живо отреагировал:

- Я латыни не знаю. Я буду говорить по-нашему – Вот те на!

Констанцио быстро осушил свой бокал и собирался выйти за следующим, но решил все же подождать паузы в представлении. Пока что он осматривал помещение. На боковой стене стеклянная дверь выходила в сад, она была распахнута настежь, из сада доносилось легкое щебетание птиц и запах цветов. Над деревьями блестел молодой месяц. Он пытался рассмотреть лица женщин, но они вдруг задрожали в отсвете свечей, поплыли перед глазами, разрастаясь в огромные бледные плоские морды с шевелящимися губами. Грета взвизгнула короткую фразу на латыни, высокий хор женских голосов пропел ей вслед. Негромко заиграл орган. «Вот те на!» - пропел вслед за ними Констанцио. Встрепанные лица, большие и плоские, как тарелки обернулись к нему и закружились в медленном хороводе, то приближаясь, то удаляясь. Черты лиц тоже не стояли на месте, то наплывали друг на друга, как на портретах Пикассо, то разъезжались по сторонам в виде уродливых театральных масок. Констанцио засмеялся и повторил «Вот те на!», перебивая голосок Греты.

- Сидите тихо! – услышал он шипенье старухи.

Он взглянул на нее. Золотые зубы блестели ярким огнем, глаза начали проваливаться во тьму глазниц, высокая прическа крашенных в рыжий цвет волос поехала набок, превращаясь в вареного омара, шевелящего клешнями. Констанцио поднял ладони к вискам и пошевелил растопыренными пальцами, подражая омару, и дружески ему улынулся. Тогда лицо старухи снова обрело человеческие черты, превратившись при этом в его жену. Брови жены озабоченно сдвинулись и она забормотала:

- Ты здесь пьешь, я волнуюсь, а ты гуляешь, а я одна с бандитами, развелось хулиганов, куда ты пришел, где вы находитесь, ведите себя прилично, мне страшно, тревожно одной ночью, ты совсем пьян, вы совсем пьяны, мужчина, Констанцио, вам надо домой, зачем вы здесь?

Констанцио отмахнулся от видения, уронив бокал, резкий звон эхом раздался по комнате.

- Нельзя было давать ему этот напиток, - прокричал женский голос из угла, и лица снова наплыли на него с шепотом: «Нельзя напиток, нельзя!» Констанцио вдруг вспомнил про шампанское и поднялся, чтобы взять новый бокал. Стул с грохотом упал за его спиной. Комната резко зашаталась, и Констанцио схватился за

край стола, чтобы сохранить равновесие. Из сада подул сквозняком, тени на стенах затрепетали, свечи наклонялись друг к другу и снова распрямлялись, брызжа маленькими огоньками.

- Вот он, явился! – зашептали женщины.

Констанцио увидел в углу темный сгусток крупной человеческой фигуры. Фигура приобретала очертания, из полумрака возникло еле видимое, нечеткое лицо с пышными черными усами. Фигура покачивалась, превращаясь в грузного мужчину, похожего на огромного гризли. Констанцио вдруг заташнило и он решил выйти в сад. Он медленно продвигался, касаясь рукой стены, в комнате витал испуганный женский шепот. Когда он дошел, наконец, до распахнутой двери, в проеме возникла Грета.

- Господин Констанцио, я вижу ваше будущее, вас ждет много интересных событий, вы женитесь на мадемуазель Алисии, будете путешествовать и умрете в Париже за решеткой.

Констанцио, еле сдерживая рвоту, отодвинул девочку рукой, вывалился из комнаты на лужайку, бегом помчался к кустам. После того, как его вывернуло один раз, он поднял голову и увидел усатого человека-гризли, спускающегося к нему по ступенькам из дома. Галерейщику стало вдруг жутко, он подумал, что следует осенить крестом это наваждение, но новый позыв рвоты согнул его пополам. Наконец, полностью освободив желудок, Констанцио с облегчением опустился на траву, закрыл глаза и окончательно забыл, где находится.

Уильям Берроуз

Женщины: биологическая ошибка?⁴

Я отдаю себе отчет в том, что многие считают меня мизогинном. Но, цитируя «Оксфордский словарь», «мизогин - ненавистник женщин». Предполагается, что этим он занимается круглые сутки? Коржибский, основатель Общей Семантики, всегда призывал сузить обобщение: каких именно женщин? Где и когда? Моей английской няни со страниц «Поворота винта»? Она дейст-

⁴ Перевод с английского Ярослава Могутина.

вительно научила меня кое-каким полезным присказкам - «Спо-ткнулся, поскользнулся, покачнулся и упал...» Или старой ирландской ведьмы, обучившей меня заклинать жаб и вызывать слепящего червяка из сгнившего хлеба? Как отдаленно и ностальгично, с душком перегноя и свинарника. Или той матроны из Сент-Луиса, которая сказала, что я - ходячий труп? Да только не всякий труп может ходить; ее не может.

Перейдем к тяжеловескам. *Femme fatale*⁵, во всех ее обличьях. Кали отплясывает мохнаткин водевиль... Белая Богиня пожирает супруга... Ужасная Мать входит в роль... Вавилонская блудница въезжает на черной пантере, вереща: «Придурки! Я выжму из вас все соки». Такого хватит, чтобы мужчина окаменел. Но это лишь поверхностные манифестации, точнее - девочки второго плана: обслуга. После одного взгляда на эту планету любой визи-тер из космоса сказал бы: «позовите начальника!»

Запросто может оказаться, что женщины - биологическая ошибка; я сказал это в «Работе». Но точно так же - и все остальные, кого я вижу вокруг. Динозавры тоже оказались ошибкой, но что такое несколько сот миллионов лет, чуть больше или меньше, для такого благородного эксперимента? А сейчас, когда смер-тельный круговорот перенаселения, загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов, радиоактивности и кон-фликтов разрастается до катаклизма под лозунгом *sauve-qui-peut*⁶, - сознательные граждане задаются вопросом, не ошибкой ли было выпускать в забег племенных все человеческое племя. Затем возникает такой вопрос: чья это ошибка, ибо ошибки предпо-лагают умысел, а я убежден, что ничего в этом мире не происходит без чьей-то на то воли или умысла.

Было бы самонадеянно, если не сказать нагло, утверждать, что Создатель схалтурил, поскольку халтура с нашей точки зре-ния может быть хорошей работой с его, ее или их точки зрения. История этой планеты - история идиотизма, подчеркнутого не-сколькими дебилами, которые выделились как относительные гении. Рассматривая человеческий организм как намеренный ар-тефакт Создателя, мы, стало быть, можем более-менее разобратъ-ся - где мы и что мы. На сегодняшний день ни один супергений

⁵ Роковая женщина (фр.).

⁶ Спасайся кто может (фр.).

не сумел даже приблизиться к так называемым нормальным умственным способностям, потребным для возможного функционирования человеческого артефакта.

- Посмотрите на этот артефакт, - инструктор берет ружье с кремневым замком. - Что с ним не так? Много чего. Ему еще предстоит долгий путь. I Берет современную автоматическую винтовку. I Теперь мы приближаемся к пределу эффективности стрелкового оружия, выталкивающего пулю подрывом заряда. Теперь посмотрим на этот артефакт. I Он берет в руки клетку, в которой рычит ласка. I Что не так с этим артефактом? Ничего. Он ограничен, но в пределах своих задач и структуры функционирует совсем неплохо...

Посмотрите на человеческий артефакт. Что с ним не так? Да почти все. Вот вам биологический вид, который может жить на морском берегу, смотреть на корабли, приходящие день за днем, год за годом, и все равно верить, что Земля плоская, потому что так учит церковь; вид, способный пятьсот лет пулять ядра, и только потом в его бесплодной почве расцветет мысль, что пушечное ядро может взрываться при контакте... Я мог бы продолжать до бесконечности. Так почему же человеческий артефакт так задержался со своим кремневым замком? Я выдвигаю теорию, что мы не были созданы для нашего нынешнего состояния, - так же как головастик не создан для того, чтобы оставаться головастиком навсегда.

Человеческий организм находится в неотении. Этот биологический термин применяется к организму, заиклившимся на том, что обычно является личиночной или переходной фазой. Как правило, саламандра начинает свой жизненный цикл в воде с жабрами, затем жабры атрофируются, и у животного появляются легкие. Хотя некоторые саламандры никогда не расстаются с жабрами и не выходят из воды. Они пребывают в неотении. Возьмем, к примеру, аксолотля, найденного в Мексике. Ученые, растроганные плачевным состоянием прекрасного существа, сделали ему инъекцию гормонов, дабы помочь избавиться от жабр и выйти из воды после многовековой неотении. Наверное, слишком самонадеянно будет рассчитывать, что одна простая инъекция способна вытряхнуть человеческий род из его задержанной эволюции. Но при каких бы обстоятельствах не произошла эта перемена, она будет необратима. Аксолотль, утративший жабры, ни-

когда не сможет их вернуть. Похоже, эволюция - дорога с односторонним движением.

Что же до ступеней эволюции, возникает ощущение, будто живое существо на них как-то хитро заманили. Вот рыба, способная пережить засуху, потому что у нее появились ноги и зачатки легких. Рыбе подавай одно - добраться от одного источника воды к другому. Но избавившись от жабр, она останется неразлучна со своими легкими отныне и навсегда. Таким образом, рыба совершила эволюционный шаг вперед. Искала воду, а обрела воздух.

Возможно, для человеческого племени шаг вперед будет сделан так же. Астронавт не ищет пространство, он ищет больше времени - таким образом уравнивая пространство и время. Вся космическая программа - просто-напросто попытка перевезти наши безвыходные временные тупики куда-то еще. Хотя, как таходячая рыба, в поисках времени мы вместо этого, возможно, обречем пространство и потом обнаружим, что пути назад нет.

Такой эволюционный шаг повлек бы за собой изменения, буквально невообразимые с нашей нынешней точки зрения. Является ли разделение полов произвольным ухищрением, дабы не отказываться от заведомо невыполнимой договоренности? Повлечет ли следующий шаг слияние полов в один организм? И какова будет природа этого организма? Как Коржибский всегда говорил, «я не знаю; посмотрим». Или глупо ожидать, что эта выброшенная на берег рыба - человеческое племя - во имя эволюции задумается о чем-то немислимом?

orhion

Так ведь и я тоже любил

История любви

Так ведь и я тоже любил
давно
лет десять назад
когда ещё был жив и молод
я любил девушку
Я всюду следовал за ней
но ей никак не удавалось заметить меня

Однажды мы возвращались домой
она впереди
а я в двадцати шагах
Мы возвращались со школьной вечеринки
я смотрел на её прекрасную
неземную фигуру
я следил за её божественной головкой
но она всё равно не знала обо мне
Мы шли вдвоём по пустой улице
Впереди
из закоулка появились фигуры
пятёрка мужчин преградила ей дорогу
они схватили её и затащили к себе в переулок
Я подбежал и спрятался за мусорным баком
Они сорвали с неё это эфирное платье
они обнажили её тело похожее на небеса
они мяли и разрывали его как бумагу
один за другим они сдирали с неё иллюзию
И когда очередь дошла до пятого
она всё продолжала кричать

"Нет! Пожалуйста! Не надо! Прошу вас, нет!"

"Ну нет, так нет"

пожал плечами последний мужчина
Он подтянул штаны и вышел на улицу
так живо шутя
так быстро забыв о ней
Я посмотрел на то
что осталось от моей мечты
там не было ничего интересного
ничего особенного

И я вышел следом за теми мужчинами
так же улыбаясь тому как я раскусил её

Дарофил

Больше всего в жизни я люблю бросать камни в людей. Когда мои дети разбивают им лица, люди почему-то никогда не смеются. Они настолько глупы, что не понимают какое счастье дарю я им. Но зато они всегда так смешно взвизгивают когда лишаются лица.

1

Вот по дороге идет человек. Он погружен в свои мелкие проблемы и безысходные заботы. Он задумчив, отрешен и несчастен. Но в этот момент подбегаю я и сплюсчиваю его нос под кирпичом. Он кричит, истекает кровью и слюной. Он бежит за мной. Я же смеюсь, прыгаю и бью нога об ногу в воздухе от радости за него. Я кружусь под облаками, показываю ему язык, намекая на все, что мне известно. И каждое мое па он озвучивает хриплыми проклятиями, яростным воплем. Он бежит, спотыкается, падает. Он воеет, размахивает руками, будто силится поймать нечто громоздкое в наконец увиденном им воздухе. Все лицо его залито кровью, весь воротник забрызган слюной, но глаза блестят, на губах нет и тени уныния, все движения каждого мускула наполнены единой искренней целью. За поворотом я жду его с распростертыми руками, улыбкой и душой, чтобы поздравить с успехом. Он влетает в меня на полном ходу, как ребенок мечтающий

проникнуть обратно в утробу матери. Мы скрепляем свои неразлучные объятия, и он обрушивает их мне в челюсть. Все естество его врезается в мою правую скулу. Он так возбужден, что, не останавливаясь, не отдыхая, бьет меня без разбору, схватив за волосы, стучит моей головой, как баскетбольным мячом, по асфальту. Он неподражаем. Он неповторим. Я вижу: он достиг пика своей радости. Мой рот заливают теплая волна любви к его совершенству. Я достаю нож и, пока он в упоении выковыривает мне глаз, перерезаю ему горло, чтобы больше никогда это существо не смогло забыть своего в е л и к о г о счастья.

2

Камень летит. Камень ныряет в детскую коляску, как в лунку для гольфа. Вопль, извергаемый ею плевком в лицо родителям, мгновенно захлебывается и улетает вслед за камнем в вечное небытие. Лица рабов безропотно следующих за коляской, просветляются, одухотворяются поиском. Руки их взлетают вверх, словно вольные птицы, порвав, наконец, путы приковавшие их к жерди, заставляющие их всегда и всюду везти перед собой все свои тревоги и проблемы.

Камень летит. Вы не можете себе представить как приятно иногда размозжить череп какой-нибудь старушенции, чтобы у нее мозги в пятки ушли. Такая истома берет, таким розовым, даже алым, кажется весь мир от одной только мысли, что я - именно я один - лишил ее страданий. Но я не горделив: я бросаю еще и еще, без устали.

Но больше всего мне нравится метать камни в женщин, поглощенных своей работой, то есть - мужчиной. Только на одно мгновение камень отбрасывает тень на солнце. И на следующее даже не успеваешь закрыть глаза, скромно пряча их от наслаждения и славы, как женщина лишается своей последней мысли, единственной заботы - своего тела. Зубы рассыпаются в крошку, коленная чашечка разбивается вдребезги, челюсть меняется местами с ушами. Просто прелесть!

У меня есть одна заветная мечта. И эта светлая мечта - взорвать мир. Помогите мне с взрывчаткой, помогите мне пока хотя бы взорвать дом. И тогда вы увидите перед собой не только са-

мого счастливого человека на свете - меня, но и, частично, сотни других разрываемых радостью людей.

Невинность

Из подъезда тысячаглазого дома выпорхнула, словно пар в морозное утро меж улыбающихся губ, маленькая девочка. По ее, простому как ракушка, личику скользила тень наивной таинственности. На вид ей было не больше десяти лет. Скромное розовое, еще совсем детское, платьице игриво перебрасывалось нарисованными цветами, плывшими по волнам складок, от пышно-облачного лица к фарфору ног и рук. Улица вальсировала под звон неведомых гудков и листьев, хлопающих от счастья своими ладонями по веткам. Глупые прохожие и не подозревали, что они, хмуро шагая то в ряд, то искривляясь, как хвост ящерицы, то закругляясь в цирковые спирали, на самом деле лишь отплясывают па бесконечного танца каменной аллейки. А сверху им подмигивал огромный голубой глаз белокурого бога с огненным зрачком. Солнце пронзило небо отверстием извергнутой оси мира. Напыщенно выпятив вперед свою блестящую медалями и другими значками грудь, оно замерло, горделиво усевшись в зените. А со всех сторон к нему тихонько подползали грустные моллюски, расписавшие небо голубым шелком. Многие хотели взглянуть, хоть краешком глаза, на блестящие зубы улыбающегося солнца, но лучи его, как рыболовные крючки, подхватывали взгляды этих любопытных и надкусывали на них моментальную царапинку ослепления. Многие пытались посмотреть на него, но никто не знал, что солнце - это лишь малая щель, через которую, словно глазок в двери, животворящие лучи рая, спрятавшегося по ту сторону небосклона, проскальзывают на темную Землю. Представлялось, что это приятное, еще не удушающее, тепло, спелонавшее прохожих точно одеяло в зимний вечер, исходит от всего молочно-голубого бескрайнего неба. Ряды деревьев стеной встали возле шоссе, взгромоздившись на свои коричневые копыта, чтобы следить за поведением железных кентавров. Опасности бояться нечего, стражники стоят высоко и не пропустят ни малейшей атаки, от косоглазых чудовищ, с жутким рыком мечущихся друг за другом, как беременные хомяки, в своем нарисо-

ванном мире. Где-то на втором-третьем этаже жилого пятиэтажного дома неожиданно зазвучала музыка. Вместе с растрепанной прической, рассыпавшейся по всей стене ветками вихрастого плюща, она окрасила застенчивые стены в ореол развалин средневекового замка. Жизнерадостная ария Папагено из светлой оперы "Волшебная флейта" вдохнула жизнь в бесцветные кирпичи, в карнизы, развесившие дождевые разводы своих бессонных глазных мешков. Представилось, что это поет сама припудренная штукатуркой стена, старательно выдувая высокие ноты через усы водосточных труб. И хотя песня была про птицелова, пернатые, попав в его музыкальные сети, встрепенулись и, взлетев, подобно кисти гениального художника, вывели последние штрихи на радужном полотне этого идеального дня, похожего на хоровод воздушных шаров и змеев в безоблачном праздничном небе в парке за рекой.

Старательно выводя меж двух весенних снежников щек коварную улыбку, девочка прятала, примостившегося на ладони, котенка. Видно, он совсем недавно решился распахнуть створки своих жадно заглатывающих впечатления глаз. Девочка нежно прижимала этот теплый комочек к большому, старинной ручной работы, серебряному кресту, натиравшему ее тонкую шейку. Она, верно, хотела слить эти два самых любимых предмета в ее жизни сегодняшнего дня в единый стук прыгающего, как на скакалке, сердца. Этот крест подарили ей на день рождения родители-квакеры взамен маленького детского, который она, как память о вечном таинстве крещения, повесила над алюминиевым изголовьем своей струнной кровати. Девочка не ведала о существовании большого мира, по правде сказать, она даже не верила, что Земля действительно круглая и на ней едят и спят еще шесть миллиардов человек, кроме жителей ее родного города. Воспитанная в пацифистской, фанатично религиозной, вегетарианской семье, активно участвующей во всевозможных собраниях и акциях по защите кого бы то ни было, девочка и представить себе не могла как выглядят и для чего совершаются акты насилия, убийств, драк, ничего не знала о войнах и агрессии мира. Но вот настал момент, когда все попытки родителей оттянуть момент вхождения дочери в свет, оборвались и обрушились на них просьбами, вопросами и требованиями знать все. Усердно возведенная ими сахарная стена, растаяла и им ничего не оставалось

как только благословить дочь на счастливое прохождение чужестранного пути нового этапа ее прекрасной, как песнь свирели, жизни. И первым шагом на порог освоения этой огромной злой планеты было новое для нее ощущение абсолютной свободы во время одинокой прогулки.

Эта умирительная пара любовалась солнцем, небом, деревьями, улицей - всем, и все любовались ими. Именно это существо представлялось островком добра, чистоты и сострадания в озлобленном обществе. По дороге она спасла нескольких насекомых от участи быть раздавленными; любовалась, не срывая, растениями. Солнце светило, дети играли - все было прекрасно и идеально в своей простоте, и почему-то в душе роилась уверенность, что не может в такой день произойти ничего плохого, как-то абсурдно смотрелось бы черное пятно, на такой яркой и красочной картине.

Напевая любимую религиозную песенку, девочка подошла к границе своего мира - шоссе. Возле самой липко-черной ленты бугристого, словно спина жабы, асфальта образовалось небольшое болотце. А в центре этой вечной лужи восседал, распутив, словно мантию, свои пушистые побеги с мячиками на концах, симпатичный полевой цветок. Прекрасное создание в каменной пустыне, как же похожи друг на друга эти два ростка: ребенок и растение, два луча света исходящего откуда-то изнутри, с изнанки пространства, из центра времени. И эту картину не омрачило даже незаметное перевоплощение "полевого цветка" в, неизвестно каким чудом очутившуюся в центре города, росянку. Девочка замерла возле него, медленно опустила на бордюр и выпустила из рук котенка. Она поглощена цветком, ничего - почти ничего - на Земле не в силах отвлечь ее от созерцания этого хищного растения. Она забыла обо всем: о котенке, лежащем рядом с нею на асфальте, о солнце, освещающем нескончаемую галактику кленовой аллеи, птицах, насекомых - обо всей планете - этот цветкок-убийца впивается и проглатывает ее взгляд, ее внимание и любопытство.

Все произошло в два мгновения: молодая кошка, обиженная предательством, съедаемая ревностью и одиночеством, неожиданно прыгнула на дорогу, на которую в это же мгновение, из-за рычащего поворота, вылетела машина. Девочка, ничего не понимая и не чувствуя, бросилась спасать животное. Разогнавшийся

до сверхзвуковой скорости водитель, лишь взвизгнув на прощание тормозами, среагировать никак не успевал. Квакерский Бог уже, наверное, потирал руки, предчувствуя поступление новой, идеально чистой, детской души. Но переходивший в это же время с противоположной стороны дорогу прохожий, проявив сверхчеловеческую реакцию, разочаровал Всемогущего и леопардовым броском спас неразумное создание, вытолкнув ребенка на тротуар. Но за этот героический поступок он поплатился своей жизнью - смертоносная машина довольствовалась им, выбросив огрызки тела рядом с невредимым ребенком. Не чувствуя боли, девочка вскочила на ноги и подбежала к человеку спасшему ее. Он лежал лицом вниз, в позе настолько естественной, что издали его можно было бы принять за спящего, разбитого жизнью, человека. Только лужа крови, растворяющая черепашью мозаику плит вокруг мужчины, да смятые очертания тела свидетельствовали о реальности происшедшего. Водитель, ударившись о руль, потерял сознание. Девочка присела возле спасителя, из его груди раздался предсмертный хрип, ребенок отшатнулся, осмотрелся вокруг: на этой заброшенной аллее вокруг никого не оказалось. Она снова обернулась, да так резко, что, если кто-нибудь увидел ее в это мгновение, то ему, вероятно, показалось бы, что потрясение настолько сильно охватило молодое создание, что девочка хочет только одного: схватить это огромное тело и бежать, бежать с ним к людям, которые непременно помогут ей, спасут этого господина - не могут не спасти, ведь она этого так хочет. Но нет, не эти мысли мелькали в ее светлой головке. Еще раз недоверчиво прищурившись на бьющегося в агонии человека, она, наконец, сделала последний шаг к нему и, выдавив на светлом личике тяжелое усилие и не менее глубокое отвращение, отодвинула его тело ногами. И тут же, будто решив исправить за некрасивый поступок, настолько резко наклонилась к нему, что едва не упала сверху на тело, укрыв его в своих объятиях. Нет, ей удалось удержать расстояние, девочка лишь схватила с земли некий предмет, прижала его к груди и уже через мгновение засмеялась, обрадовавшись, что животное - кошка - не пострадало. На прощание же она еще три раза пнула грязной подошвой сандалии уже бездыханное тело и со всей, не детской и не поддающейся разумению, злобой наступила на ладонь - ладонь, давшую ей вторую жизнь. Напоследок, обернувшись и убедившись, что никто

из всех живущих на Земле людей этой сцены не видел, девочка, не отягощаясь никакими чувствами и эмоциями, побежала прочь, на другую улицу.

А уже через минуту она, увидев яркую бабочку, забыла об этом отвратительном господине и больше никогда не вспоминала обо всем неприятном происшествии. И на обратной дороге они любовались всем миром и весь мир любовался ими, и казалось, что не может на Земле быть что-либо чище, прекраснее и милосерднее этой пары.

extremum

Алексей Лапшин Мужское/женское

Мне предложили написать статью о мизогинии. Это не очень приятно, как-то по-змеиному звучащее на русском языке слово означает ненависть к женщинам. Причем ненависть эту могут испытывать представители не только мужского, но и женского пола. Так утверждает современная психология, которой мы, однако, вовсе не обязаны верить на слово. Я и не верю. Берусь утверждать, что мизогинии в чистом виде не существует. Для меня она неотделима от мизантропии. Нельзя ненавидеть женщин и одновременно позитивно относиться к мужчинам. Представители полов слишком тесно связаны друг с другом. Есть, конечно, случаи повышенной агрессивности к женщинам, они бывают небезынтересными, но это уже область патологии. Возможны и приступы острой неприязни к "слабому" полу, вызванные жизненными обстоятельствами, но это явление проходящее. Говорить же о мизогинии как о состоянии постоянно влияющем на человеческую психику мне представляется неверным. Разумеется, это не значит, что конфликт мужского и женского начал - миф, созданный мрачными философами и психиатрами. Существуют глубинные различия на уровне архетипов, которые видимо всегда будут являться причиной повышенного драматизма пространства Эроса. Об этом мы и будем здесь размышлять.

Коснемся немного проблемы формирования отношений между полами. Интересные рассуждения на эту тему есть у Юлиуса Эволы. Приведу довольно обширную цитату из его книги "Лук и булава".

В реальности существует столь же мало "абсолютных" мужчин и женщин, сколько в реальной природе абстрактных треугольников, абсолютно соответствующих геометрическому описанию. Как правило, мы имеем дело с существ-

вами, в которых преобладает мужское (таких людей мы называем "мужчины") или женское качество ("женщины"), к которому почти всегда в той или иной степени примешано качество противоположное. Основной закон сексуальной притягательности, предугадываемый ещё Платоном и Шопенгауэром и позднее более точно сформулированный Вайнингером, гласит, что в своих наиболее типичных формах она возникает как результат встречи мужчины и женщины, чья мужская и женская составляющая в сумме дают абсолютного мужчину и абсолютную женщину. Мужчина, обладающий на три четверти мужским началом и на одну четверть женским, испытывает непреодолимое магнетическое притяжение к женщине, у которой соотношение женского и мужского начала составляет соответственно три четверти и одну четверть, поскольку их сумма как раз и даёт абсолютную женщину и абсолютного мужчину, которые образуют единство. Этот закон имеет силу для любых проявлений сильного, глубинного, "стихийного" эротического влечения между противоположными полами, но не работает применительно к ослабленным и уплощённым буржуазным формам сексуальности или чисто "идеальным" и "сентиментальным" проявлениям любви.

Несмотря на некоторую механистичность, структура отношений, описанная в этом фрагменте, выглядит вполне основательно. Действительно, чисто мужские или чисто женские сексуальные типы встречаются крайне редко. Скорее всего, сегодня их не существует вовсе. Наверняка процентное соотношение мужского и женского начал играет важную роль при сексуальном сближении полов. Однако Эвола исходил из того, что секс в идеальном случае должен привести к единству мужчины и женщины. Естественно, он имел в виду единство внутреннее, духовное. Вопрос в том, так ли уж необходимо это единство.

Упомянутый и очень ценимый Эволой Отто Вайнингер в книге "Пол и характер" писал: "Ж только сексуальна, М тоже сексуален и ещё кое-что сверх этого". Отсутствие в женщине более высокого начала, чем сексуальность, по мнению Вайнингера, делает пропасть между ней и мужчиной непреодолимой. Книга "Пол и характер", пожалуй, самое яркое проявление неприятия

феминной природы в философской литературе последних столетий. Женщина предстаёт в ней аморальным существом без индивидуальности, лишённым души и воли, не способным ни к мышлению, ни к настоящим чувствам. В конце своего труда Вайнинггер приходит к радикальному выводу о том, что половой акт противоречит идее человечества, так как женщина в нём хочет являться всего лишь объектом, а мужчина видит в ней только вещь. Вскоре после публикации своей книги (1902 г.), вызвавшей споры, не утихающие по сей день, двадцатитрёхлетний Вайнинггер застрелился. Эффектная и логичная смерть для такого философа.

Конечно же автор "Пола и характера" читал "Крейцерову сонату" Толстого. И для русского классика, и для юного австрийского мыслителя сексуальные отношения есть чистое потребление постепенно ведущее мужчину и женщину к взаимной враждебности. История интеллигента Позднышева, зарезавшего в припадке ярости свою многодетную жену - беспощадный приговор союзу, основанному на обычаях (человеку необходимы семья и дети), поверхностных чувствах, эмоциях и сентиментах. Вспомним сюжет "Сонаты". Далеко неглупый молодой мужчина уже имеющий богатый сексуальный опыт, когда "подходит срок" с честными намерениями женится на вполне привлекательной, хотя и немного капризной девушке. Первоначальная влюблённость или её иллюзия стирается временем. Годы идут, Позднышевы размножаются, а отчуждение становится всё сильнее. И без того натянутые отношения усугубляются новой "чистенькой" любовью жены, вызывающей бешеную ревность мужа. Здесь как раз и проявляется внутреннее противоречие подобных отношений. Хотя Позднышев уже давно презирует свою жену как личность, стремление по-прежнему обладать ею как собственностью не даёт ему покоя, доводит до крайней степени нервного возбуждения. Развязкой становится убийство.

Что мы можем извлечь из этого сюжета в рамках эротической темы? В сущности Толстой предвосхитил выводы Вайнинггера. Мужчина в сексуальных отношениях видит в женщине свою вещь, женщина желает в этих отношениях быть объектом. Проблема в том, что женщина объект ускользающий. Недаром в традиции женское начало ассоциируется с водой. "Слова, что нам дева шепнула, Можно на ветре писать, Да на бегущей волне" - изящно выразился Катулл. Пытаясь выступать в роли собствен-

ника этой "воды", мужчина сам себя обрекает на травму. Большинство союзов, и семейных, и внебрачных с небольшими нюансами построены на тех же шатких основах, что и у Позднышевых. Теоретически любой из них может закончиться такой же трагедией. Правда, далеко не у каждого нынешнего мужчины хватит духа даже в ярости, чтобы убить. Нормой считается существование таких союзов в "замороженном" состоянии или же их распад. За всеми аналогичными отношениями просматривается одна и та же схема. Соединившись под влиянием чувственности иногда даже помноженной на иллюзорную близость интересов, люди постепенно начинают открывать, что на самом деле внутренне чужды друг другу. Живя вместе, они всё сильнее ощущают своё одиночество, хотя внешне поддерживают вид благополучия. Более развитые пары это осознают и рефлексируют, менее развитые - пребывают в тупом озлоблении.

В действительности, и Толстой, и Вайнингер, да и множество других авторов преувеличивали значение сексуального влечения при образовании союзов. В массе случаев соединение людей происходит совершенно случайно. "Заброшенные" в этот мир существа, не знающие цели, встречаются в лабиринте жизни. Вполне могла бы произойти и совсем другая встреча. Огромное количество поступков человек совершает механически. В первую очередь это касается его социального бытия. Так называемые общественные связи, работа, друзья, семьи, если присмотреться чуть-чуть повнимательнее - суть пустота. Удача, когда это бывает не так. То же самое можно сказать и о сексуальных встречах. Очень часто чувство ревности вызвано не каким-то особым влечением, а страхом потери определённого статуса в глазах других. То есть секс может быть отражением социального самоутверждения. Мужчины из "низов", как правило, испытывают дополнительное возбуждение, если им вдруг приходится "падать в любовь" с женщиной гораздо более высокого положения. Примерно то же "победное" ощущение испытывают богатые уродцы покупающие красоту. И в одном, и в другом случае это в значительной степени компенсирует неравенства. Женские чувства в этом отношении в определённом смысле сложнее. Им скорее свойственно разделение социального и эротического. Многочисленные охотницы за "богатыми и знаменитыми" четко осознают это разделение. Ведь охотятся они не за наслаждением, а за престижным

положением в обществе. Тем не менее, на уровне общей массы замужняя женщина обычно смотрит на незамужнюю свысока, поскольку считает себя более "реализованной". Таково влияние социализации на женскую психику.

Мишель Фуко в своей "Истории сексуальности" верно связывал секс с властью. Стоит добавить, что сегодня связь эротической и социальной сторон жизни как никогда очевидна. Сексуальность, причём в трактовке всевозможных пошляков, стала открыто оцениваться по социальным стандартам, точнее стандартам "успешности". "Успех" приравнен к сексуальности. Для власти подобные интерпретации служат надёжным средством контроля над людьми. Не зря СМИ уделяют сексу столь много внимания. Особенность ситуации в том, что вся эта пропаганда сопровождается не пробуждением энергии полов, а их вырождением. Культ потребления, проникший практически во все сферы жизни, существенно ослабил мужские позиции и изменил позиции женские. Чтобы чувствовать себя "полноценным" в сложившемся обществе, мужчина вынужден фактически превратиться в слугу женщины. Он и превращается, хотя преимущественно и не отдаёт себе в этом отчёт. Если перенестись на уровень метафизики, то речь идёт о подчинении и служении изменчивому, ускользающему материальному миру, который соответствует сути женского начала. В социальном же контексте мужчина тратит свою энергию, способности, волю главным образом для того, чтобы обеспечить бытие женщины. Безусловно, такие отношения существовали и раньше, но именно при расцвете культа потребления они приобрели глобальный характер. Вместо того, чтобы оплодотворять, творчески преобразовывать материю, мужчина превращается в её импотентного раба. Стремление к господству, свойственное мужскому началу, сыграло с сильным полом злую шутку. Мужчина попал в ловушку вещей. С другой стороны, ослабло и чувство идентификации у женщины. Дефицит в мире творческого, организующего принципа делает женскую природу более хаотичной и неопределённой.

Такие отношения половых психотипов - явная дисгармония. Доминируют "уплощённые" формы сексуальности, при которых закон соответствия, описанный Эволюй в процитированном выше тексте, не работает. Но повторю ещё раз: так ли необходимо пусть даже временное слияние мужского и женского принципов,

которое часто принимается за идеал? Серьёзные сомнения вызывает пантеистическая подоплёка этого слияния, растворение творящего субъекта - мужчины в принимающем объекте - женщине. (Думаю, понятно, что разговор о вещах иного порядка, чем телесные связи.) Избежать такого растворения можно лишь при ясно осознаваемом проведении границы между собой и другим (другой). Я не ты, ты не я. Мы всегда отдельные существа на этой планете. Истинное сближение это не вбирание в себя недостающей четверти или половины, так или иначе основанное на подчинении, а бескорыстное принятие в свою жизнь жизни иной.

Отто Вайнингер Пол и характер⁷

Вопрос заключается в следующем: как должен мужчина относиться к женщине? Должен ли он относиться к ней, как она сама того хочет, или как предписывает ему нравственная идея? Если он должен относиться к ней так, как она этого хочет, то он должен искать полового акта с ней, ибо она хочет полового акта, он должен бить ее, ибо она хочет быть битой, должен гипнотизировать ее, ибо она любит находиться под действием гипноза, он должен далее с изящной галантностью дать ей понять, как низко он ее ставит, ибо она любит только комплименты, ибо она не хочет, чтобы кто-нибудь уважал ее, как таковую. Если же он хочет обращаться с ней так, как повелевает нравственная идея, то он прежде всего должен искать и уважать в ней человека. Правда, Ж является функцией М, функцией, которую он может сотворить и уничтожить. Сами женщины только того и желают, чтобы быть этой функцией и ничем иным. Говорят, что индийские вдовы охотно и даже с некоторой убежденностью идут на самосожжение, что они даже стремятся к этой смерти. Тем не менее этот обычай является образцом отъявленнейшего варварства.

⁷ Отрывки из книги.

С эмансипацией женщин дело обстоит так же, как и с эмансипацией евреев и негров. Если с этими народами обращались, как с рабами, если их повсюду очень низко ставили, то виною всему этому бесспорно являются их собственные рабские наклонности, они лишены той сильной потребности в свободе, какая свойственна индогерманцам. Если в настоящее время белые в Америке постигли ту мысль, что им необходимо обособиться от негров, так как последние делают очень скверное и недостойное употребление из своей свободы, то все же в войне северных штатов с федеративными, в войне, которая дала свободу черным, право было на стороне первых. Хотя в еврее, а еще больше в негре, и еще значительно больше в женщине человеческие склонности подавлены огромным количеством аморальных влечений, так что борьба его за человечность сопряжена с гораздо большими трудностями, чем борьба арийца, все же человек должен уважать свой последний, даже самый незначительный остаток человечности, он должен преклоняться перед идеей человечества - не идеей человеческого общества, а идеей бытия, души, как некоторой части сверхчувственного мира. Никто, кроме закона, не смеет поднять руку на самого опустившегося, закоренелого преступника. Никто не вправе его линчевать.

Проблема женщины и проблема еврейства совершенно тождественны с проблемой рабства, и должны быть разрешены так же, как и последняя. Никто не должен быть поработен, хотя бы раб и хорошо чувствовал себя в своих оковах. У домашнего животного, которым я пользуюсь для своих целей, я не отнимаю никакой свободы, так как у него никогда никакой свободы и не было. В женщине же все еще таится слабое чувство беспомощности, безысходности, какой-то последний, хотя и очень плачевный след умопостигаемой свободы. Это наблюдается, вероятно, потому, что нет абсолютной женщины. Женщины все же люди и к ним следует относиться, как к таковым, хотя бы они этого никогда не хотели. Женщина и мужчина имеют одинаковые права.

Из этого еще нельзя вывести, что женщинам надо открыть доступ и к политическому могуществу. С утилитарной точки зрения мы пока, а, может быть, и никогда не советовали бы людям сделать эту уступку. Новая Зеландия – эта страна, где этиче-

ский принцип стоял на такой высоте, что женщин решили наделить избирательным правом, в настоящее время является свидетельницей самых безотрадных явлений. Ведь никто не сомневается в справедливости той меры, что дети, слабоумные, преступники устраняются от всякого воздействия на ход общественных дел, хотя бы они по какой-нибудь случайности и достигли численного равенства или даже большинства. Совершенно также следует до поры до времени держать и женщину в стороне от всего того, что может потерпеть ущерб от одного только прикосновения женской руки. Как результаты науки совершенно независимы от того, согласны ли с ними люди или нет, точно так же вопрос о праве и бесправии женщины может быть разрешен и без ее участия. При этом они не должны опасаться, что их как-нибудь обделят, если, конечно, соответствующее законоположение будет определяться принципами права, а не силы.

Право само по себе совершенно одинаково для мужчины и для женщины. Никто не вправе запретить что-нибудь женщине под тем предлогом, что это "неженственно". И глубокого презрения достоин тот приговор, который оправдывает мужчину, убившего свою неверную жену, как будто она и юридически является его вещью. Женщину следует рассматривать как единственное существо и согласно идее свободы, а не как родовое существо, не по критерию, взятому из эмпирического мира и из мужской потребности любви, хотя бы она сама и не достойна была возведения на такую высоту.

Вот почему эта книга есть величайшая честь, которая когда-либо была оказана женщинам. И для мужчины остается одно только нравственное отношение к женщине; не сексуальность и не любовь - так как обе пользуются женщиной, как средством для посторонних целей, а попытка понять ее. Большинство людей предпочитают теоретически уважать женщину с тем, чтобы практически глубже презирать женщин. Здесь же приведено обратное отношение. Женщина не может удостоиться высокой оценки, но "женщин" нельзя а priori раз и навсегда лишить права на уважение со стороны других людей.

<...>

Но мужчина только тогда окажется в состоянии уважать женщину, когда она сама оставит свое желание служить объектом и материей для мужчины, когда она начнет стремиться к истинной эмансипации женщины, а не к эмансипации проститутки. Еще до сих пор не было откровенно сказано, где следует искать корень рабской покорности женщины: в державной, боготворяемой власти над ней фаллоса мужнины. Поэтому искренне желали эмансипации женщины только мужчины, не особенно сексуальные, не слишком эротические, не очень пронизательные, но благородные, воодушевленные идеей права "в этом не может быть никакого сомнения. Я не хочу щадить эротические мотивы мужчины, не хочу умалять его антипатию к "эмансипированной женщине". Легче дать себя вознести, как Гете, чем одинаково возвышаться, постоянно возвышаться, подобно Канту. Но очень многое, что рассматривается как враждебное отношение к эмансипации со стороны мужчины, является лишь выражением недоверия и сомнения в ее осуществимости. Мужчина хочет не женщину-рабыню: он очень часто ищет в ней подругу, которая его понимала бы.

Воспитание, которое получает в настоящее время женщина, является далеко несоответствующей школой, чтобы легче подготовить ее к решению - победить в себе свою истинную несвободу. Последним средством материнской педагогики является угроза дочери, которая в чем-нибудь не слушается ее, что она не получит мужа. Воспитание, которое выпадает на долю женщины, направлено исключительно на сводничество, удачное осуществление которого венчает ее короной. На мужчину подобные влияние производят очень слабое действие; женщина же, благодаря такому воспитанию, еще более укрепляется в своей женственности, несамостоятельности, несвободе.

Воспитание женщины следует вырвать из рук женщины, воспитание же всего человечества - из рук матери.

Это первая предпосылка, которая должна быть осуществлена с тем, чтобы подчинить женщину идее человечества, идее, которой она сама с самого начала противодействовала.

Женщина, которая действительно отреклась бы, которая искала бы спокойствия в самой себе - такая женщина прекратила бы свое существование, как таковая. Она перестала бы быть

женщиной. К внешнему крещению она присоединила бы и внутреннее.

Может ли это случиться?

Нет абсолютной женщины - и все же утвердительный ответ на этот вопрос кажется нам утверждением какого-то чуда.

От такой эмансипации женщина счастливее не станет: блаженство она ей не может обещать, а до Бога все еще далека дорога. Ни одно существо, находящееся между свободой и несвободой, не знает счастья. Но тогда окажется ли женщина способной решиться сбросить с себя цепи рабства для того, чтобы стать несчастной?

Речь не может идти о том, чтобы сделать женщину святой. Вопрос скорее заключается в следующем: может ли женщина честно подняться к проблеме своего существования, к понятию вины? Проникнется ли она, по крайней мере, желанием свободы?

Суть дел заключается в осуществлении идеала, в созерцании путеводной звезды. Разве только в этом? Может ли в женщине ожить категорический императив? Подчинится ли женщина нравственной идее, идее человечества?

Только это одно и было бы эмансипацией женщины.

персонажи

Владимир Фомин

Мужчина в юбке без трусов должен выглядеть очень сексуально в глазах женщин

Мой личный жизненный опыт – достоверная истина для меня. Я убеждён в том, что штаны изобрели враги секса и эротики, потому что я достоверно знаю то, что ни одна женщина, на которой надеты брюки, не может вызвать во мне сексуальное желание. Только девушка в юбке или совсем голая девушка может меня сексуально возбудить, если она к тому же будет обладать прекрасным внутренним миром.

Глубоко заблуждаются те люди, которые говорят, что штаны якобы не являются препятствием для секса, что расстегнуть ширинку на брюках можно очень быстро. Я бы не смог совершить половой акт с женщиной, если бы она просто расстегнула ширинку на своих джинсах. Я бы смог возбудиться только тогда, когда она сняла бы с себя полностью джинсы и всякие трусики. А наличие на ней юбки мне не помешало бы испытывать к ней сексуальное возбуждение, и мне бы для совершения с ней полового акта достаточно было бы, чтобы она приподняла просто свою юбку, и совсем не обязательно, чтобы она с себя эту юбку снимала. Таким образом, между расстёгиванием ширинки на брюках и приподниманием юбки существует громадная разница. Если на девушке надета юбка, если я знаю, что под юбкой эта девушка не носит трусиков, то я могу уже испытывать сексуальное влечение к этой девушке. Если же на девушке надеты джинсы, если она в колготках, если она в купальнике, то она не может вызвать во мне сексуального желания. Таким образом, наличие юбки воспринимается мной как полная нагота. Юбка не мешает продолжению рода. А штаны очень даже мешают! Никакая расстёгнутая ширинка на её джинсах не поможет мне совершить с ней половой акт. Пока она с себя джинсы полностью не снимет, о сексе не может быть и речи!

Юбка без трусов - это в такой же степени сексуально и эротично, как и полная нагота. А любые штаны, колготки, брюки, трусики - всё это полностью лишает всякой эротичности и сексуальной привлекательности.

Всё это справедливо и по отношению к мужчине. Пол не имеет никакого значения. Та одежда, которая делает женщин сексуально привлекательными в глазах мужчин, делает и мужчин сексуально привлекательными в глазах женщин. Деление одежды на мужскую и женскую является просто проявлением дискриминации по полу (существующей в настоящее время дискриминации мужчин) и не имеет никакого разумного смысла.

Особенно сексуальна и эротична полная нагота. Голое женское тело возбуждает мужчин, голое мужское тело возбуждает женщин. Мужчины любят смотреть женский стриптиз. Женщины любят смотреть мужской стриптиз.

В такой же степени эротично и сексуально носить расклешённую юбку без трусов. Женщина в юбке без трусов возбуждает мужчин, а мужчина в юбке без трусов сексуально возбуждает женщин.

Ношение же штанов противоречит инстинкту продолжения рода, так как лишает возможности соблазнять противоположный пол, препятствует возникновению сексуального влечения.

Штаны - это препятствие для продолжения рода, штаны - это препятствие для соблазнения женщины. Штаны на мужике - это символ его унижения и ничтожества. Штаны на мужике как бы символизируют собой его обещание не заниматься сексом, его отказ от свободного оплодотворения всех желающих женщин. Надевая на себя штаны, мужик как бы даёт обещание своей жене не допускать к своему члену других женщин. Ревнивую жену-собственницу это вполне устраивает. Но какой же пошляк, трус и нечестивец тот мужик, который врёт своей жене, изменяет ей тайно, уединяется со своей любовницей, снимает штаны и дрожит от страха, что жена его когда-то застукает, вместо того, чтобы честно сказать своей жене о своей полигамности и бороться за своё право оплодотворять разных женщин!

Нет никакого сомнения, что штаны изобретены врагами свободной любви, врагами эротики и секса.

Штаны, прикрывающие мужское достоинство - это символ лжи и фальши. Штаны глубоко противоречат полигамной муж-

ской природе. Надевая на себя штаны, мужик занимается обманом, делает вид, что не хочет секса, что будто бы ненавидит секс, что будто бы будет заниматься сексом всего лишь несколько раз в жизни только со своей единственной супругой. Нет зрелища более смешного, жалкого и позорного, на мой взгляд, чем мужик в штанах.

Я удивляюсь тому, как женщины смогли захватить такую неограниченную власть над всеми мужиками, заставив их носить штаны, лишив всех мужиков права выбора между юбками и штанами, оставив привилегию носить юбку только себе. Удивительно и то, почему мужики смирились с подобной дискриминацией и не борются за своё право носить юбки. По-моему, настоящие мужики просто перевелись. Вот потому они и носят штаны, превратив себя в пугало. И никому даже в голову не приходит задуматься: "А зачем мы вообще штаны носим, мужики? Какая нам от этого польза, что мы штаны носим?"

Штаны ещё в какой-то степени подходят женщине, во время месячных, во время климакса и в другие периоды, когда она не способна к зачатию плода. Но то, что мужики носят штаны, является просто величайшей глупостью, на мой взгляд, так как мужик способен к оплодотворению женщин постоянно, и уж ему штаны совершенно ни к чему!

Мужчина в юбке без трусов – это настоящий мужчина, цель которого – оплодотворять женщин.

Мужчина в юбке без трусов говорит своим видом: «Кого хочу – того и оплодотворяю. Я ни одной бабе не позволю смотреть на свой член, как на свою собственность. Мой голый член под юбкой всегда готов к оплодотворению женщин».

Мужчина, который не носит штаны, не имеет никакого отношения к гомосексуалистам. Мужчина без штанов – это настоящий мужчина, цель которого соблазнять своим членом и оплодотворять женщин. Мужчина без штанов – это тот самый настоящий мужчина, который не позволит ни одной бабе смотреть на свой член как на свою собственность.

Мужчина, который не носит штаны – это тот самый мужчина, который хочет сказать своим видом: мой член принадлежит всем женщинам мира, и я оплодотворю им любую желающую женщину.

Мужики, зачем вы носите штаны? Без штанов эротичнее, сексуальнее! А если наши бабы говорят нам, что якобы в штанах мы выглядим сексуальнее, что якобы в юбках или голыми совсем мы теряем свою мужественность, то врут они всё, эти бабы. Не верьте им! Просто они все ревнивые собственницы, хотят, чтобы мы не могли свободно трахать всех баб - вот потому эти наши бабы и хотят заставить нас носить штаны, врут нам, что якобы мы в штанах выглядим мужественно. Ну, сами подумайте, какой иной смысл может быть в ношении штанов в летнее время года, как только препятствовать сексуальным контактам между мужчинами и женщинами и препятствовать соблазнению противоположного пола?

Враги секса, враги эротики, враги свободной любви придумали штаны!

Враги секса и эротики вбивают нам в голову с детских лет эту нелепую чушь, что якобы надо стыдиться своей наготы, что якобы очень стыдно, если увидят посторонние твои половые органы?

Сами подумайте, что за дикий бред вбивают нам в голову эти ханжи!

Что может быть стыдного в естественном человеческом теле без одежды?

Что может быть стыдного в том, что ты ходишь в юбке без трусиков и кто-то задерёт твою юбку и посмотрит на твои половые органы? Пусть посмотрит, если ему так интересно! Не надо смущаться и краснеть.

Мне много раз девчонки задирали юбку и рассматривали то, что у меня под юбкой. Я на это просто не обращаю внимания. Стыдиться своего естественного тела – это очень глупо, а для настоящего мужчины – это вообще недопустимо.

Мужчина в юбке действительно очень сильно сексуально возбуждает многих женщин. Но эти женщины не осознают в том, что хотят переспать с этим мужчиной в юбке. У них нет никакого мотива в этом сознаться.

Одна только Екатерина Дёготь, корреспондентка журнала "Плейбой" честно в этом созналась в своей статье "Мужчина в юбке"

Я предполагаю, что у других женщин нет никакого желания в этом сознаваться и соглашаться с мнением Екатерины, что мужчина в юбке выглядит очень сексуально в глазах женщины.

Действительно, если мужчина в юбке сексуально привлекателен для женщин, то ревнивые жёны-собственницы будут категорически против того, чтобы их мужья носили юбки и выглядели сексуально в глазах многих женщин. Напротив, если мужья будут носить эти уродующие их брюки, то больше вероятность того, что они своим таким брючным прикидом не соблазнят многих женщин и сохранят супружескую верность. Ревнивые жёны заинтересованы в том, чтобы их мужья выглядели сексуально непривлекательно в глазах женщин. Поэтому эти ревнивые жёны будут нагло лгать, что якобы мужчина в брюках - это сексуально, мужественно и нести прочий несуразный бред.

Мужья же, которые надевают на себя брюки, чтобы угодить тем самым своим ревнивым жёнам-собственницам, становятся удобными, жёны их используют (нередко живут за их счёт, отбирают всю зарплату, требуют дорогих подарков и т.д.), но не любят их по-настоящему. Поскольку таких удобных мужиков брюконосцев очень много, то никто никому не завидует.

А теперь вдруг представьте, что появляется один единственный гордый, независимый, свободолюбивый мужчина, который сразу заявляет, что считает свою личную свободу наивысшей ценностью и никогда не согласится быть рабом ни одной из этих женщин, штаны на себя принципиально не надевает, говоря тем самым то, что ни одной из женщин никогда не позволит смотреть на свой член как на свою собственность. Предположим, что абсолютно правильным является моё предположение, что в такого мужчину одновременно влюбляются почти все женщины. Ну, разве после этого хоть какая-то из них осмелится стать женой этого всеми любимого мужчины? Нет, конечно. Она побоится того, что другие женщины просто растерзают её из зависти. Ясно, что тот мужчина, который вызывает всеобщую любовь женщин, не сможет, скорее всего, достаться ни одной из них. Весьма мала вероятность того, что найдётся такая смелая женщина, которая решится стать его женой и не побоится всеобщей зависти.

Да дело осложняется ещё тем, что будет возникать не только женская зависть, а и мужская. Все мужики просто возненавидели бы меня и разорвали бы на части, если бы эти фанатки побросали

все своих мужиков и принялись рожать от меня детей-вундеркиндов.

Поэтому, может быть, таких фанаток, которые мечтают о сексуальной близости со мной, с мужчиной в юбке, очень даже много, но они вынуждены скрывать свою страсть ко мне, лгать и притворяться, будто бы я их нисколько не привлекаю в сексуальном плане, так как у всех этих фанаток есть масса воздыхателей среди мужиков, и если эти мужики узнают то, что все они любят меня, хотят меня, мечтают отдаться мне, узнав об этом, эти мужики немедленно захотят меня уничтожить, как самого опасного соперника. Поэтому, любя меня, желая спасти меня от неминуемой смерти, все эти фанатки вынуждены скрывать свою страсть ко мне. Если бы я мог иметь тайны, если бы я мог скрывать что-то и лгать, то вполне возможно, что тогда многие женщины захотели бы тогда переспать со мной, изменить своим мужьям со мной. Но я же никогда не лгу и не имею тайн от людей. Я непременно расскажу о своей сексуальной близости с любой из этих женщин на своём сайте. И тогда очень велика вероятность того, что тот мужик, которому моя фанатка отказала, предпочтёт меня ему, захочет меня убить из ревности и зависти. К тому же, всем очевидно то, что я не умею драться и не смогу за себя постоять.

Можно дать много различных объяснений того, почему толпа фанаток не лезет совокупляться со мной. Самая важная причина, может быть, в том, что у меня очень редко возникает эрекция. Поэтому в течение последних 9 лет удалось возбудить и соблазнить своим голым членом под юбкой только четыре женщины. Вот если бы я ходил в юбке без трусов со стоячим членом... Представляю, что тогда было бы! Увы, мой член встаёт не чаще чем раз в год.

Мужчины, я очень вас прошу, последуйте моему примеру – носите юбку! Мне надоело быть «белой вороной» и эпатировать публику. Я очень хочу, чтобы юбка стала повседневной мужской одеждой!

Мужики, поддержите меня, пожалуйста! Отстоим своё право носить юбки! Уничтожим эту унижительную дискриминацию, дающую только женщинам привилегию носить юбку.

Женщины и мужчины! Такая вот расклешённая юбка, к сожалению, совсем вышла из моды в наш антисексуальный век и

стоит всего 100 рублей. Но я считаю эту юбку самой эротичной, самой удобной, самой сексуальной. В ней можно ездить на велосипеде, в ней удобно садиться на лавочку. Поэтому я купил себя сразу четыре такие юбки. Это самый лучший фасон, на мой взгляд. Юбка эта имеет достаточную длину для того, чтобы соблюдать все требования гигиены.

Сетевой дневник молодой матери

Денисочки с нами больше нет.

Не спрашивайте меня, что случилось, я всё равно не смогу рассказать.

Вернусь сюда я теперь не скоро...

Девочки, счастья вам с вашими детишками. Берегите их и себя...

P.S. Как свернуть лактацию?

Ребенок на экспертизе, и похоронить мы его сможем лишь через две-четыре недели.

А потом меня будут судить. За убийство, пусть и непреднамеренное, собственного малыша. Я суда не боюсь, я боюсь жить дальше, мне снятся кошмары, один из которых смешался с явью и отравил нам жизнь...

Видно, рано нам еще такое счастье. Прибрал Господь Денисочку... а мы будем стараться и родим еще... хочу мальчика теперь...

Девочки, спасибо вам еще раз, за ваши слова, за молитвы... за сегодняшний день...

Адвокат у меня хороший, один из лучших, да к тому же она моя тетя. Говорит, не посадят. А случилось вот что.

В тот день муж был на дежурстве, на сутках, а мы дома. Я очень устала, в десять часов выключила компьютер, сделала Дениске массаж, одела его и положила на диван рядом с собой

спать. На улице стояла жуткая гроза, с громом и молниями. Окно было открыто, я задернула шторы, чтобы он не пугался, и легла рядом его кормить. Уснули мы вместе.

Что произошло дальше, я до сих пор понять не могу. Мне снился какой-то сон. Не просыпаясь, я встала и бросила что-то в окно. Легла снова. И только моя голова коснулась подушки, я поняла, что сделала что-то не то... Подбежала к окну, а ребенок беленьким пятнышком лежит на асфальте... накинув халат, по лестнице я побежала вниз... подняла его... уже всё... девятый этаж... крови не было, только грязь...

Принесла домой, и мы на пару с мамой долго выли. Потом отдали папе, чтобы он его помыл, завернул в пеленочку. Дальше скорая, милиция, прокуратура... Когда посмотрели на часы, был всего лишь второй час ночи! Мы в это время оба спали. Почему же я встала?! Почему рядом не было мужа, который играет до двух-трех часов ночи на компьютере?! Почему?..

Приехал муж, он меня поддержал, за что большое ему спасибо. Все мои родственники понимают, что я не могла такого сделать в здравом уме. А вот его мама... ладно, с ней мы разберемся.

Вот так...

Я долго ждала, что проснусь от этого страшного сна, но это не сон. Нужно жить дальше с этой ношей на душе... я убила своего ребенка...

Родные мои, прошу вас, высыпайтесь! Берегите себя, ведь от вас зависит жизнь и здоровье ваших детей... Не спите с открытыми окнами... я знаю, вы подумаете, что сами никогда так не сделали бы... Я тоже так думаю, я не могла так поступить, ни одна мать так не сделает!.. Но это произошло... Моя тетя-адвокат говорит, что у нее такое было не раз... даже посреди бела дня...

Я вчера долго не могла уснуть, мне было страшно находиться в этой комнате ночью, даже рядом с мужем (он взял отпуск на неделю). Да еще и грудь перетянутая очень болит. И сейчас всё болит... и тело... и душа...

Приезжала свекровь.

Ни одного слова соболезнования... только настаивания на проведении психиатрической экспертизы... Когда ей сказали, что при постановке на учет мне могут просто не разрешить больше рожать - "да об этом сейчас не может быть и речи!" (а вдруг она и со следующими так поступит) и т.д. и т.п. Причем пришла не одна, а с поддержкой в виде родственницы-медика... Хорошо хоть тетя моя была, она знает, как лучше сделать.

Вскрытие показало, что ребенок, скорее всего умер от удушья! Они вообще сомневаются в том, было ли падение с девятого этажа (ребеночек целый, только на голове "сложная травма")... Но так как показания и результаты вскрытия не совпадают, то будут проводить дополнительную экспертизу для выяснения причин смерти.

Да, я понимаю, мне нужно к хорошему специалисту, может быть даже на гипноз, чтобы всё вспомнить, но я не люблю, когда на меня давят. "Предложить помощь" - это не то, что они делают. Можно предложить, а можно заставить... а ведь меня, если заставлять, я могу и упереться... И еще я очень не хочу, чтобы меня поставили на учет и запретили рожать.

Была с утра у психиатра. Никаких отклонений она не нашла и поводов для госпитализации нет. Еще она хотела посоветоваться с заведующей насчет дальнейших действий (может, отправить меня к психологу), но мы не дождались, уехали домой, в два должен был приехать следователь (сейчас почти пять, а его до сих пор нет).

Экспертиза показала, что мальчик умер от удушья и с девятого этажа не падал. Это 95%, в пятницу что-то еще прояснится, но окончательно будет готово еще не скоро...

В общем, картина складывается такая: ребенок задохнулся, я это увидела и в шоке отнесла его на улицу и вернулась обратно. Всё остальное мне приснилось или померещилось. Сейчас мне нужно вспомнить, что же было на самом деле...

Вот... устала... тяжело... не могу смотреть на его фотографии... не хочу оправдываться... где-то в час всё произошло... в пять мы поехали в прокуратуру... к девяти вернулись домой... состояние было жуткое... я решила, что сюда больше не вернусь... никому из знакомых я еще не сообщала... никому...

Содержание номера

Вступление	4
<u>микро</u>	
Руфи Руф. Ля-ля, детка [отрывки из романа]	6
666. Стихотворения	12
Ника Дуброва. Микрограммы	19
<u>проза</u>	
Павел Бабаков. 12 текстов о молодом человеке	26
Маргарита Кривченко. Собаки лучше, чем грязная посуда	38
Станислав Курашев. Два рассказа	47
Вадим Климов. Нелепое вторжение	55
<u>мертвый текст</u>	
Бруно Шульц. Комета	89
Шарлотта Бурилли. Пикассо и наши дети	105
Уильям Берроуз. Женщины: биологическая ошибка?	129
<u>архив</u>	
οrϑiοn. Так ведь и я тоже любил	133
<u>extremum</u>	
Алексей Лапшин. Мужское/женское	141
Отто Вайнингер. Пол и характер [отрывки из книги]	146
<u>персонажи</u>	
Владимир Фомин. Мужчина в юбке без трусов должен выглядеть очень сексуально в глазах женщин	151
Сетевой дневник молодой матери	157